

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·84

3

МАРТ

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию и весь советский народ, что 9 февраля 1984 года в 16 час. 50 мин. после продолжительной болезни скончался Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель

Президиума Верховного Совета СССР Юрий Владимирович Андропов.

Имя Юрия Владимировича Андропова — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, стойкого борца за идеалы коммунизма, за мир — навсегда сохранится в сердцах советских людей, всего прогрессивного человечества.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленинский внешнеполитический курс нашей партии и госу-

дарства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплавивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Тов. К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-84

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

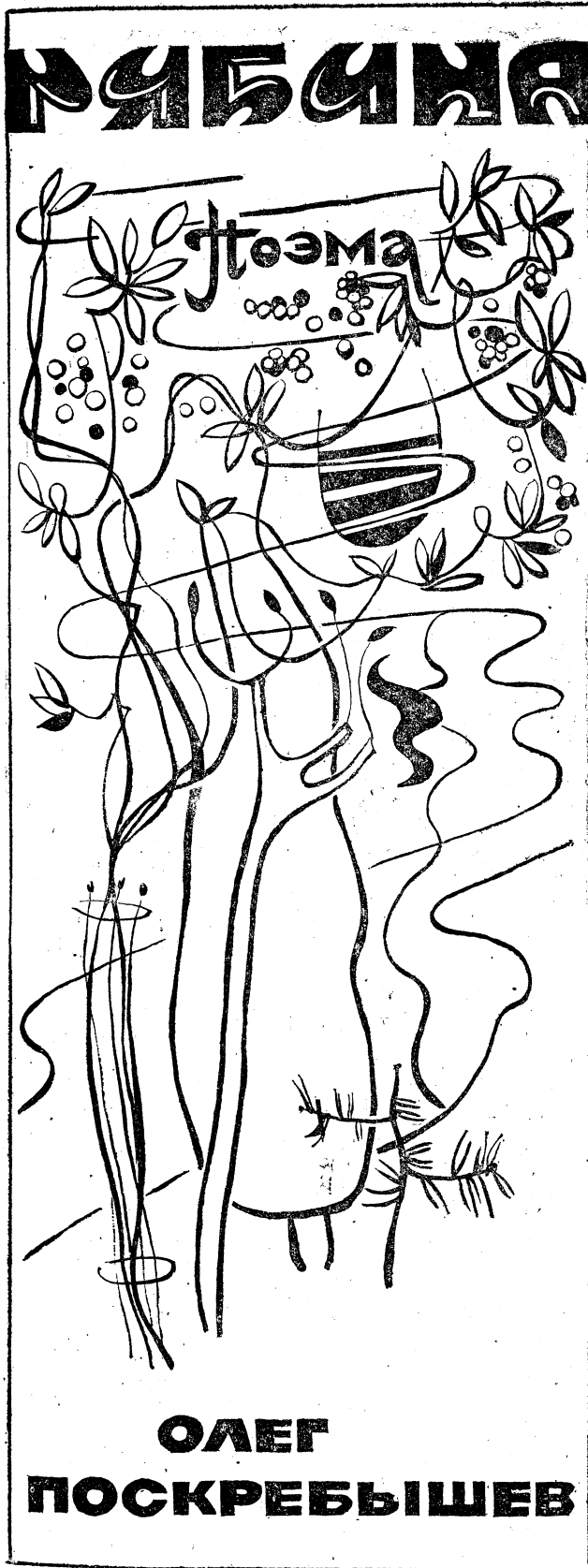
СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 3 МАРТ

1

Молоком облил отаву иней,
Сделались хрустальными кусты.
Скоро под окно,
К моей рябине,
Прилетят горластые дрозды.

Налетит на кисти птичья стая,
Словно мотыльки на фонари,
И — смотри —
За полчаса истает
На ветвях загнетный жар зари.

Не стоять ей
Всех милей да краше
После разгулявшихся дроздов —
Ягодки в траве заолодавшей
Каплями разбрызжуются, как крозь.
И опять о горестной минуте
Вспомню я,
Забыв про все дела...

2.

К Анне Алексеевне,
К Анюте,
С фронта похоронная пришла.
Брызнули,
Упали слезы наземь,
Как в перестоялой ржи зерно.
Даже небо стало в одночасье,
Словно крылья ворона,
Черно.

Будто всю семью на гиблый стрежень
Вынесло —
Под снег, и дождь, и град.
(А детишки-то — мал мала меньше,
Как у нас в деревне говорят.)

Сказывать ли,
Как, склонясь рябиной,
Побелела Анна, словно мел,
Или как ей омут голавлиный
В глазыньки маняще поглядел?!

Но не порвалось —
Где было тонко,
Не сломилось —
Где надсек прошел.
Может, и спасли-то ребятенки,
Ухватясь за материн подол.

А еще она —
От слез и ссадин,
От беды, заледенившей грудь, —
Убивалась на работе за день,
Чтобы ночью мертвым сном уснуть.

Да и на миру всегда полегче:
Люди тяжесть делят меж собой.
Кто из них остался не повенчан
В те години
С тою же бедой!

На пределах родины огромных —
Хоть вперед посмотришь, хоть назад —

Шел из тех листочков похоронных
Затяжной осенний листопад.

Не зорянки
Пели спозаранку —
Плач летел,
Полз на коленках стон.
..Вон забилась на крыльце сестрянка,
Вон идет к соседке почтальон.

Так сведе лишь
Пестовать досуг ли?
Можно ль плакать только над собой?!
Время шло,
И жгущиеся угли
Легкою подернуло золой.

Показалось:
Гирей в омут канув,
Горе не всплывает уже наверх...

3.

Как-то раз,
Спросив солдатку Анну,
К ней зашел нездешний человек.

Опершись на палочку,
В шинели,
Встал он —
С виду вроде хвор и слаб.
— Ну,— сказал,— добрался еле-еле,
Принимай, хозяйюшка, посла.

— От кого? — спросила, холодея,
Дрожью вся прошитая насквозь.
— От кого?
Конечно, от Андрея!
— Так ведь он...
— Ну что ты! Думать брось!

Без того ему пришлось несладко
В госпитале койки обживать,
Так что ты не торопись, солдатка,
По бумажке мужа отпевать.

Жив твой рыжий
(«Вправду, золотой он!»),
Жив кудрявый
(«Верно, как вьюнок!») —
И у Анны голубой волною
Пол поплыл, колышась, из-под ног.

А пришелец оглядел притихших,
В уголок забившихся ребят,
И, как будто прежде знал детишек,
Поименно всех назвал подряд.

По головке каждого погладил:
— Ишь ты, кроха!
Ух, какой пострел!
Как вас знаю?
Да про вас в палате
Батяка ваш всем уши прогудел...

Не на трут сухой из-под кресала
Искорка звездой порхнула вкось —

Искра Anne на сердце упала,
Верой сердце Анны занялось.

Сколько дней жила мольбой о чуде,
Все надежды канули на дно,
Вся душа изорвалась в лоскутья...
Но явилось чудо,
Вот оно!

Вот она, немислимая радость —
Как цветы по снегу в декабре!
То-то наша Анна заметалась
Гостя накормить и обогреть!

Все, что тайно берегла на случай,
Чуть ли не держала под замком,
Все, что было,
В радости певучей
От души поставила на кон.

А сама не отщипнула хлеба,
Даже не притронулась к вину —
Нить рассказа
К Аннинному сердцу
Тянется, как пряжа к веретну.

И любое слово в нашей Anne
То ликует,
То больмя-болит.
— ...В окруженье был, потом был ранен...
(«Слава богу: ранен — не убит!»)

— Плох был, что уж говорить неправду.
Будто свечка:
Дунуть — и погас.
Но теперь-то дело на поправку,
Отошла безноса от нас...

И когда во двор плеснулась радость
(Тесно милой в четырех стенах),
Вся деревня как один сбежалась,
О счастливой новости узнав.

Заходили бабы,
Трепетали,
Видели —
И впрямь сидит солдат.
На груди у воина медалей,
Как после грибных дождей — маслят.

И у всех при встрече со служивым
Как бы невзначай
Одна печаль:
— О моем-то как смекаешь?
Жив он?
— Нашего случайно не встречал?..

Anne ласточкой скользит и реет,
Бубенцы поют у ней в груди;
Да еще узнала, что к Андрею
Снова он заедет по пути.

И сама бы кинулась в дорогу:
Приютят соседюшки детей,—
Но солдату вспомнилось,
Что строго
Наказал-де дома ждать Андрей.

Высеваю слезы на страницах,
Исписала целую тетрадь
И котомку,
Целый пуд гостинцев,
Упросила —
Для Андрея —
Взять.

4.

Шли деньки, по капле истекая:
Не пилося, не елось —
Так ждалось!

Только вскоре, как вода дурная,
Просочился новый слух в колхоз.
Он вначале полз тайком,
Туманно,
А потом открылся — прячь не прячь,—
Что-де был в гостях у нашей Анны
Не солдат, а так...
Один ловкач;

Все приемчики его известны —
Вызнать то, что надо, стороной,
А потом явиться с «доброй» вестью:
— Принимай-ка!
Твой солдат — живой!

Радуйся, голубка!..
Ну, а если
Что пошлешь —
Подброшу по пути...

Но откуда эдакая плесень
И на чем она могла взойти?

Ой, в реке великой не без брода:
Стоит поискать —
Найдется брод;
Ой, в семье большой не без уroda:
И в народе —
Не один урод.

В чем причина?
Вроде силой всею
Трудно ль сковырнуть какой-то прыщ?!
Но ведь сорняков спокон не сеют,
Сами лезут —
Только проглядишь.

Этот
Сразу путь себе означил,
Оглядел его за пядью пядь.
«Пусть ломают хрип,
А я не кляча.
Чтоб себя навек захомутать.

Не дурной я вторить всяким бредням:
— ...Долг наш...
Труд на благо...
Совесьть...
Честь...—

В этот омут
Надо с частым бреднем
Да поширше крылышки развесьть...»

Нюхом —
Где на жилу,
Где на струи:
Потекла в ладони благодать.
Но ведь сколько вор ни наворует,
Все равно тюрьмы не миновать.

Это жизнь всегда итожит четко.
Ловок был,
А оплошал и он.
В клеточку стал мир через решетку.
Поумнеть бы —
Вышел обозлен.

В самый раз бы — на себя озлиться,
Он же:
«Все свое возьму сполна:
Снова в руки натечет живица...»

Тут как раз и грянула война.

Ох, война — немислимая ноша.
Но она —
И духа гордый взлет.
Сколько в чем-то на него похожих
Сразу осознали:
— Мы — народ!

Даже те,
Кто вправду был обижен,
И обидой, как корой, обит,
В это время оказались выше
Злых,
Кусачих,
Вьедливых обид.

Как молитва
На губах одно лишь:
— У тебя я, родина, в долгу.
Ты прими мою, Россия, помощь,
Ты поверь в меня,
И я — смогу...

Чистым звоном в людях зазвенело
Жертвенного духа торжество.
Но порывом этим не задело
Душу омертвелую его.

Не смогло в нем это пламя выжечь
Злые корни,
Давней гнили ком.
«Выжить... выжить... лишь бы только выжить...
Я же сроду не был дураком!»

«— Жизни не щадя...» —
Да что я — рыжий,
Сунувшись башкой, уйти в назем?!
Выжить, выжить, лишь бы только выжить!
Выжить — это долго жить потом!..»

И укрылся —
Будто канул в воду.
Ну-ка, где он —
Разгляди сумеи,—
Хитролаз, притершийся к народу,
Оборотень злой среди людей.

Для таких,
Орудующих тонко,
Омут горя — чем не омуток:

Знай рыбачь,
Выживай котомки,
Нацепив надежду на крючок.

Знай порхай с рябины на рябину:
Наклевался —
Да и был таков.
Пусть покроет инеем сединным
Косы их,
Пускай закаплет кровь!..

И когда,
Ударя в сердце Анны,
Этот слух пробил его, как гвоздь,—
Рухнула на землю бездыханно,
Отливать водой ее пришлось.

(Да и хоть кого коснись —
А ну-ка,
Просто ли такое пережить?!
Сам себе представь,
Какая мука —
Своего вдругорядь хоронить!)

Выбило на лбу крупной картечи
Смертную,
Тяжелую росу.

Но очнулась Анна:
— Если встречу,
Горло, как пикан, перегрызу.

Так Анюта прохрипела это,
Взглядом неподвижным промерцав.
Что... уж лучше пусть по белу свету
Где подальше носит подлеца.

Кажется, к концу подходит повесть,
Но не вся еще она,
Не вся...

5.

Шел по рельсам пассажирский поезд,
Шел он ровно двадцать лет спустя.
И в вагоне светлом и уютном,
Скромно сидя меж других людей,
Анна Алексеевна,
Ачюта,
Ехала к одной из дочерей.

В этом же составе
В ту же пору,
Серый весь, как высохший стручок,
Шаркая ступал по коридору
Седенький дрожащий старичок.

Плелся он, уставясь мертвым взглядом,
Как бы в небо, в своды потолка.
И дрожала дрожью листопадной
Хилая просящая рука.

Не жалея с мелочью расстаться,
Щедро оделял его
Вагон.

...Анна только глянула на старца —
Сердце так и подскочило:
Он!

Весь не тот —
Спина что коромысло,
На головке серенький налет,
Кожа, как паучья сеть, обвисла...
Весь не тот.
Но сердце снова:
Тот!

А ладонь плывет неслышной тени,
И на ней,
Покойницкой на вид,
Как росинка на листке осеннем,
Гривенник серебряно блестит.

Вся сжимаясь,
С мстительной оттяжкой
(Ах, как рвется из души огонь!),
Веско
Трехрублевую бумажку
Положила
Анна
На ладонь.

— На,— сказала,— прячь скорей:
Сгодится.
Да не кланяйся ты — перестань!
Трешка-то — по-старому все тридцать,
Ровно как Иуде за Христа.

Что так вздрогнул?
А, узнал, голубчик,
Хоть глаза под веки заволок!
Ну, не пяться,
Погляди получше,
Потолкуй со мною, старичок.

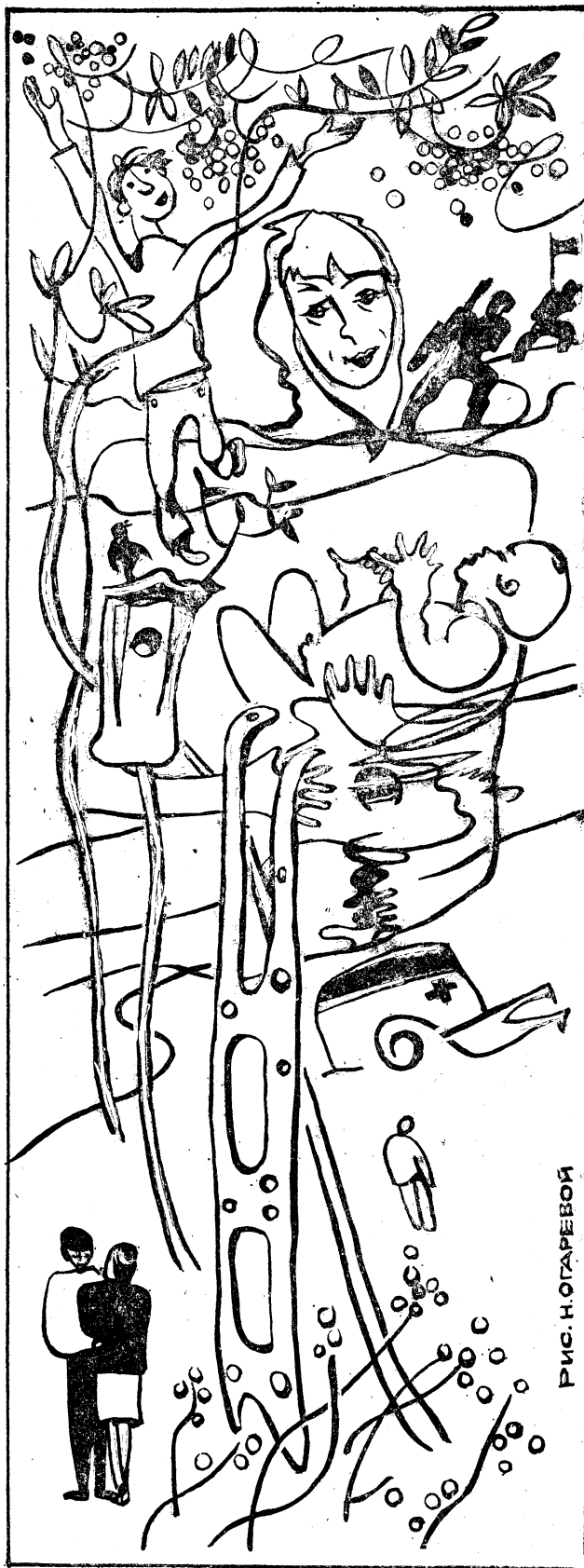
Ловко ты опять —
Удить на жалость:
Нищих одевают испокон.
Ну, да что еще тебе осталось —
Нищий ты, хоть набирай миллион.

Что губенки склеил?
Что молчишь-то?
Не отнялся ль невзначай язык?
Можешь и кричать —
Тебя не слышно:
Ты немее всех глухонемых.

Вместе едем будто бы в вагоне,
Только в разные концы —
Вот так!
Я — живая,
Ты — давно покойник,
Даже не покойник, а мертвяк.

И твои отростки —
Будь спокоен! —
Разглядим:
Не упасется тля...

За окном,
В блескучих перьях зноя,
Белой лебедью плыла земля.

Вся в полях, в лугах, в лесах тенистых,
В тропках от села и до села,
В городах, в заводах, в обелисках
Величаво родина плыла.

Дорогая!
Потому, наверно,
Так она мила и дорога,
Что заплачено ценой безмерной
За нее в веках и на века.

Изнутри ее, как солнце, греет
Кровь родных сынов и дочерей.
И солдата нашего —
Андрея —
Сердце
Тоже пламенеет
В ней.

Всякое насилие осилив,
Всякой злобе обломав рога,
Силой правды велика Россия,
Как бы правда ни была горька.

Пусть,
Чуть что,
Из подворотен шавки
Тявкают,
Вопят наперебой —
Усыхает под лучами накипь,
Сносит плесень глыбистой волной.

Без прощенья
На глазах суровых
Издыхает у задворок зло.

Ах, как гордое, большое слово
Горло нашей Анне обожгло!

Но его ли в уши мертвечине?!
— Уползай,— рукой махнула,— сгинь...

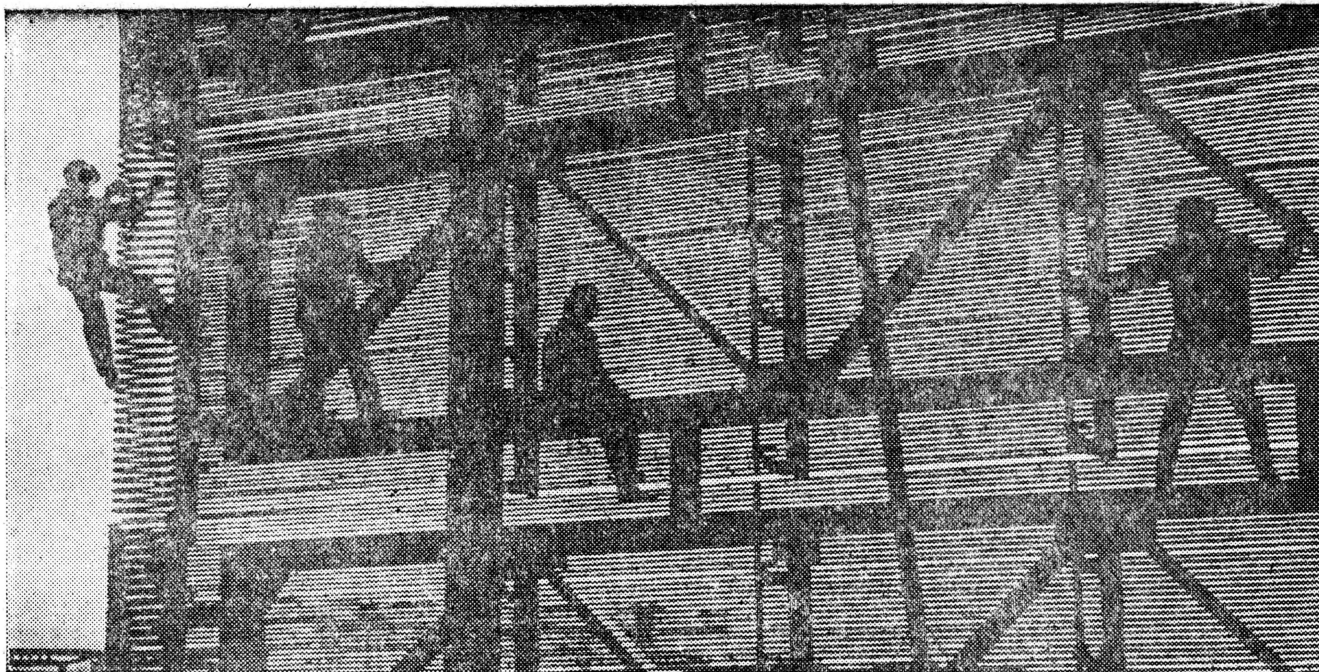
6.

Прилетят дрозды к моей рябине,
Время ждать их —
Изошла теплынь.

Прилетят дрозды горластой стайей,
Повернут погоду на покров —
И заря под окнами растает,
И закаплет на отаву кровь.

И прикрою я глаза ладонью:
Память мне в лицо
Огнем плеснет.
Но потом
С усилием
Припомню:
Оживет рябина,
Зацветет.

НА СЕРЕБРЯНОМ МЕРИДИАНЕ

Игорь
ИВАНОВ

Фото
А. Лыскова

Стоит колесам вагона гулко простучать по железнодорожному мосту через речушку Вагран,— я уже неотрывно смотрю в окно. Скоро буду нетерпеливо курить, стоя у вагона во время долгой — целых двадцать минут — остановки на станции Бокситы. Потом поезд, наконец, тронется, и поплывут за окном знакомые с детства картины. Вначале покажется косогор над тонкой змейкой реки Колонги, на котором притулились избы села Петропавловского, когда-то единственного поселения в здешних местах. Увидится некогда господствовавший над старой частью города каменный храм, ныне заброшенный, потерявший свой царственный вид. Пробегут ряды деревянных и новых многоэтажных домов, покажется шпиль старого вокзала,— и радостно и тревожно захолонет в груди при виде родительского дома...

Для добровольцев, едущих сюда по комсомольским путевкам, Североуральск пока только точка на географической карте — точка, у которой обрывается черная ниточка железной дороги, идущей на север Свердловской области. Но с того момента, как они сели в поезд, мой город уже не был им чужим.

Он позвал их на помощь. Сегодня ему очень нужны молодые рабочие руки. Всесоюзная ударная комсомольская стройка называется так: строительство поверхностных шахтных сооружений на Североуральском бокситовом руднике.

Романтика ударной стройки связывается с работой в труднодоступных местах, со сложными условиями, даже стихией, с палаточной жизнью... А тут ребят поселили в нормальные общежития, приняли их сложившиеся опытные коллективы. Северная окраина Урала — никакой не медвежий угол: в городе есть кинотеатры, Дворцы куль-

туры, бассейн, которому иной областной центр позавидует. А костры здесь жгут только в походах...

Давным-давно отступила под натиском человека вековая тайга, и ушли от грохота карьерных взрывов на север, за Денежкин Камень, волки и медведи. Говорят, последний раз их видели здесь перед войной. Много лет назад снесен тот барак с насыпными стенами, в котором я когда-то родился и где вся наша семья, семь человек, жила в одной комнатенке.

Что касается романтики... В толковом словаре русского языка говорится: «Романтика — это то, что создает эмоциональное, возвышенное отношение к чему-либо». Если у человека это «возвышенное отношение» к ударной стройке рождается только от песни у костра, то оно, как дым костровый, и растает очень скоро. Настоящая романтика — это прежде всего достижение большой и трудной цели, это сложная ответственная работа. Можно поручиться — здесь ее на всех хватит.

В 1931 году Центральный Комитет ВКП(б) принял решение о развитии отечественной алюминиевой промышленности.

Геолог Николай Акимович Каржавин обнаружил, что образцы железистых песчаников, хранившиеся в «каменной библиотеке» русского академика Е. С. Федорова, содержат более 50 процентов окиси алюминия — а это значит, что есть в наличии первоклассная бокситовая руда. Поиски привели геолога в район таежного села Петропавловского. На правом берегу реки Вагран обнаружили выходы точно таких же, как у Федорова, бокситов.

Открытому месторождению дали поэтическое название «Красная шапочка» — по цвету руды. Позже в этом районе были найдены месторождения Кальинское, Чер-

муховское, Сосьвинское. Они и образуют в совокупности Североуральский бокситовый бассейн, вытянувшийся на север строго по шестидесятому меридиану, словно природа решила сделать воображаемую географическую линию материальной. Столько хранилось в руде крылатого серебристого металла, что скорые на слово журналисты назвали меридиан «серебряным».

Далекие тридцатые... Эпоха трудовых рекордов. Магнитка и Турксиб, Уралмаш и Челябинский тракторный... Детство «Красной шапочки» совпало со стройками века. На северном руднике отчетливо прослушивался горячий пульс времени.

Страна все увереннее вставала «на крыло». Боксит был сырьем стратегической важности. Руду геологи нашли, только... взять ее было нечем, не было техники.

«Мы жили, как при бомбежках: в разрезы закладывались тонны аммонала, крест-накрест заклеивали стекла в домах — и поселок пустел, табором уходил прочь, в тайгу. Гремела, вздрагивала земля. И люди возвращались — в дома, в забой. На всю жизнь запомнились те забойщики: красные спецовки и лица, широченные лопаты с отшлифованными ручками, в которые навечно втерта ладонями красная бокситовая пыль. На смену ли, со смены — лопаты на плече. Каждый имел свою, привычную, дома ставил ее в угол, как винтовку...» — так пишет о том времени в очерке, «Быль о «Красной шапочке» журналист «Правды» Александр Мурзин, тоже коренной североуралец.

Дед мой, Тимофей Семенович, приехал в эти места в годы войны. В самом ее начале были выведены из строя Тихвинское бокситовое месторождение, Днепропетровский и Волховский алюминиевые заводы. Армии, сражающейся с фашистами, грозила опасность остаться без крыльев. И тогда на северную уральскую землю поехали опытные тихвинские горняки и знатные московские метро строители, ведущие ученые, профессора горного дела, хлынул поток рабочих со всех республик страны.

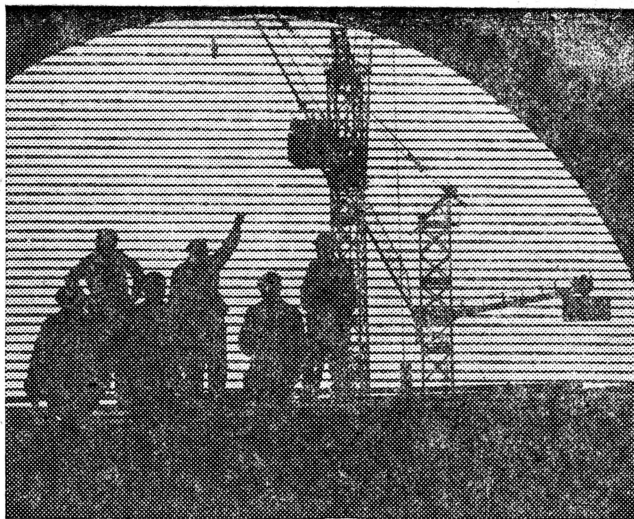
Серебряный меридиан содрогнулся от мощных взрывов. Началась массовая добыча руды открытым способом из неглубоких шахт, построенных еще до войны. Фронт требовал самолеты. Много самолетов. Каждый горняк знал: две тонны боксита — это тонна глинозема, две тонны глинозема — это тонна алюминия, две тонны алюминия — это самолет! И люди работали, не щадя себя. Золотыми буквами вписаны в историю рудника и города имена тех горняков, что ковали здесь крылья для Родины: Григория Бурмея, Чапая Созаева, Нигмаджана Минзарипова, Ивана Проникина и многих-многих других.

Меридиан «вспарывался» вширь и вглубь. Руд, залегающих у поверхности, не хватало. Для расширения рудника в начале войны в городе был создан специальный трест «Бокситстрой».

Когда шахтостроители прошли первые неглубокие горизонты и двинулись к сердцу месторождения, открылся им неведомый, страшный мир преисподней. Сотни рек и речушек протекают по рудному телу бассейна, напоминая огромную губку. Миллионы лет назад, когда вздымался батюшка-Урал, пласты руды и породы оказались изломанными, нагроможденными друг на друга в чудовищном беспорядке. Между ними образовалось большое количество карстовых пустот, часть которых со временем наполнялась водой. Сдавленная в этих природных резервуарах миллионами тонн породы, вода представляла для горняков грозную опасность.

Стоило сделать дырку в стене такой «цистерны», как вода с грохотом врывалась в забой, круша все на своем пути. Заряды взрывчатки вылетали из скважин, как ядра из пушки. Затапливались целые горизонты. Люди продолжали работать. В кессонах. Штреки напоминали подводные лодки: их перегораживали массивными стальными перегородками, выдерживающими стометровый столб воды. При опасности обводнения двери перегородок наглухо задрывались.

Только за два первых года войны здесь откачали столько воды, сколько из всех шахт Донбасса, затоплен-

ных немцами. Академик Дмитрий Наливкин, известный геолог и стратиграф, говорил об условиях, в которых разрабатывается Североуральский бокситовый бассейн: «Невероятно! Два раза я объехал земной шар, но ничего подобного не видел...»

Маленькие, рядом с нынешними, копры наклонных неглубоких шахт, красные от въевшейся бокситовой пыли, старые полузасыпанные карьеры остались от тех лет... Рядом с одним из них наша семья держала огород, где садили картошку. Чего там только не было: старые автомобильные шины, ржавые траки экскаваторных гусениц, остовы каких-то агрегатов... Нам, мальчишкам, и невдомек было, что находки эти сродни тем проржавевшим автоматам и снарядным гильзам, что находят в полузаросших окопах наши ровесники в средней полосе — они не меньше могли бы рассказать о войне.

А когда наш домашний генерал бабушка Катя вручала лопаты: «Копайте-ка огород, голубчики», — мы и за работой смотрели на огромный копер новой по тем временам шахты № 1 «Капитальная», ждали, когда поползет по террикону черная букашка вагонетки, опрокинется, и весело застучат, скатываясь с огромной высоты, камни пустой породы.

Кончилась война. Был жив еще конный двор СУБРА, и лошаденки, на которых приезжал в обеденный перерыв наш дед, жадно хватали посленные корочки хлеба. А вокруг уже была другая жизнь.

Тянулись гигантские ЛЭП от строящихся электростанций. Расширялись новые отрасли промышленности: радиотехника, электроника. На уральских алюминиевых заводах вводились в строй новые гигантские цехи, которые необходимо было обеспечить сырьем.

Обработка месторождений велась уже до глубины 250 метров, через капитальные наклонные стволы. Чем глубже уходили в землю стволы шахт, тем труднее доставалась каждая тонна боксита. «Вековые воды», горные удары, означавшие сдвиги пород, карсты, газы — весь букет трудностей, с которым может столкнуться горняк, преподнесла природа североуральцам. Битва за большую руду продолжалась. Но лозунг: «Боксит — любой ценой!» — уже не годился. Пора было подумать об улучшении условий труда и быта горняков, о расширении рудника.

В 1956 году строительство поверхностных сооружений на Североуральском бокситовом руднике было впервые объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Первый эшелон добровольцев насчитывал семьсот человек. С ним приехала еще совсем девчонкой и Нелли Храмова. В августе прошлого года Нелли Яковлевна на правах ветерана встречала нынешний ударный отряд. Что

она могла сказать этим ребятам? Был в те годы «бум» земли, у молодежи проснулась тяга к открытию новых земель. Вот и они — двадцать парней и девчат из Казанского авиационного училища — не под крылышко к родителям потянулись, а решили махнуть на новую стройку. «Земли», которые им предстояло открыть, лежали на глубине полкилометра...

Они строили «поверхность»: новые стволы шахт, гидротехнические сооружения и сам город.

Многим обязан Североуральск первому ударному отряду. Но и он не остался в долгу: большинство ребят, приехавших сюда по комсомольской путевке, нашли здесь свою судьбу, выросли вместе с городом.

Они, комсомольцы пятидесятых, с честью выполнили порученное им дело: обеспечили дальнейший рост рудника.

Добровольцев сегодняшних дней встретил вполне благоустроенный город, где есть все условия для нормальной работы и жизни. Поколение первопроходцев приняло на себя всю тяжесть борьбы с суровой уральской природой. Поколение военной поры штурмовало малодоступные недра этой земли. Поколение пятидесятых самоотверженным трудом творило сегодняшний день рудника. Что же, нынешним строителям не осталось трудностей?!

Шахтное строительство — дело не простое. И большая стройка только начинается.

...Бежит на север прямая, как стрела, дорога. Мы с Евгением Лосевым, начальником штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки, едем смотреть ее будущее.

На краю исследованного рудного поля готовился новый фронт работ для горняков. Первый объект — шахта «Черемуховская-глубокая». На полтора километра должны войти три ее ствола в земную глубь. Пока пройдено только пятьдесят метров. «С крана», как говорят строители: подъем грунта ведется обыкновенным строительным краном.

Олег Аникин, потомственный шахтостроитель, повел нас показывать «дырку». Дырка как дырка. А я, признаюсь, не без содрогания глянул вниз, где на пятидесятиметровой глубине гудели перфораторы проходчиков. Пройдет не так уж много времени, и отсюда на-гора пойдут тонны высококачественного боксита.

В комплексной бригаде плотников-бетонщиков Алексея Федоровича Щетинникова работают и члены ударного комсомольского отряда Татьяна Щеголева и Ольга Паликова. В отличие от Аникина, они только здесь и узнали, что такое шахта. Приехали на стройку из Невьянска: Татьяна работала контролером ОТК, Ольга — лакировщицей. Как им, заводским девчонкам, привыкшим к светлым, теплым цехам, показался этот пятачок промерзшей земли в тайге, который приходится разрабатывать нехитрым пневмоинструментом? Привыкли... Скоро сдадут на разряды, станут настоящими шахтостроителями.

Начальник участка Александр Кащенко привел мне свою простую арифметику:

— Вот смотри, должен я освоить за год один миллион рублей... Выработка одного рабочего за год составляет семь с половиной тысяч рублей. Делим. Получается сто тридцать пять — вот сколько мне нужно людей, чтобы нормально вести работы! А у меня тринадцать человек... Сорок две тысячи кубов нужно вынуть, чтобы сделать «ноль», плюс двадцать километров коммуникаций. А грунт — скала, будь она неладна, ее «на испуг» не возьмешь...

Гигантской подковой встало над рекой Сосьвой тело плотины, которая должна защищать от обводнения новые рудные разработки. Многомиллионное сооружение необходимо ввести в строй — это важнейшая на сегодняшний день задача.

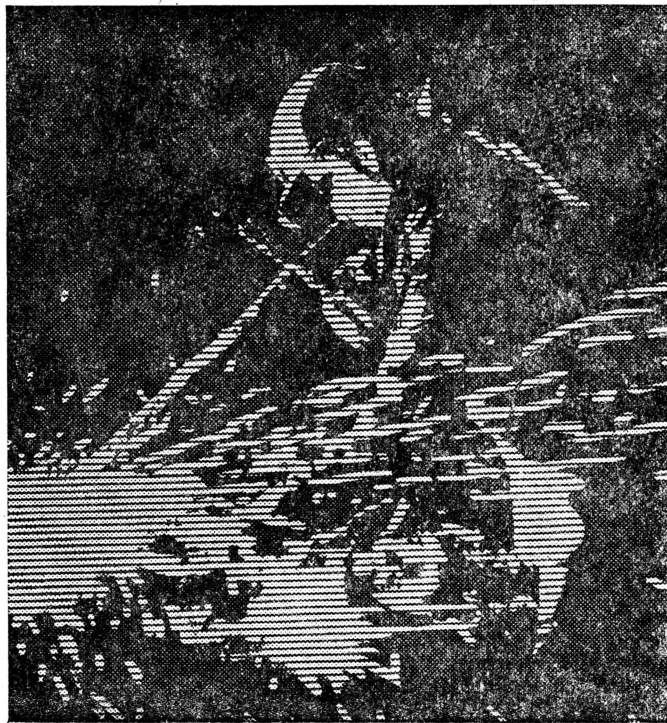
Слишком малочислен пока ударный комсомольский отряд. Приехало около ста человек. Сразу спасовало одиннадцать. Пятнадцать покинули стройку, проработав не больше месяца. Сегодня их — шестьдесят семь, оставшихся. Для стройки — капля в море... Если еще учесть, что многим ребятам учиться нужно. Стройке нужны рабочие руки!

Володя Камагаев работает в комсомольско-молодежной бригаде Рафиса Рафикова:

— Нас из отряда в бригаде пятеро. Мне нравится работа. Я нигде не встречал таких возможностей для профессионального роста... Среди нас много и семейных — с яслями, детскими садиками никаких проблем. А главное, трест по договору предоставляет в течение года благоустроенные квартиры, уже сколько семей отпраздновали новоселья. Так что, работай, не ленись — вот и все!..

С нетерпением ждут местные новоселы весны: здесь прекрасные белые ночи, город стоит на одной широте с Ленинградом. Весной можно сходить на Денежкин Камень, на Кумбу — две эти невысокие, но живописные вершины совсем рядом с городом. А сколько здесь прозрачных озер и рек!

Не торопятся ребята все это увидеть. Не гости они в этих краях, — вся жизнь впереди.

СТРОКИ В ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА

Фронтвая песня

Эту песню я услышал в 1954 году в далеком Заполярье. В одном из гарнизонов шел концерт художественной самодеятельности. На сцену вышел летчик с гитарой и спел песню «Хозяйка». Теплоты и задушевности в песне было не меньше, чем в знаменитой «Землянке». После концерта я спросил у летчика: кто авторы песни?

— Это песня фронтвая, безымянная, — ответил тот. — Я услышал ее в госпитале и запомнил на слух.

Моему отцу, бывшему фронтовику, тоже эта песня была знакома. Она звучала обычно под гитару или баян в короткие часы отдыха между боями. Уставшие бойцы располагались в какой-нибудь украинской или белорусской хате в только что освобожденном селе. И в благодарность хозяйке хаты за ночлег звучала песня:

В пути, в ночи устанешь,
С плеча винтовку стянешь,
Зайдешь, товарищ мой,
на огонек.

Привет, хозяйка,
Местечка ль нет, хозяйка?
Не чую ног.
И у меня далеко
Томится мать без срока,
И у нее все ночки
Изломаны войной,
Позволь, хозяйка,
Вот хлеб и соль, хозяйка,
Поешь со мной...

Совсем недавно в сборнике стихов челябинца Марка Гроссмана я увидел слова песни «Хозяйка». Встретившись с Марком Соломоновичем, я попросил его рассказать об истории создания этой песни. Вот что он рассказал:

— Шел 1943 год. Мы наступали. Я работал в газете второй гвардейской армии. Мы дружили и часто встречались с композитором Модестом Табачниковым.

Разговор как-то зашел о матерях.

— Матерям тяжелее, чем нам, — сказал композитор, — хочется посвятить им песню. Вот послушай, не подойдет ли эта мелодия?

Все фронты в ту пору пели песню Модеста Табачникова «Давай закурим!», и мелодия, которую мне

напел мой товарищ, была такой же впечатляющей и душевной. У меня работа над словами песни заняла несколько ночей. Композитору стихи понравились. И песню запели...

Е. ДОРОШЕНКО

Федя-Ференц

В начале 1945 года, когда бои шли на территории Венгрии, лейтенант Поздняков спас из-под развалин дома венгерского парнишку. Его отмыли, накормили, отогрели, обмундировали в кое-как подогащенные гимнастерку, брюки, пиютку, сапожки. Ничего, славный получился солдатик.

— Как зовут тебя? — спросил Поздняков. — Иштван, Янош?..

— Ференц! — ткнул себя пальцем в грудь парнишка.

Солдаты тут же перекрестили его в Федю. Решил лейтенант оставить сироту у себя, пока не представится случай устроить его. А Федя-Ференц отплатил лейтенанту податски горячей привязанностью, цеплялся за ним хвостиком и, как мог, выражал любовь: сапоги у лейтенанта блестели ярче, чем у других офицеров, немудреное походное хозяйство содержалось в идеальном порядке.

Определили Федю на кухню — повару помогать. И безопаснее, и у плиты сытнее. Понемногу стал мальчик учиться русскому языку. Лейтенанта сразу же стал называть «папка». Поздняков рассказывал ему о России, о любимых оренбургских степях. Через месяц-другой стали они вполне сносно понимать друг друга.

Прошло всего несколько недель, но на войне это — много. Лейтенант всерьез стал подумывать об усыновлении Феде. Перед началом жестоких боев у озера Балатон сказал друзьям:

— Если доживу до победы — будет Федя мне сыном, усыновлю по всем правилам. Если нет — определите его где-нибудь здесь, в венгерскую школу.

В этих боях был лейтенант тяжело ранен. В госпиталь попал без сознания. Ему потребовалось срочное переливание крови, и медсестра Людмила дала свою. Обычное дело. Выжил лейтенант Поздняков.

А вскоре Людмила стала его женой. Поздняков рассказал жене о Феде, они вместе пытались его разыскать, но война все смешала, поиск был безрезультатным.

Помог случай. Поздняков с женой уже жили в родном селе Романовка, когда их нашел бывший старшина Аношкин.

— Вашего Федю мы тогда определили в детский дом, и пошли в наступление... Может, стоит написать в какую-нибудь центральную венгерскую газету? Так, мол, и так, ищем Ференца...

Так и поступили.

...Однажды читал офицер Венгерской народной армии Ференц Тот газету — и вдруг поплыли строчки перед глазами: «...Илья Андреевич Поздняков». Лейтенант! Папка!

...Поезд с венгерскими гостями прибывал на станцию. Илья Андреевич хотел было встать в сторонке от других, чтобы его легче можно было узнать. А потом подумал: нет, мой Федя меня забыть не может.

Стремительно сбегал по ступенькам Ференц Тот. На секунду замер, осматриваясь, — и шагнул в толпу встречающих, к нему, к папке, постаревшему, поседевшему, но такому родному. Разве память сердца подвластна времени?

Ференца и его жену Илонку повезли в Романовку. Эти несколько дней были и трогательными, и веселыми, и грустными. Могучий Ференц не отходил от сухонького, так постаревшего Ильи Андреевича, ему-то легче было разглядеть родные черты прежнего лейтенанта, но и в нем, приглядевшись, узнавал Поздняков своего фронтвого сына: вот улыбнулся точь-в-точь, как тогда, вот так же смешно выговорил:

— Здравья жлаю!

А потом Поздняковы ездили в гости к сыну в Венгрию, тоже была очень памятная, интересная поездка.

Добро рождается добром — это точно, получается словно живая цепочка поступков, без расчета на ответную благодарность.

Когда-то Илья Андреевич Поздняков спас от смерти, приютил сироту Ференца — и получил от судьбы бесценный дар: преданного сына. Потом его самого спасла от смерти Людмила Васильевна, которая и по сей день не может без радостной улыбки рассказывать о счастливом случае, сведшем ее с Ильей Андреевичем. А теперь вот бездетных Поздняковых греют мыс-

ЧЕРЕЗ ГОД ЛЮДИ ЗЕМЛИ ОТМЕТЯТ 40-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В БИТВЕ С ГИТЛЕРОВСКИМ ФАШИЗМОМ

ли и заботы о детях и внуках в Венгрии.

Эстафета доброты. Когда в газетах появилось сообщение об этой истории, в Романовку стали приходить десятки писем, люди спрашивали, как сейчас живут Поздняковы и семья Ференца-Феди, желали здоровья и счастья, а одна женщина из-под Полтавы стала присылать в Романовку посылки с фруктами, а в записках писала: «Вы очень хорошие люди, и мне очень хочется сделать для вас что-то радостное. Наверно, у вас в Оренбуржье яблоки и груши не растут, ешьте на доброе здоровье».

...Давайте перейдем по шаткому мостику через ручей, поднимемся на высокое крыльцо дома Поздняковых и войдем в обычную деревенскую горницу. Здесь окна смотрят в палисадник, заросший сиренью, от которой в комнатах сумрак и тонкий запах, стоит стол под плюшевой скатертью, старый комод, большое помутневшее зеркало в черной раме и на стенах множество фотографий, среди них — фотография Феди-Ференца.

Письмо, полученное от него, читает Людмила Васильевна:

«Здравствуйте, дорогие мама и папа! С тревогой мы узнали, что папа в последнее время все болеет. Очень верим, что болезни отступят. Очень хотелось бы увидеть вас снова...»

Простой дом, простые люди — и такая человечность в отношении друг к другу, которой не помеха расстояния и границы...

В. САВЕЛЬЗОН

Место встречи — Эльба

Фотографии эти хранятся у меня более двадцати лет. Подарил мне их фронтовик Алексей Михайлович Биленко. В войну пришлось ему воевать под Москвой в кавалерийском корпусе генерала Льва Доватора, а потом, уже весной 1945 года, встретился он на Эльбе с передовыми отрядами американцев и англичан.

В тех местах стоит теперь монумент и высечены на нем слова: «Здесь на Эльбе войска Первого

Украинского фронта Красной Армии соединились с американскими войсками. Слава победоносной Красной Армии и доблестным войскам наших союзников, одержавших победу над фашистской Германией...»

На снимках: встреча Маршала Рокоссовского и фельдмаршала Монтомгери; встреча советских солдат с американскими и английскими солдатами.

Б. ЕФИМОВ

Солнце красно поутру...

СЕВЕРНАЯ ПОВЕСТЬ

Леонид
ФОМИН

Рисунок
А. Туманова

ассажирский теплоход «Патрис Лумумба» отходил от городского причала торжественно. Из бортовых динамиков гремела музыка, на мачтах реяли бело-голубые флаги, плескались кумачовые транспаранты; веселые пассажиры, заполнившие все палубы и мостики, неслышанно пели, что-то кричали, прощально махали провожающим.

Впрочем, провожающих как таковых не было — теплоход этот выполнял туристический рейс из Омска, и жизнерадостные туристы пели и прощально махали руками просто от хорошего настроения, в унисон торжественности момента. К тому же не было никаких причин сразу расходиться по каютам: стояли редкие для Заполярья теплые безветренные дни, мошка еще не дожимала, а на причале продавали бочковое пиво. За полсуток стоянки в порту туристы не только всласть напились этого пива, но и применительно к местным условиям по дешевке накупили перво-сортной свежей рыбы.

Так что туристам был повод радоваться и штилевой погоде, и прохладному воркутинскому пиву, и малосолевым муксунчикам, до поры томящимся в банках, ведрах, бидоньях и прочей возможной таре.

На причале — а им служил старый, обвешанный по бортам истертыми до пролысин автомобильными крышками дебаркадер — тоже не чувствовалось уныния. День был воскресный, и жители городка скорей уже по привычке стекались сюда — на самом причале и недалеких его окрестностях работали магазин (тот самый, где продавали рыбу), промтоварные ларьки, столовая, на возвышенном берегу из распахнутых дверей

кафе доносился зазывный хрип уставшего магнитофона. На причал, как в парк, приходили компаниями, семьями, парами. У колясок-качалок на дощатом настиле в теплых комбинезончиках, как пингвинята, топтались малолетние дети; продавец цветы, молча курили черноусые залетные южане, вездесущие мальчишки прямо с пирса на примитивные удочки-донки таскали пучеглазых колючих ершей. Среди мальчишек крутилась бойкая конопатая девчушка с быстрыми зелеными глазами.

Еще на причале стоял высокий прямой старик в форменном флотском кителе и чуях на босу ногу. Задубелое, будто выструганное из смолевой плахи, лицо его было неподвижно и задумчиво. Казалось, только его одного не радовал этот погожий денек, такой же редкий здесь, как завозное пиво, не интересовали ни ларьки, ни кафе и вообще все остальное, чему были рады пришедшие на причал люди. Положив большие жилистые руки на перила дебаркадера, он неотрывно смотрел на белый ликующий теплоход, теперь медленно разворачивающийся на внешнем рейде.

А там все еще играла музыка, развевались флаги, и крикуньи-чайки уже качались на узких крыльях за пенной кормой, провожая судно в обратный путь.

Конопатая девчушка, оказавшаяся рядом, вдруг ойкнула, быстро-быстро заперевирала руками, выбирая из воды узловатую леску, смело оттолкнула мешавшегося меня. На крючке упруго сопротивлялась какая-то проворная рыба.

— Катька, табань па перегон! На мель табань! — азартно заорал стриженный наголо мальчуган, до глаз измазанный рыбьей слизью. Не выпуская свою леску, намотанную на палец, он

юркнул под боковую распорку перил помочь Катьке, но она оттолкнула и его:

— Брысь отсюда!

А рыбина никак не хотела сдаваться, ходила кругами, сверкающим самородком с брызгами выбрасывалась из воды, шумно падала, и Катька, выпучив глаза, широко расставив ноги, «водила» ее, пока та не утихомирится, не обмякнет, не станет послушной.

Азарт передался и мне:

— Давай помогу!

— Да идите вы все! — дерзко огрызнулась девчонка. — Вишь чо крутит!

Минуты три, не меньше, «прогуливала» Катька на крючке строптивную рыбину, потом, что-то почувствовав, уловив нужный момент, напропалую потянула леску. При этом глаза она вытаращила еще пуше, они сделались совсем круглыми, как у возбужденной кошки, и, как кошка же, очерилась шербатым ртом — у нее не хватало верхнего переднего зуба. Теперь уже ничего не было видно на воде, только где-то под нами, в сваях, тяжело взбулькивало и оттуда расходились пузырьчатые круги. Стриженный мальчишка все же не выдержал, подбежал к Катьке, выхватил у нее леску. «Копуша!» — успел обозвать он, и тотчас к нашим ногам плюхнулась длинная серебристая рыбина. Ребята упали на колени, давай ловить ее, невпопад хапали руками то там, то здесь, спшибались лбами, снова ловили, а она, резвая, увертливая, подпрыгивала, кувыркалась и никак не давалась им. Наконец чей-то тяжелый сапог придавил ее к полу...

— Не надо так! — заверещала Катька. — Кто вас просит?

Перед ней столбом стоял небритый худой мужик и глупо ухмылялся.

— Это кто, чебак, что ли, такой большой? — тоже не шибко умно спросил я. И тут же схлопотал:

— Еще один нашелся! — показала на меня Катька пальцем. — Во дают дяди! Этот рыбы сроду не видал, тот ее ногами...

Но быстро сменила гнев на милость, принялась объяснять:

— Щокур это. Видите, нос у него остренький, карандашиком? А у муксуна, у того тупой, как обрубленный. Вот такой! — и она изобразила, какой у муксуна нос, смешливо приплюснув пальцем свой, веснушчатый и грязный, а заодно и показала небритому мужику язык. — Щокур, говорю. Третий сегодня...

Я помаленьку начал заводиться. Нет, не то, чтобы я был уж очень заядлым рыбаком, просто дома у меня имелось немало всяких рыбацких снастей и изредка — бывало летом, бывало зимой — выезжал с приятелями на пригородные водоемы. Случалось и ловил — когда окунишек на ушку, когда пару щучек, ну, а если уж здорово повезет, вытаскивал и подлещиков. Но при

всех самых оптимальных вариантах улов редко превышал вместимости рыбацкого котелка или полиэтиленового мешочка...

«Уж не съездить ли в «Спорттовары», не купить ли удочку? Ведь у меня еще несколько червов впереди».

И только я так подумал, Катька предложила: — Берите, дядя, если охота, вон ту удочку, а то мне все равно некогда к ней бегать. С одной замаялась. А червяки в банке.

И Катька показала на привязанную к перилам еще одну леску, толстенную, всю в петлях и узлах.

Я не успел приняться за дело, как почувствовал на плече чью-то руку.

— Брось, земля, разве это рыба? Хочешь, я тебя с головой завалю не такой?

Сзади стоял тот самый небритый мужик с изжеванной папирсой в зубах.

— Давай познакомимся, вижу, что приезжий, а я здешний, из местных, в общем.

Он протянул сухую, но крепкую руку:

— Гоша. Из Пензы.

— Так местный или из Пензы? — не понял я.

— Ну, в некотором роде местный, третий год здесь, а сам из Пензы, — туманно объяснил Гоша и повертел растопыренной пятерней перед своим лицом, дескать, тут все не просто, долго рассказывать.

— В некотором роде местный, — повторил он. — А в сущности, какая разница — откуда я. Если даже скажу из Москвы, мало из этого интересу. Я тебя спрашиваю: рыбы надо?

Быстро, воровато метнул взглядом вокруг, зачастил:

— Сырок, муксун, щокур. Можно и нельмушки...

У Гоши было бурое прокурённое лицо, запущенная борода, а точнее — щетина, росла клочьями, где пусто, где густо, и там, где густилась, меркло взблескивала сивой проседью. С проседью были и длинные, слегка вьющиеся волосы, сейчас растрепанные ветром и тусклые от грязи. Он выглядел еще не старым, если вообще не сказать молодым, но жизнь, видать, не шибко-то фартила ему, весь он был какой-то мятый, подержанный, с тревожной усталостью в глазах. Эти не старые его глаза, голубые и когда-то открытые людям, сейчас с опаской и надеждой смотрели на меня.

— Не надо мне рыбы, — сказал я, — куда мне ее девать? Я ведь здесь действительно приезжий.

— Ну, дело хозяйское, не надо — значит, не надо. Потом попросишь, да не будет, клепать-колотить!

В голосе Гоши прозвучала вроде бы обида, вроде бы недовольство какое, а еще послышалась недосказанность, что-то ему мешало договорить. И он бы, наверно, договорил, не терпелось ему что-то сказать, раз опять закрутил рукой у лица, но Катька тут вытащила большущего ерша, он

сорвался с крючка, пружинно запрыгал по настилу, и ребятня с криком и визгом кинулась его ловить.

Я забыл о Гоше.

Я вообще забыл обо всем на свете, потому что сам настроился на рыбалку, да так настроился, что не видел и не слышал вокруг себя никого. Каждую минуту палец мой, обмотанный концом лески, начинало мелко подергивать, словно по нему пропускали ток, я резко подсекал — и на настил вылетал очередной «ершисто» растопорщенный ерш. Катька едва успевала снимать их с крючка и пасаживать на кукан. Делала она это добровольно. И все учила, учила меня немудреной своей забаве.

«Ну последний, ну хватит!» — пытался сдерживать я себя, а сам все закидывал удочку, закидывал и опомнился лишь тогда, когда на большом сухогрузе на рейде радиомаяк пропиликал двенадцать часов ночи.

А солнышко все так же висело в погожем небе, лишь ниже склонилось к горизонту и сделалось большим и красным, с шафрановым диском вокруг. Теперь не только неоглядная ширь Оби, но и далекие отроги Полярного Урала с шапками нестаивающего снега на заоблачных вершинах искристо мерцали и лунно светились в его полуполночном сиянии.

Тихо стало на причале. Люди незаметно разошлись, ларьки закрыли, перестал наконец надрываться в кафе магнитофон. Лишь натруженно гудели снующие по реке моторки да гукали, перекликаясь, трудяги-буксиры. Но эти звуки не мешали слуху.

Чаек тоже стало поменьше, теперь они летали высоко, не кричали так заполошно, как днем, и долгие минуты, чутко колебля крыльями, спали в парении.

Уже давненько ушел с причала высокий старик, запропастился куда-то Гоша, так и не сказав свою боль. Да и ребятня заметно поубавилось, остались самые заядлые, самые стойкие.

— Катя, не пора ли домой? — сказал я, видя, что девчонка совсем умоталась с этими ершами, невпопад хватая чужие удочки, сонно натывается на ребят. — Потеряют тебя дома.

— Не-е, мама же видит меня, мы вон там живем, — и она кивнула на окна самого близкого к причалу дома.

Дом этот будто вылезал из крутого берегового откоса, весь опутанный черной прочной изоляцией, той самой, которой обматывают магистральные газопроводы в тундре. Не очень красиво выглядел, но до красоты ли, если в здешних краях с сентября по май дуют штормовые ветры. А бывают и летом...

— Я всегда здесь рыбащу, и мама знает, — добавила Катька. — И Петька тоже.

Азартного Петьку я уже приметил. И кто так бесцеремонно обошелся с ним, лишив мальчише-

ских вихров? На нем старая школьная форма без пуговиц. Он давно из нее вырос, рукава чуть закрывают локти. На ногах огромные — отцовские, видно, — резиновые сапоги. Петька простудно сипел красным носом и все время пытался прикрыть полую куртку голую грудь.

— Хватит! — решительно сказал я. — По домам!

Сполоснув руки, я и сам было направился в гостиницу, но Катька остановила:

— А рыбу?

— Что рыбу?

— Забыли же!

— Да не надо мне, забирайте всю.

— Нам тоже не надо, у нас дома много. Вам ведь ловили!

— Вот те раз, куда мне с ней?

Кое-как уговорил я ребят унести ершей домой, тем более, сказал, что живут ребята недалеко. А чтобы не обиделись, пообещал забрать завтрашний улов.

— А вы придете? — оживилась Катька.

— Постараюсь, если червей припасешь.

— Ладно, припасу. Только приходите!

Сверные белые ночи вымотали меня бессонницей. Куда годится — круглые сутки солнышко! Плотные портьеры не спасают. Даже при наглухо зашторенных окнах в полночь можно преспокойно читать газету. Под утро видел — к гостинице лихо подкатил мотоциклист в модняцких темных очках...

Сюда я прилетел в начале июня, устойчивого тепла еще не было и деревья, кустарники стояли голые, лишь с влажными от соков стволами. Вызрели и почки, особенно на растущем здесь в избытке ивишке, и маленькие, едва заметные: они выделялись на узловатых ветвях полярных березок.

Мало было и травы. Нет, трава была, но какая-то квелая, робкая и не зеленая вовсе, а бурая, и на бурой же земле казалась незаметной. На солнечных обогревах в заветрии реденько мелькали желтые первоцветы мать-и-мачехи. А обычные здесь калужница, пушица, хвощи, осока только готовились к лету, с корней, завязей, бутонов набирали силу, чтобы в один прекрасный день прыгнуть к обманно близкому солнцу дружно и безоглядно.

И этот день настал. Будто зеленым туманом взялось все окрест. Вчерашние переспелые почки вдруг разом выстрелили пучками листьев, голубо-зелено заструились шелковистые листовицы, даже чахлые елки в оврагах засветились клейкими пестиками-побегами, похожими на тоненькие свечи.

Однако с вечера и особенно ночью солнце казалось уставшим, перекаленным, с «ушами», сказала

бы моя мама, а это верный признак скорой перемены погоды. Оно и к утру не остудилось, все было таким же красным, и опять с розовым венцом, хотя безмятежно-ясные горизонты не сулили вроде ни дождя, ни ветра. «Солнце красно поутру — моряку не по нутру», — из глубины памяти всплыла присказка и, уходя из гостиницы, я на всякий случай прихватил болоньевую куртку.

И не пожалел.

В тот день мне предстояла на речном трамвае с ласковым названием «Омик» переплыть Обь, сделать необходимые дела в большом приречном поселке, а к вечеру на том же «Омике» вернуться обратно.

Я не успел зайти на судно, на трапе кто-то знакомо тронул меня за плечо. За спиной стоял с уставшими глазами Гоша.

— Слышь, земля, я, конечно, извиняюсь, что вот так сразу... — он привычно покрутил перед лицом пальцами, трудно подбирая слова, — извиняюсь, конечно, и как-то неудобно даже говорить, вот подумаешь разное... Но прожился я в доску, клепать-колотить! Не дашь ли трояк, ей-богу, рассчитаюсь рыбой! Не такой! — Гоша презрительно мотнул головой на конец причала, где разномастная братия уже принялась за ершей. — Ну, а если не возьмешь рыбой, деньги верну. Ей-богу, верну!

В голосе его прозвучало столько безысходности и так ему надо было эти три рубля, что я почти испугом опоздать сунул руку в карман за кошельком. Тогда я не подумал, отдаст ли Гоша долг, скорей всего, что нет, может быть, я вообще не увижу его больше, но отказать не смог. Это была не просто просьба, какой-то крик, и он больно отозвался во мне.

— Держи! — сказал я, протягивая деньги. — Постарайся к концу недели вернуть. В конце недели я уезжаю.

Последнее я сказал просто так, потому что не знал, что сказать.

Только «Омик» отшвартовался, только матрос собрал чалки, на крохотную носовую палубу, где я пристроился посидеть, пробрался розовощекий мужчина с портфелем.

— Если не возражаете, я рядышком...

И хотя сесть было совсем некуда, мужчина, по-бабьи подхватив полы плаща, втиснулся на узенький диванчик между мной и молодой женщиной с ребенком на коленях.

— Народ пошел! — нервно кивнул он через плечо на застекленный пассажирский салон. — Нет чтобы встать сорванцу, уступить место взрослому человеку, так ведь сидит! Видите ли, билет у него! Да что — билет, у всех билеты, сознание должно быть прежде всего! Чему их только в школах учат. И мамаша хороша: «протопчешься!» Я-то протопчусь, только где у них совесть, спрашивается?

Он поерзал, устраиваясь поудобнее, быстро успокоился.

— Да бог с ними, пускай сидят, мозоли натирают... А мы здесь, как говорится, в тесноте да не в обиде. Верно я говорю?

Женщина неласково глянула на пришельца из-под приспущенного платка, плотно сомкнула губы, отвернулась.

— А портфельчик... портфельчик не надо пинать, там у меня может пролиться, — предостерег мужчина, когда женщина, потесняясь, нечаянно задела ногой его портфель.

Городской речной порт не на самой Оби, на одном из крупных ее притоков. Пока «Омик» шел по нему, лавируя меж неуклюжих громоздких барж, длинных верениц плотов древесины, прикрытый высоким мысом, было относительно тихо. Но вот он выбрался на простор Оби — и тут заподдувало. Вспененные волны били в правый борт с такой силой, что невеликое суденышко как бы охало и постанывало, а брызги от волн нет-нет да и осыпали нас холодным душем. Женщина укутала свою дочку предусмотрительно прихваченным дома одеяльцем, мужчина-сосед натянул на голову кашпошн плаща.

— Се-евер! — многозначительно протянул он. — Уж если понесло с губы — жди пурги...

— В июне-то? — удивился я.

— И в июле бывает. Тут всегда бывает... А вы, похоже, приезжий? Что-то не встречал здесь. Командировочный или как?

— Командировочный.

— Это и видно. Командировочных сразу видно. — Он бесцеремонно оглядел меня, укоризненно покачал головой:

— Вот знаете, куда едете, а одеты как? Ну что здесь ваши штиблетики? Здесь во надо носить! — он со значением похлопал по голенищу добротного ялового сапога. — И курточка — так себе. Несерьезная... Верно я говорю? — подтолкнул он женщину с ребенком.

Сосед оказался не только энергичным, но и на редкость разговорчивым человеком. Охотно рассказывал о себе:

— Я ведь, если разобраться, тоже командировочный. Только длительный командировочный. Десятый год тут кантуюсь. Можно сказать, прописался на Севере. Изучил его, батюшку. Знаю, когда задует, когда пригреет. Люди на юг в эту пору, а я — сюда. Сам-то я ярославский, а здесь каждое лето. Закупаю, сопровождаю рыбку. Экспедитор, значит. Сам и работник, сам и начальник. Благодать! Вот поехал в поселок, делишки кой-какие проверить надо...

Он вспомнил что-то приятное.

— Да, раскручивал я, бывало, тут делишки! За копейки, почти задарма рыбу брал. Какую рыбу! Одной икры по бочонку привозил...

Сосед опять пристально и как бы даже изучающе посмотрел на меня, нашел, что я на-

дежный, свойский человек, сказал, потирая ладони:

— Что-то стало холодать... Как там дальше-то? В общем, вмажем, что ли? У меня есть,— он указал глазами на портфель.— Без этого здесь нельзя, без этого здесь и от холода, и от скуки сдохнуть можно. Верно я говорю?

Мужчина, откинув кашюшон, потянулся за портфелем, пристроенным между лебедкой и ящиком с углем. Отвисший животик мешал ему сделать это быстро и ловко, не потревожив других, и когда он взял наконец свой портфель, навлек на себя справедливое недовольство женщины с ребенком:

— Ну чего, чего не сидится, раз втерся! — вознегодовала она, поднимая с пола упавшее одеяло.— Забрался, так уж сидел бы, не дергался!

Экспедитор будто и не слышал упрёка, достал из портфеля алюминиевую фляжку, потряс возле уха:

— Есть порох в пороховницах! — весело прищелкнул он пальцами.

— Спасибо, но я не буду. В поселке у меня работа.

Сосед искренне изумился:

— А я что, на прогулку еду? И у меня работа, но работа, сами знаете, не Алитет, в горы не уйдет... Верно я говорю?

Он сунул мне в колени фляжку, снова наклонился над портфелем, извлек просаленный сверток. Опять прищелкнул пальцами:

— А вот от этого наверняка не откажетесь. Обский омулек... по особому рецепту готовил. Сам! Да, Самохвалов моя фамилия. Иван Петрович Самохвалов.

Такой диковины я и в глаза не видел. Правда, слышал, что водится в Обской губе какой-то омуль, не то завезенный сюда, не то подвид байкальского — не знаю, не берусь судить,— но какой он из себя, с чем его едят, не имел понятия.

И вот этот омуль, умело распластанный со спины, влажно розовел нежнейшим мясом и источал запах, отдаленно схожий разве что с ароматом моченой брусники. Самохвалов разрезал рыбину аккуратными пластинками.

— Ну так что?

Велико было искушение отведать редкого деликатеса, но я устоял. Что-то удерживало от сближения с этим доброхотом. Во всем — и в манере держаться, и в наигранной распахнутости, и в мнимом расположении — чувствовалось прежде всего тонкое «узнавание» случайного попутчика, своего рода зондирование: кто ты есть? А вдруг да окажешься нужным человеком?

Но Иван Петрович умел сохранять и такт. Когда я вторично отказался от угощения, он больше мне не предлагал.

— А я все-таки вмажу. Да и грех под такую закуску не вмазать. Верно я говорю?

Запрокинув голову, он глотнул из фляжки раз,

другой, скривился, открыл рот, шумно выдохнул и лишь тогда взял закуску.

— Спирт разбавленный,— объяснил он, отдышавшись.— Чуть-чуть, конечно. И знаете чем? Минералкой. Это хорошо, когда минералкой, особенно «Боржоми»: сперва дух вроде зайдет, а потом такое приятное жжение образуется внутри — хоть глаза закатывай! — И Самохвалов потер широкой ладонью свою необъятную грудь.

— Совсем не употребляете?

— Почему же? Когда есть на то причина.

— Зря! — уверенно сказал экспедитор. И уточнил: — Зря, если только по причинам да по праздникам. Сейчас кто не пьет? Один филин. И знаете, почему? Днем он спит, а ночью магазины закрыты...

Самохвалов себе же хохотнул от избитой этой байки, покосился на сердитую соседку — кабы опять не взъелась, на всякий случай загородил портфелем положенную прямо на пол в газете рыбу.

После второй манипуляции с фляжкой у Ивана Петровича в груди действительно что-то образовалось, потому что не только щеки, но и уши у него сделались розовыми, и он заговорил теперь уже без всякого останова:

— Здесь, я вам скажу, товарищ дорогой, жить можно. С умом, конечно, с сообразовкой. Ну для начала надо иметь непыльную работенку, чтобы не пахать с утра до ночи и чтоб не считали тебя тунеядцем. Второе, хорошую лодку с мотором надо. Сети само собой. И чем больше, тем лучше. Вот она, путина сейчас. Угони подальше, заготовливай рыбку. Соли, вяль, а ледник есть — туда вали. Это ведь здесь она дешевая. А ну-ка, на Большой земле? В Тюмени, скажем, в Свердловске. Про Москву, Ленинград молчу. Копченая — десять рэ за хвост! Ну как? Верно я говорю?

Самохвалов широко развел руками.

— Велик, батюшка-север, ни конца ему, ни края! Люди-то только вот тут, на этом пяточке живут, ну селеньица за пятьсот верст друг от друга натыканы, буровые сейчас кое-где, а так все тундра, тундра и тундра... В августе ягода поидет. Морошка там всякая, голубика, черника, смородина. Знаете, какая здесь смородина? Во! — попытался он сделать колечком толстые пальцы.— С воронье яйцо, не меньше! А клюквы, клюквы — тьма тьмуца! И все это добро пропадает. Ленятся люди...

Низко над Обью, едва не касаясь волн, пролетела в сторону береговых тальниковых крепей длинно растянувшаяся стая уток.

Иван Петрович тоже заметил их.

— Вот утки, гуси, всякая другая птица. Что тут бывает осенью! Да если у тебя ружье, да если опять же ты не лентяй — на всю зиму дичиной запасешься, да еще и на продажу будет. Ну и олешки не последнее дело... Верно я говорю?

До этого молча сидевшая женщина с ребенком вдруг резко повернулась к Самохвалову, заговорила зло и непримиримо:

— Понаехало тут всяких.. Север, север! Что же вы у себя дома-то так не хапаете? Тебе не только лодки с мотором, ледокола мало будет! Тогда бы баржами рыбу сплавлиал. Гребут, гребут — и все мало! Да когда это в самом деле кончится? Уже и с Кавказа дорогу сюда вызнали. Цветочки везут, а отсюда — рыбу. Цветочки — подумать только! — по десятке розочка...

Она поплотнее завернула напугавшуюся дочку, снова напустилась на экспедитора:

— Да разве настоящие-то мужики этим здесь занимаются? Вон приедут с вахты, так ухлещутся — отмыть, отпарить невозможно! А ты — «вяль», «суши», «не ленись!» Уж помалкивал бы, раз воруеть...

Непробиваемый Иван Петрович ничуть не обиделся на женщину, еще отпивнул из фляжки, подышал на ветерок, не спеша пососал рыбью голову. И как ни в чем не бывало философски продолжил:

— Что поделаешь, гражданочка, каждому свое. Вот муж ваш, если я правильно понял, деньгу зашибает где-нибудь на буровой. А я, к примеру, не хочу зашибать на буровой. У меня свои интересы. И у тех, с розочками, свои. Жизнь, она, гражданочка, научит приспособливаться. Верно я говорю?

— Хам ты, больше никто! — окончательно выпшла из себя женщина. — Хапуга бессовестный! И зачем таких, как ты, только сюда пускают!

Она решительно встала, прижала к груди ребенка, ощупью нашла свою сумку и пошла прочь, расстроенная и оскорбленная.

— Ну что вот с нее взять? — сожалеючи кивнул вслед экспедитор, непоколебимый в своей правоте, верный собственному жизненному курсу. — Типичная бабская психология: сама не гам и другим не дам. А ведь молодая еще, как жить-то дальше собирается, детей растить? Эх, народ, народ!

Самохвалов последний раз приложился к фляжке, основательно закусил, собрал из-под ног бумагу, ею же вытер губы и руки, выбросил за борт.

На середине Оби «Омик» так начал клевать носом и зарываться во встречную волну, что пенные наплески стали перекатываться через палубу. От ветра наверху уже не было спасения, и я зашел в битком набитый салон. Там в проходе на чых-то чемоданах сидела ушедшая от нас женщина. Увидев меня, она презрительно отвела глаза.

Я пробился к широкому лобовому окну. Во все стороны пучилась валами и тяжело вздыхала растревоженная Обь. Прямо по курсу качалось над волнами холодное красное солнце.

О нем, о красном солнышке, и о том, что от него поутру моряку бывает не по нутру, я вспомнил вечером того же дня, потому что в назначенный час «Омик» к поселковому причалу не подошел. Как выяснилось, местная гидрометеослужба объявила штормовое предупреждение. Да и так было видно, что в небесной канцелярии не все в порядке, и в погоде наступает резкий перелом.

Солнышка ни ясного, ни красного теперь уже не было вовсе, по небу от горизонта до горизонта стлались слоистые тучи с рваными, волочившимися низом хвостами. Обь разгулялась еще сильнее и вспыхивала полосами при сверке неординарных молний. Было морочно, холодно и темно.

О причал монотонно бухали волны. Скрежегали бортами, раскачиваясь, сбившиеся в бухте сейнеры, мотоботы, буксиры, кричали уставшие бороться с ветром чайки, и продрогшие пассажиры вождественно смотрели в мглистую даль, все еще надеясь увидеть потерявшийся «Омик».

Не пришел он и в полночь, тоже означенный расписанием час, и всем стало ясно, что ждать больше нечего.

Люди на пристани ругались, проклинали погоду и парходство, грозилась кому-то писать, кому-то жаловаться, и все же торчали здесь, потому что идти было некуда.

Утренний попутчик-экспедитор предлагал мне в случае чего вернуться к нему по такому-то адресу, но я помнил только улицу, а номер дома забыл. К тому же это была не гостиница, а частный дом, и идти туда не хотелось. Вообще не хотелось второй раз встречаться с практичным и чересчур разговорчивым этим человеком.

Я, как и другие пассажиры, тоже на что-то надеялся, чего-то ждал, и наше многотерпение вознаградилось: откуда-то из-за барж, из-за плавающих кранов вынырнул и затарахтел мотором катерок и как-то боком, насилию преодолевая волну и течение, стал забирать бортом к причалу. Сначала мы не поверили, что он за нами, но оказалось — за нами, и через несколько минут мы дружно, почти на abordаж брали это утлое суденышко, насквозь пропахшее мазутом и рыбой. Капитан честно сказал, что идти в такую волну через Обь рискованно, но что поделаешь, если жаль озябших людей, и он решился. А кто боится волны, пусть сойдет обратно. Так же честно он напомнил и о том, что за риск положено платить вдвойне, а потому все отважные должны отдать его помощнику, рыжему парню в тельняшке, по три рубля. Недовольных или обиженных среди «отважных» не оказалось...

Я не стану описывать этот обратный наш рейс, только скажу, что болтались мы среди пенных пучин часа четыре, не меньше, что капитан то и дело кричал в открытую дверь рулевой рубки

бежать всем на правый борт, и мы бежали, хотя как раз на правый борт опасно заваливалось судно и его заливала волна.

В общем, умученные, мокрые, заколевшие до синевы, до стука зубов, мы наконец приткнулись к городскому причалу, и каждый порадовался, что все кончилось благополучно.

И тут, когда действительно все кончилось благополучно, присказку про красно солнышко пришлось вспомнить еще раз. Повезло, здорово нам повезло, что случилось это не в пути... В клубящемся небе синим гигантским огнивом встала ветвистая молния, посылала мгновенно мертвенной жутью да таким оглушительно-обвальным грохотом обрушилась на город, что сразу везде погас свет. В нос ударил острый запах селитры. Где-то что-то с быстрым нарастанием зарокотало, завывало, все ближе, мощнее, и вдруг я увидел стремительно надвигающуюся с Оби белую качающуюся стену. Она фосфорно взблескивала и струилась витыми космами. Минута — и по настилу причала ожесточенно забарабанил крупный, как колотый сахар, град. Налетевший следом дьявольской силищи шквал ветра сорвал с якорей стоявшие на рейде суда, поднял и разметал шиферные крыши ближайших домов, повалил заборы, оборвал, скрутил, спутал телеграфные и электрические провода. В пыльном хаосе высоко над землей металась фанерные листы, ветки деревьев, лоскутья толя, бумага и все-все, что могла подхватить, увлечь в смерчах к небу разбушевавшаяся стихия.

А потом вдруг враз сделалось тихо. Так тихо, что слышно стало, как журчат струйки стекавшей с причала воды и шинит, подтаивая, град.

Скользя и раскатываясь по нему, я перебежал под навес ларька и тут буквально носом к носу столкнулся с Гошей. Он был напуган. Молча схватил меня за рукав, потащил куда-то по переходам и мосткам над водой, и вот мы очутились в какой-то будке. Оба рухнули на нары.

Гоша горстью вытер щетинистое лицо, отдышался, тяжело спросил:

— Как же ты... Как же ты так, земля? Не мог утра дожидаться, пронесло бы, здесь долго не бывает. Я уж тут что только не передумал, как узнал, что ты на катер сел...

— Откуда ты узнал?

— Откуда! А вот оттуда! Звонил, сказали, что всех, кто не разошелся, Васька забрал. Ну тот, который перевез вас. Бакенщик он, за маяками еще следит.

— Спасибо мужику, выручил.

— Выручил! — возмутился Гоша. — А если бы перевернуло? Ведь волна-то четыре метра была, клепать-колотить! Понимаешь, четыре метра! Вот такая же гробина у гидророта гниет. Только мачта и торчит. Осенью еще затонула. Так тут хоть у берега...

Меня удивило и даже озадачило такое неожиданное

участие ко мне Гоши, но я до того устал, так хотелось спать, что ни о чем не стал спрашивать. Только подумал, что другой он человек, не такой, каким показался при первой встрече. Да я и не делал никаких выводов.

— Пойду домой, — сказал я. — Отдохнуть надо.

— А ты здесь и поспи, — немедленно предложил Гоша. — Пока идешь до гостиницы, то да сё. У меня и матрац есть, и мешок спальный. Я ведь тут и живу...

— Как тут, и вообще, что здесь такое?

Гоша ответил не сразу. Покрутил, повертел перед лицом пальцами, искал объяснение:

— Как сказать? Здесь — насосная, а я моторист, стало быть. Воду в пакгаузы подаю. Обещают общежитие дать, а пока тут. Лето ведь, свежий воздух!..

Только сейчас я обратил внимание на громоздкий агрегат за дощатой перегородкой, на трубы, всякие манометры и вентили на них.

— Да нет, доберусь уж до дому, — повторил я.

— Ну, как хочешь, — не стал удерживать Гоша. — А будет время, заходи. Я всегда здесь.

Я уж было поднялся по крутым и длинным сходням с причала на высокий берег, как услышал за собой сначала топот, а затем Гошин голос:

— Земеля, слышь, постой! Совсем забыл! На вот, долг возьми, — и протянул мне трешку.

— Мы же договорились до конца недели?

— Бери, пока есть. Разжился я тут малость... Ну так забегай.

Но Гоша еще остановил меня:

— Слышь, земля! Тебя тут весь вечер девчонка ждала. Ну, та, ерней-то с которой ловил. Скоро опять прибежит, что сказать-то?

вечеру погода опять разведрилась, опять засияло полярное солнышко, воспарили нежной зеленой дымкой плоские острова на Оби, и сама она, суровая труженица, как бы притихла, осела в берегах, устало забылась до поры. Так же кричали чайки, погукивали теплоходы, по улицам городка спешили прохожие. И только выбитые окна, скелеты строили на домах, всякий неубранный хлам на дорогах напоминали о недавнем урагане, о грозном дыхании не столь далекого отсюда Ледовитого океана.

По-прежнему не было в городе света, говорили, что вышла из строя электростанция. Не работал и телефон, давший, кстати, возможность беспробудно проспать мне полдня.

Потом я все-таки съездил в магазин «Спортовары», купил добротной лески, крючков, другую рыболовную мелочь, а вечером отправился на причал.

И первым делом выслушал справедливые упреки Катьки:

— Ага, пришли! А вчера где были? Ведь обещались же! Мы с Петькой червяков старались копали, а вы? Думаете, легко здесь червяков искать?

— Катя, извини, но я не мог вчера, — радостно начал оправдываться я. — Погода-то какая была!

— Ага, погода! Сказали — все равно должны прийти. Я ведь пришла! И червяков принесла. А ерши всегда клюют...

— Спасибо, Катя, за червяков, за верное слово. А чтобы не сердилась, на вот тебе новую леску и крючки.

— А Петьке? — непритворно потребовала девочка. — Петьке где?

— Петька пускай сам покупает. Ну, а если хочешь, поделись. Тут вам всем хватит.

Мальчишка возник рядом немедленно, стоял, швыряя носом, ждал, когда Катька отмотает ему лески. Он опять был в кургузой школьной форме без пуговиц и в тех же больших сапогах.

Увидел я на причале и запомнившегося высокого старика в кителе. Он, как и в тот раз, стоял с непокрытой головой у кромки причала, смотрел на проходившие суда. И тоже, как в тот раз, стоял один, молчаливый, ко всему безучастный, лишь изредка переводя взгляд с реки на круглые часы под крышей дебаркадера.

Старик заметно оживился, когда вдали показался очередной пассажирский теплоход из Тольска.

«Кого-то ждет», — подумал я. И верно, старик сдвинулся с места и пошел как бы навстречу судну, к причальной стенке. Когда он поравнялся со мной, почему-то бросились в глаза его усы — тонкие, острые, тоже белые, а потому невидные издали на лице. Нет, неправильно я сказал: усы были рыжеватые, вполне обихоженные, скорбно свисавшие по углам безмолвного рта.

Что-то было небудничное в этом человеке, непонятное, что ли, чем-то пробуждал он интерес к себе, а чем — понять не мог. Во всяком случае, казалось мне, старик он очень непростой и, конечно, неспроста дежурит на причале каждый вечер. А что каждый вечер, я не только убедился сам, но и слышал от других. Многие в городе знали его и почему-то все называли «шкипером». Называли проницательно, с явным непочтением, и не понятно было, то ли это прозвище, то ли в самом деле старик шкипер.

Но нет, он никого не ждал. Теплоход давно причалил, разошлись, разъехались немногие пассажиры, да и судовая команда уже взяла курс на ближайший ресторан, а старик остался. Но теперь он смотрел не только на Обь, с заинтересованной приглядкой нет-нет да и стрельнет глазами в мою сторону.

И вот тяжелой походкой, шаркая чунями, подошел ко мне, безо всякого спросил с сильным украинским акцентом:

— Надолго к нам?

— Как поживется, — в тон ему ответил я.

— У нас хорошо, у нас можно жить. От яка могутна ширь! — развел он руками. — Пожить треба, штоб це полюбить. Зараз не полюбишь и не поймешь. Я ж сам з Одессы, и родився там, а никуда отсуды не поиду. Давно на пенсии, можно уж до ридной хаты податся, а я не иду. И по-мру туточки.

— Так уж не скучаете по родине?

— А чего скучать. Здесь, считай, половина украинцев живе. Чи не бачив сам? За грошами сюда йдут. Хаты покидали — и сюды. А я — ни, я не за грошами. Я север люблю...

Трудно было определить, сколько старику лет, не мало, конечно, но к нему так и напрашивалось сравнение с одиноким деревом, которое, как ни ломают ветры, как ни бьют морозы, все стоит на краю обрыва, цепко держась корнями за спасительницу-землю. Он еще ничего, этот дядя: не сутул, жилист, с крепко посаженной головой на такой же крепкой шее. Во всем его облике угадывалась многолетняя закалка, а точнее — приспособленность к немилостивой здешней природе, к несладкой, похоже, жизни. Вот и сейчас при свежем ветре он стоял в неизменных своих чунях на босу ногу, с обнаженной грудью, густо поросшей золотистым курчавым волосом. Просто годы подсушили его, а может быть, и всегдашняя необъяснимая угнетенность. Эта угнетенность, будто в маске, отражалась на буре, в складках, его лице, на усах-щеточках, как уже было подмечено, скорбно свисавших по углам рта. Старик то и дело проводил по ним заскорузлыми пальцами.

— А бачу, ты щедрый, як артист какой, — сказал он с укоризной.

— Это почему же?

— Как почему? Тому гроши суешь, этим удочки задарма, — метнул он недовольными глазами на ребятишек.

Меня неприятно удивила такая наблюдательность, но я тут же, отгоняя недобрые мысли, подумал, что в этом замечании скрыто желание предостеречь от нежелательных знакомств с подозрительными завсегдатаями причала. А такие и в самом деле появлялись здесь по вечерам.

— А вы наблюдательный, — заметил я.

— А то як же! — согласился старик. — На то и глаза. Я усе бачу! И скажу тебе: всякий пришлый тут, как перст, весь на виду. Здешные-то привычны, а новый зараз приметным делается...

Он наклонился к самому моему уху, плохо получившимся шепотом посоветовал:

— Ты не здорово с ним. Знаешь, кто он? Боясь, жулик! Доверься такому, обдерет, как липку.

— Это о ком вы?

— О том, кого ты трояченицами снабжаешь.

От старика невыносимо пахло чесноком, и я отодвинулся от него.

— Для чего вы все это говорите?

— Да так... Я — старый человек, побачив на своем веку всякого люду, и этих бичей знаю. Ворье они все! Спроси, где он не работал. И ото-всюду шугают!

Старик опять приблизился ко мне, оглянулся:

— Я ведь почему предупреждаю. Обкрутит он тебя, новичка здесь, за милую душу. Вот попросит што-нибудь сделать, ну, малость яку, што-то увезти, што-то передать, ты по доброте своей сделаешь — и влип в воровские сети... Знаю я этих бичей! — повторил старик и сплюнул.

Он приглядел усы, навалился грудью на перила и, глядя в темную воду, круто переменял разговор:

— Значит, ты из газеты?

— Из журнала.

— Во, во, все равно статейки, значит, пишешь. Так вот, я хочу тебе рассказать про свою жизнь. Какая жизнь! Почему, думаешь, я здесь, на севере? А сам з Украины, аж з Одессы? Скажу — не поверишь. Люблю путешествовать. Север люблю! Хочу рассказать тебе про свою интересную жизнь, чтобы ты, значит, прописал все как есть в статейке. А фамилия моя Симак.

Симак оторвал взгляд от воды, потрогал усы.

— Значит, так...

Но тут Катька выволокла тяжеленного, змеисто извивающегося налима, скользкого и увертливого, она никак не могла снять его с крючка, и я поспешил на помощь.

— Уйдите! — строго и неожиданно отчужденно сказала Катька выпрямляясь. — Не падо мне помогать. — И так недобро, с такой обидой глянула на меня своими зелеными глазами, что я ее не узнал...

Старик долго рассказывал мне про свою полную приключений флотскую жизнь, что плывал сперва на парходах, а потом на теплоходах по Карскому, Баренцеву, Белому морям, что бывал — и по многу раз — в Мурманске, Архангельске, на Диксоне, что он шкипер, боцман, лоцман и так далее — говорил обо всем, но только не о том, что привело его сюда, в столь непохожий на солнечную Одессу заполярный город. И было в его рассказе что-то с дальним прицелом. С прицелом, о котором я догадался позднее.

Кое-как я отвязался от него, сказал, что проживу здесь еще несколько дней, и он расскажет все остальное, а пока я пойду к ребятам ловить ершей.

Но с Катькой отчего-то уже не стало той взаимопривязанности, хоть и показала на банку с червями, ни о чем не спрашивала, не суетилась рядом, не снимала с крючка ершей, только взбуривала на меня недоверчиво и осуждающе. Зато с недетской строгостью покрикивала на Петьку, когда тот делал что-нибудь не так.

По уговору наловленная рыба сегодня полагалась мне, и я задумался, как бы сделать так, чтобы и рыбу не брать, и Катьку не обидеть.

А наловили мы много — два длинных проволочных кукана, штук, наверно, пятьдесят. Да еще налим. Куда мне с этим добром в гостинице?

И тут я придумал:

— Давай, Катерина, если мне полагается улов, заварим уху. Тройную! А что, правда? Это же здорово — уха из ершей! Пойдем к дяде Гоше, у него есть электрическая плитка, кастрюля большая. Петьку с собой возьмем.

Катька посмотрела, посмотрела на меня и сказала, как отрубил:

— Не пойду я с вами никуда. И рыбачить больше с вами не буду... Забирайте свои удочки!

— Это почему же? Что случилось?

— Вы... вы плохой дяденька! Такой же плохой, как тот дедушка...

Гоша встретил меня чуть не с объятиями. Побритый, постриженный, в спортивном костюме с броскими красными лампасами, Выключил надоедно стучащий насос.

— Хватит, клепать-колотить! Им ведь зачем вода-то, — мотнул он головой куда-то наверх. — Пакгаузы моют. Ну там после рыбы, всякой всячины. Наставят шланг — и айда поливать! — Гоша показал, как моют пакгаузы, будто бы поводя из стороны в сторону шлангом. — Ну и еще кой-куда подкачку делаю. В общем, как в старой песне: «Потому что без воды — и ни туды, и ни суды...»

Он сполоснул прямо тут же, внизу под насосом, руки, открыл приколоченный к стене шкафчик. Замысловато покрутил пальцами, заговорчески подмигнул бывалым глазом:

— Дерябнем, что ли? Со вчерашнего дня храплю. Говорю, разжился малость...

— Подожди с дерябаньем. Кое-что скажи мне.

— Ну, и поговорим, конечно, мне тоже до тебя дело есть. Вышьем и поговорим.

Гоша вынул из шкафчика откупоренную и отпитую бутылку водки, выставил тоже открытую консервную банку с тушенкой, хлеб. Отдельно положил на столик крупную проросшую луковичу.

— Вот даже фрунт раздобыл, — сказал он, суетливо разрезая хлеб, доставая ложки. — Тугова-то у нас летом с лучком-чесночком. Съели за зиму и пока не завезли. Приезжие барыги торгуют.

Я сразу вспомнил старика шкипера, смердящего чесноком.

— Скажи, Гоша, с чего это сегодня Катька на меня напустилась? Поговорил с Симаком, и ее как подменили.

— Ай! — отмахнулся Гоша. — Нашел с кем разговаривать. И правильно Катька сделала, что отшила тебя...

Он подсел ко мне на пары, давай крутить пальцами перед лицом.

— Как бы тебе объяснить? Ребенок — он и есть ребенок, мало ли, чем можно обидеть. А шкипер как-то нехорошо пошутил с ней. Вот, наверно, из-за него и с тобой так...

— Но я-то при чем? Я же не подшучивал?

— Ай! — опять замахал Гоша руками, явно досадуя на мою непонятливость. — Шутки-то ведь бывают разные, иная не только малого, а и дубака, наподобие меня, отшибет. Слушай сюда, если интересно, клепать-колотить!.. Таскают они, мелюзга, ершей, а шкипер и говорит им: «Чем вы занимаетесь, сопляки, цирк ведь московский приехал. Попов там, Никулин и прочие». — «Где, куда приехал?» — «Да прямо в аэропорту и балаган циркачи раскинули. Тигру, слона привезли...»

Ребятишки рты пораскрывали: «Правда, дедушка?» — «Как не правда, если сам видел».

Ну те побросали свои закидушки — и на оставку. А время было позднее, автобусы уже не ходили. Пробежали они до порта все десять километров, видят, никакого цирка нет. Вернулись так же пёхом, языки повысовывали от усталости, а шкипер живот поджимает, хохочет над ними...

— Зачем он так сделал?

— А ты спроси его, придурка. Самого себя повеселил. Он же один здесь, как волк в окладе, руки ему никто не подает. Вот и придумывает развлечения... В общем, гад он, и не только за это!

Гоша был навеселе, но всего чуть-чуть.

— Давай дерябнем, и я расскажу тебе, кто такой Симак! Сам-то наговорил, поди, тебе семь верст до небес, и еще наговорит! Он всех приезжих обхаживает, север расписывает, будто рай ему здесь, а не каторга, клепать-колотить!

Гоша разлил по черным от чая кружкам водку, чокаясь, придвинул по столику свою к моей, умеючи, в один глоток выпил, торопливо занюхал луковицей.

— Ну так слушай сюда. Полицай он бывший, этот Симак. Всю войну, продажная шкура, фашистам прислуживал, а потом под чужой фамилией еще долго неузнанным был, в Закарпатье при теплом местечке кантовался. И все же наши, опознали. Жаль, что за давностью лет вышку не дали, поменяли на десятку строгача. Вот в этих, теперь милых его сердцу, краях и отрубил срок от звонка до звонка. А потом — куда? Домой нельзя, напаскудил за войну, свои же шлепнут. Там, в Одессе, говорят, не прощают изменников, хоть и испулил ты вину. И правильно делают, убивать таких надо! В сорок третьем, наверно, такой же полицай батю моего раненого расстрелял на глазах у всей деревни. В Белоруссии это было, сам ездил, когда вырос, многие помнят тот день. Памятник там стоит отцу...

Правильно делают, что не прощают! — с нажимом повторил Гоша. — У нас тоже не прощают,

сам видишь, какой он одичалый. Вот и ошпивается здесь после тюряги, тоскует, все смотрит куда-то, ждет чего-то, а все равно здесь. Некуда ему больше податься... Да катись он, клепать-колотить! — выругался напоследок Гоша и наконец-то зацепил ложкой мяса. — Поговорить, что ли, не о чем? Давай все же выпьем, и послушай меня. Очень прошу, послушай.

Гоша задумчиво помолчал, словно бы решая, с чего начать, взъерошил пятерней постриженную свою шевелюру, знакомо пожестиковал перед лицом.

— Я ведь как до такой житухи докатился? Работал в Пензе на стройке. Хорошо получал, за двести. Даже в бригадах последнее время ходил. Семья, конечно, дочка такая же, как Катька. Ну, живем, все идет нормально, жена на часовом заводе работает. И тут приезжает кореш, Сашка Блудный. Ну, Блудный — это у него прозвище, а так Сашка Гурьянов. Поддали за встречу в ресторане. Он мне рублевки выложить не дал, за все питье, закуску заплатил сам... Когда поддали, Сашка и говорит... Кроты вы, говорит, слепошары, замуровались с головой в своих норах, ничего дальше носа не видите. Горбатитесь, говорит, за двести каких-то колов, а на севере эти деньги заработать за неделю — раз плюнуть... И показал сберкнижку на пять тысяч. Это как уволился от нас, за два неполных года хапнул...

Ну, и понесло меня, клепать-колотить! Верить, земля, сплю и вижу, что я где-то на большой стройке, на самом что ни на есть диком севере, зимой — морозы, летом — дожди, все ни о чем! Как месяц, так тыща на книжке! А я ведь всю жизнь мечтаю «Жигуленка» кушать...

Ну и потом уже без Блудного по-трезвому прикидывал, как да что. И выходило — лучше некуда: трудовая в порядке, статей плохих никаких не записано, наоборот, благодарности, премии там разные к праздникам, монтажник пятого разряда, сварщик, слесарь — что еще надо? В общем, одна нога у меня дома, а другая уже на севере, где Сашка.

Говорю о своих задумках жене. Так и так, говорю, съезжу пока один, а там видно будет: дадут хибару — вас вытребую, нет — один буду вкальвать. Мне ведь что, особых удобств не надо, мне бы только на «Жигуленка» сколотить...

Гоша подлил в кружки, но не пил, не предлагал мне, а только отрешенно смотрел в угол. Нет, он совсем не старый, лет тридцать пять, наверно, не больше, и вот сейчас в своем костюме с лампасами так не похож был на того Гошу, какого я встретил на причале в первый раз. Что-то интеллигентное выделось в его сухощавом, чуть удлиненном лице — прямой тонкий нос, четкий рисунок бледных губ. И только большие голубые глаза по-прежнему были полны скрытой печали. И вот он поднял эти глаза на меня.

— Жена — ни в какую! Чего, говорит, тебе

не хватает, квартира — есть, работа — тоже, чего тебе надо?.. «Жигули», говорю, дура, надо. Разве не понимаешь, что с этой зарплаты мы никогда на машину не соберем? Умные люди, говорю, только так и делают: сдают в наем квартиры — и за деньгой на север. Вон, говорю, Блудный, пока у нас в бригаде мотался, больше чем на полторы сотни никогда нарядов не закрывал. А сейчас? Куда, говорю, от нас он подался? На юг, отдохнуть с шиком, клепать-колотить!

Месяц, другой уламываю бабу — даже слушать не хочет. Езжай, говорит, хоть в Америку, а меня не трогай. Пропади, говорит, ты пропадом вместе с Блудным и своими «Жигулями».

Ну, я тоже с характером, кончилось терпение. Мыбра, говорю, ты необразованная, добра же хочу, дура, машину хочу для семьи иметь. В общем, как хочешь, говорю, а меня не поминай лихом.

А тут и письмо от Сашки. Пишет, работу для меня присмотрел, ничего, не пыльная работенка, а возьмут с руками, с ногами. Пишет, такие специалисты, как я, везде в цене. Давай, говорит, не тяни, не пожалеешь.

Тут уж я больше не раздумывал. Рассчитался в один день — и к нему.

К нему — это на стройку. И верно, взяли сразу. Документы-то у меня тогда чистые были... И стройка развертывалась — будь здоров! — тянуть газопровод аж за границу. Люди да люди нужны. В общем, устроился на газопровод. Правда, на подхвате первое время был, но работал, присматривался, сам собирался трубы сваривать.

И тут начал узнавать после Пензы-то, что такое север, клепать-колотить! Скучища — душу выворачивает! Что на работе, что дома. Да какой там дом, балок в болоте! После смены «козла» до полночи бьем. Рожу всю раздуло от мошкарки, помыться толком негде. Ну и на работе поворачиваться надо. Чуть что не успел — втык от бригадира. А я сам бригадир, легко, думаешь, переносить? Раз поцапался, два поцапался — не то стало. Что-то не шибко и деньга идет. Двести, двести пятьдесят от силы. Это в мокроте-то! А в сентябре задуло, загурило...

Здесь Гоша опять умолк, повертел на столике кружку так и с невзытой водкой, поерошил волосы.

— Понимаю я, земля, что сам дурак. Такой уж мерзопакостный характер! Даже бабу взять — и ту не послушал, уехал. Да и уехал-то как, удрал, считай, от семьи.

Ну, а дальше — больше. Зимой уже раздобыл где-то Блудный целый ящик спирта. Там ведь, на трассе, сухой закон, а у нас с ним пошла житуха, клепать-колотить! Все бьются в догадках, где мы расстарались спиртяги, а мы помалкиваем. Я и сам толком не знал — где. Блудный темнил что-то, мол, весной еще припас. Втихари пощиваем, кой-кого из мужиков угощаем, но толь-

ко не зануду-бригадира. Он у меня к тому времени уже вот где сидел! — Гоша вздернул подбородок, энергично прижал ребро ладони к горлу. — С неделю гужевались, а потом прилетел вертолет с двумя милиционерами. Сашку и меня заодно увезли в базовый поселок. И тут оказалось, что спирт-то Сашка не покупал, а сбаврил из проходившего к геологам вездехода. Нам этот вездеход тоже завез кое-что из продуктов, вот тогда Блудный и успел...

Короче — упрятали моего кореша далеко и надолго, а меня уволили по тридцать третьей статье, да еще с какими-то пунктами. Эта тридцать третья — как ярлык какой о твоей рабочей неполноценности. И пошло-поехало! Куда ни сунься — не берут. Домой поворачивать тоже стыдно: не то, что денег не заработал, все с себя-то спустил! Пробавлялся случайными заработками, всякой калтурой. Что уж вспоминать про остальные...

Вижу, худо мое дело. Долго так не протянешь. Того и гляди загремишь за Блудным. Взял да и махнул сюда. Упросил капитана принять на рыболовный сейнер. Маленько не доработал до конца сезона, выгнали. Сплывил налево мешок муксуна, застучали — и привет родителям. Даже расчет не дали. Вот такая житуха, клепать-колотить!

Гоша поднял кружку, стукнул по краю об мою и, как давеча, разом опрокинул водку в рот, буд-то выплеснул через плечо. Вяло пожевал.

— Сам дурак, во всем сам дурак! — убежденно повторил он. — Понимаю все, а делаю не так, как думаю. Вот уж когда сюда приткнулся, все, думаю, шабаш, хватит левачить, да нет, опять соблазнился, опять рыбкой ворованной базарю... Есть тут один приезжий толкач с какого-то рыбокомбината, вот он снабжает, а я, так сказать, реализую... Но и сам посуди, какой заработок на водокачке?

— Кто этот толкач, фамилию не помнишь?

— А черт его знает! Скользкий такой тип, каждое лето здесь. Любит чужими руками жар загребать.

Гоша совсем не пьянел, хотя выпил еще раз. Только от своих же слов распался все больше, кого-то ругал, кому-то грозил и казнил, и казнил самого себя...

— Послушай, земля, — вдруг заговорил он изменившимся голосом. — Только не подумай, что я тебе жалуюсь. Ничего мне от тебя не надо. Вот веришь, нет, горит все тут, — он постукал кулаком в свою плоскую грудь, — горит, охота кому-то все сказать-высказать, и я сказал тебе. Почему тебе — убей, не знаю. А молчать не могу... Ты вынешь, нет? — опомнился Гоша. — Не хочешь, значит. — Он приподнял почти пустую бутылку, потряс перед глазами. — Тогда я тоже не буду. Все, земля, завязал! Завязал — и надолго. Слово мое — олово, клепать-колотить!

Ведь бывает же такое! Ну откуда мне было знать, что я снова встречу с сердитой женщиной, ушедшей от нас с Самохваловым с палубы «Омика»?

А получилось так. Последним моим делом в той командировке оставалось побывать в бригаде буровиков, очень известной на севере, возглавляемой Виктором Тереховым.

Терехов — не просто бригадир, не просто опытный буровой мастер, а еще и человек с высшим образованием, инженер-геолог, совсем недавно закончивший институт.

О нем много говорили, много писали, по его прогрессивному методу — применением какой-то особой технологии бурения — работали не только буровики на севере, но и в Татарии, в Прикамье, а на собственном счету у Терехова и его бригады до десятка пробуренных скважин, давших нефть и газ.

Так что был у меня интерес побывать в отдаленном вахтовом поселке на буровой, и когда в управлении «Нефтегазгеология» мне называли всякие цифры, я с особой тщательностью записывал их в блокнот. Записал и членов бригады и поразился, что самый старший из них, бригадир Терехов, тридцати двух лет от роду, а самый младший, помощник дизелиста, бывший механик-водитель танка, год как из армии.

Вахта менялась в тот самый день, и я прямо из управления поспешил в аэропорт, чтобы улететь на буровую с бригадой Терехова.

Вот тут-то, на вертолетной площадке, и встретил «сердитую» женщину. Она, оказалось, провожала на десятидневную вахту мужа, и не кого-нибудь, а самого бригадира Виктора Павловича Терехова...

Очень подозрительно оглядела она меня, когда я поздоровался со всеми и сказал о цели приезда. Виктор Терехов, могучий малый, несмотря на лето, в меховой куртке и теплых, меховых же сапогах, дружелюбно давая мне руку и весело сказал, что рад любому новому человеку, что вообще готов взять в бригаду, если я, конечно, смогу что-то делать полезное, кроме как есть кашу с тушенкой. Тем более, добавил он, что в бригаде у него есть вакантное место подсобного рабочего.

Вот она, вся в сборе тереховская бригада, восемь мужичков-боровичков, чем-то неуловимо схожих между собой и, как потом выяснилось, совсем разных по характерам. Я уже не сужу по внешним признакам: все молоды, все здоровы, не говорю про современные длинные прически, а про бороды можно бы и не упоминать — это какая-то напасть на нынешнюю молодежь, особенно на северян! — безбородым оказался один Саша Кравченко, зато с роскошными бакенбардами и бравыми гусарскими усами...

Это уж потом я узнал их по именам, потом уловил многообразие личностных оттенков каждого, потом вник во все сложности труда и быта на буровой, а пока видел как бы обобщенно всех сразу.

Вертолет уже всюду крутил лопастями, пришлось даже придерживать шапку (шапку, как и сапоги настоял взять Гоша), когда Терехов подошел к жене, крепко, по-свойски, взял за плечи и уже прокричал, осиливая гул двигателя:

— Ну, Валюха, не горюй тут, не простуди Наташку, а с партизана глаз не спускай! Да чтоб не голял на велосипеде по улицам!

Уже когда летели, Терехов рассказывал:

— Взяла привычку: как моряка дальнего плавания, каждый раз провожать и встречать. Говорю, не ездят, не трать время, побудь лучше лишний час с детьми, нет, выдерживает свою линию. А их ведь не привяжешь, Сережка уже наверняка деру дал...

Называя сына «партизаном», Терехов явно подчеркивал этим вольнолюбивый нрав мальчишки, ничуть не порицая его.

— Разновозрастные они у нас, — продолжил он. — Дочке с мая на третий год перевалило, а этот в четвертый перешел. Наташку в ясли носим, а парень — вольный казак. Летом без всякого пригляду живет. Я — в тундре, мать — на работе, вот и партизанит. В пионерлагерь поедет только в августе, в третью смену. На юг. Вместе, всей семьей поедет.

Терехов умолк, о чем-то подумал.

— Поедет, если, конечно, дойдем до нефти, — повторил он озабоченно. Еще помолчал и твердо добавил: — Дойдем! Как считаешь, Гасанов?

Гасанов, с черными южными глазами сбитень, услышал вопрос, пожал квадратными плечами, мол, ты бригадир, тебе и знать. Но все же сказал с необидной подковыркой:

— Ва, дэрогой! В море купаться зэхочешь, дэвушками на пляже любоваться зэхочешь — живого черта поймаешь, не то, что дойдешь до нефти!

Тоже уже потом я узнал, что Байрам оглы Гасанов приехал в Сибирь с каспийских нефтепромыслов, на буровой работает первым помощником мастера, стало быть, рядом с Тереховым.

Шуткой своей он вернул Терехова к мыслям об отпуске.

— В Крыму у нас свой санаторий от управления. Летом почти полностью ребятне под пионерские лагеря отдаем. За три смены успеваем свозить всех. Даже интернатских прихватываем. Это дети оленеводов из отдаленных колхозов. Ханты, ненцы, манси. Им-то совсем в диковинку теплые края. Ну, а если у самого с отпуском не получится, мой без меня отдохнут. Жена вроде бы уж штатной воспитательницей стала, каждый год со школьниками ездит, а то и два раза в году. В профсоюзе она работает и по этой самой части, соцкультбыту.

— А вы знаете, я, кажется, знаком с вашей женой,— сказала я после некоторого сомнения: говорить — не говорить.

— Когда успели? — весело удивился Терехов.

— Да так, случайно вышло...

И я рассказал, как было дело.

Он откровенно смеялся, обнажая крепкие, эмалево-белые зубы, комкал в руках шапку и приговаривал сочным баритоном:

— Валуха это может, на нее похоже. Она отчитает кого хочешь!

И как-то сразу разговор наш стал еще более непринужденным, говорили о жите-быте, работе, вспоминали забавные случаи и вообще чувствовали себя так, будто были знакомы не один час, а много дней. Так быстро обычно сходятся люди открытые, притершиеся друг к другу. Парни из бригады оказались под стать Терехову, не шибко-то тяготились присутствием незнакомого человека. Хорошо отдохнувшие за три выходных дня, полные бодрости и неистраченной пока энергии, нет-нет да и ввертывали в разговор шуточки.

Терехов в своей меховой куртке, словно скатанный и спрессованный, взглянув на часы, неловко повернулся к иллюминатору, поискал что-то глазами, толкнул локтем меня.

— Вон, видите буровую? Это «Пятая». На очень перспективном месте сверлят. Если подтвердится заключение геологов — будет большая удача.

Рослый парень с рыжей бородицей, в таких же, как у Терехова, сапогах и в новеньком стеганом ватнике, стянув с кудлатой головы шапку, тоже прильнул к иллюминатору.

— Смирнов свое возьмет, достанет нефть. Хоть насквозь шарик продырявит, а фонтан пустит. Везучий этот Смирнов,— сказал рыжебородый вроде бы самому себе, но все услышали и дружно захохотали.

— Так кому нужно такое везение? — смеясь, спросил другой рабочий, единственный, пожалуй, в бригаде, одетый по-летнему — в плаще и модной вязаной шапочке с тысячей кругленькой пампушкой.— Ведь если Смирнов продырявит парик, нефть-то куда пойдет? В Америку, Лева!

И снова смех.

Внизу по всхолмленной желтоватой тундре реденько торчали, а точнее, как бы бежали вслед вертолету тощие островерхие лиственницы с уныло опущенными ветвями-плетями. Было солнечно, и стрекозиная, разлато мелькающая тень машины отчетливо скользила по ягельникам, бесчисленным, оловянно взблескивающим озерцам, лишь изредка исчезая в распадках и оврагах, густо поросших темными куртинами ивняков. Жуть брала от великого однообразного пространства, сколько ни смотри — не за что зацепиться взгляду и казалось, что нет здесь и быть не может никакой жизни.

Но не так, наверно, думал Терехов. Показав

в иллюминатор на смирновскую буровую, которая при легком крене вертолета неожиданно косо взметнулась ажурной вязью высоко над тундрой, он сказал, опять взглянув на часы:

— Через пятнадцать минут будет «Шестая», а там до нашей рукой подать.

Нет, кому-кому, а Терехову видится эта земля далеко не безжизненной и вовсе не пустынной, он знает, что в ней и что на ней, если весь часовой перелет до буровой, как по хронометру, сверяет по часам и отмечает про себя нечто известное ему одному.

Но вот под нами и «Шестая», эта стоит в балке, почти опоясанная какой-то речушкой, и кажется, здесь погуще растительности. Чуть в стороне — четыре вагончика, еще какие-то времянки, дощатые навесы, бочки, ящики, трубы — все это с малой высоты хорошо видно. Видно и людей, даже собаку с ними, они что-то перетаскивают по желтой, похоже песчаной, дорожке. Люди привстали, помахали шапками.

— Олемчук здесь командует,— сказал Терехов.— Ушлый хохол, двадцать лет на буровых. Соревнуемся с его бригадой, не знаю еще, кто кого обойдет в этот раз. Но ничего, мы тоже не лыком шиты!

В голосе Терехова прозвучала уверенность и даже какая-то азартная задиристость.— Не лыком шиты! — повторил он.

Вообще, я уже заметил, у Терехова была привычка говорить конкретно, с нажимом на свою правоту, на свою силу. Мне всегда казалось, что подобная уверенность в людях, а точнее — вера в свое дело — признак лидерства, умение и уверенно вести это дело, и увлекать других. Такие всегда на виду, всегда впереди. Их уважают, им подражают, наконец, у них учатся. И за всем этим стоит одно емкое слово — авторитет. Не за двадцать лет, а за восемь сумел Терехов, как пишут в газетах, «завоевать» его и вот теперь уверенно удерживает лидерство.

Не будет, конечно, новым, если скажу, что авторитет приходит к человеку не вдруг и не сразу, определяется он прежде всего честнейшим отношением к делу, к людям, умением вести себя в коллективе, чтобы было на кого посмотреть, с кого брать пример, и тоже не скажу нового, что так трудно наживаемый этот авторитет может быть загубленным и подорванным навсегда лишь одним фальшивым поступком, одним нечестным шагом. И это, конечно, тоже понимал умный мужик Терехов. А потому даже при первом знакомстве он производил впечатление не просто сильного человека, а еще и в полной мере ответственного за каждый свой поступок, за сказанное слово.

Эти мои размышления подтвердились тут же. Из пилотской кабины вышел летчик, поправляя, наверно, после наушников волосы, подсел к нам.

— Ну как, Витя, уговор остается в силе?

— Раз пообещал — куда денешься!

— Значит, так. Я вас сбрасываю, лечу обратно и докладываю командиру эскадрильи, что в следующие выходные — день уточним — ты выступаешь у нас перед летным составом как передовик, как депутат, как кавалер ордена и все такое прочее. Лады?

Терехов поморщился:

— Еще и спортсмен-разрядник, и семьянин хороший... Что не добавил? «Лады» будет тогда, когда ты назовешь меня просто буровым мастером. И вообще скажу, закабалили вы меня с этими встречами. Ну, сам посуди, артист я, что ли? Ладно перед детворой, а перед авиаторами что я говорить буду?

— Найдешь, что сказать, — успокоил летчик. — Комсомольцы — народ любознательный, портреты твои рассматривают, интересуются, какой ты живой-то? Вот «живьем» и покажись, расскажи, как соревнуешься, как рекорды бьешь и все такое прочее. Лады?

Он ободряюще хлопнул Терехова по спине, давай, мол, не робей, по труду и честь, направился обратно в кабину.

— Попросили как-то выступить в школе. Ну, выступил, рассказал про буровую, про житее наше отличное — и пошло! — сказал Терехов в отчаянии. — Третий раз зазывают...

Вертолет заложил крутой вираж, заметно снизился, и побежали под брюхом тряской махины чахлые черные елки, лиственницы, мелькнул один вагончик, другой, копия тех, что пролетали, потом еще два, и в стороне, уже с другого борта, вдруг взметнулась к небу корабельной мачтой буровая вышка с флагом на верхушке и голубыми дымными выхлопами работающих дизелей.

Через минуту вертолет завис над бетонной площадкой, медленно повернулся туда-сюда, словно бы разглядывая земную твердь, и мягко осел на колесах.

Вахтовый поселок — это, конечно, условно, что он поселок. Вернее сказать, просто жилье рабочих, оторванных от базы, от дома на десятки, а то и сотни километров. Этот же состоял всего из четырех вагончиков-балков, столовой, размещенной в огромной бочке, напоминающей железнодорожную цистерну, но оборудованную специально под столовую, да еще из нескольких складских помещений. Но он был вполне обжит и даже чем-то уютен. Чувствовался и порядок. Не знаю, как на других буровых, но здесь ничего не валялось, не видно было строительного хлама, железа, цемента, даже емкости с соляркой, обычно черные и маслянистые, ярко желтели, покрашенные охрой. От вертолетной

площадки через болотце вели ровные крепкие мостки из лиственничных стволиков, бурильные штанги и обсадные трубы лежали штабелями, всевозможная оснастка, приспособления, инструменты хранились под навесом. Монотонно стрекотали движки, из распахнутых дверей вагончика доносилась музыка и уж совсем по-домашнему сушилась на веревке выстиранная роба...

Первыми нас встретили две рослые белогрудые лайки. Еще в воздуха я заметил их, кочками сидящих обочь площадки. Привычные ко всему современному, пси ничуть не убоились грохочущего вертолета, и только мы вышли из него, с радостным визгом принялись прыгать вокруг, путались под ногами.

Взвалив на плечи рюкзаки, мы направились по мосткам к вагончикам. Возле них нас ожидала девушка в цветастом платке и с глазами ничуть не светлее спелой черной смородины.

— Здравствуйте, Виктор Павлович, здравствуйте, ребята! — поздоровалась она с той характерной мягкой певучестью в голосе, какая звучит в разговоре почти всех коренных северян. Посмотрела на меня с явным любопытством, тоже кивнула.

— Кушать будете или как?

— Будем, Акулина, будем! — сказал Терехов, поздоровавшись с ней за руку. — Давай пока разбирай рюкзаки, там кое-что найдешь для себя, а мы с гостем заглянем на буровую.

Еще дорогой Терехов говорил, что взял за правило по приезде на работу сразу сходить к буровую («Все три дня вспоминал недоделки: там гайка прослабла, там планг провис»), да заодно и принять вахту — надо побыстрее отпустить вертолет.

Пока шли, он рассказал о сменщиках — почему-то называя их именно сменщиками, — что ребята они в общем ничего, хорошие ребята, вот только старший бурильщик Рустам Султанбеков не бережет дорогостоящий инструмент — за прошлую вахту вывел из строя три долота.

— Нет, он грамотный мужик, умеет работать. Только не там, где надо, спешит, ускоряет режимы, завывает обороты. Отсюда и поломки, — констатировал на ходу Терехов.

Сказал и о встретившей нас девушке:

— Из местных она, пенка. Закончила музыкальное училище, вроде петь да плясать должна, а она напросилась к нам. Долго думали, брать — не брать, все же девушка, трудновато ей будет с нами, а потом решили: берем. Определили в поварахи. И правильно решили. Теперь как-то даже не представляем, что бы делали без нее. Непоседа, на все руки мастерица: жарит, варит да еще и на охоту успевает. Куропаток, уток приносит. А по весне, когда охота была открыта, гусятиной закармила. Тут пока дичи хватает. Отойди с километр — и охота. А стрелок какой! Спичечный коробок в шелуху влет разбивает!

Она у нас и уборщица, и портниха. Почти безвыездно живет на вахте, и когда мы улетаем домой, чинит, стирает наши спецовки. В общем, хорошая девушка,—искренне похвалил Терехов Акулину.

«Ну все у него «хорошие», все «ничего»,—ценароком подумал я, припоминая, где и к кому Терехов подбирал бы иные прилагательные. Не припомнил. Только еще раз убедился, как все же много зависит от него самого, руководителя бригады, чтобы при таких-то вот условиях работы сказать о каждом доброе слово.

Когда поднялись на буровую, меня с невыпечки оглушило лязгом и гулом. Надсадно скрежетали лебедки, тяжело вздыхали насосы, взвизгивали змеисто скользившие на блоках тросы, подобно потоку, шумел в шлангах раствор, что-то ухало и колокольню вызванивало над головой, и под весь этот нестройный аккомпанемент жутковато подрагивала и, казалось, покачивалась вышка...

Терехов подал мне красный пластмассовый шлем, такой же надел сам, машисто перехватываясь за поручни, ловко, привычно взбежал вверх по крутым железным ступеням. Забрался за ним на площадку и я, и тут мне сделалось дурновато от высоты, теперь уже от реального покачивания вышки...

— Здесь верхового рабочего место,—прокричал Терехов.

Пока он о чем-то говорил с верховым, чумазым верзилкой в широченной, заляпанной глиной брезентовой спецодежде, что-то проверял и уточнял, оглядывая механизмы, я представил работу на буровой, и мне стало не по себе... В дождь и в снег, в мороз и в зной, продуваемые со всех четырех сторон, работают здесь люди, к тому же, как я понимаю, с известным риском быть низвергнутыми с этой верхотуры фонтаном нефти или газа. И получается сознательным и даже закономерным такой риск, раз люди вызывают фонтан на себя...

Я тут упускаю производственную сторону дела, не буду описывать, что увидел и что поразило меня, скажу лишь, что Терехов, как и в первые часы знакомства, так и в последующие дни, покорила меня своей одержимостью в работе, какой-то, пусть не обидно воспримется, волчьей хваткой к ней, умением с полуслова, с полупамятки находить деловое согласие с членами бригады. Грязнущие бородатые черти, в мокрых, коробом стоящих спецовках, ввалились они после смены в вагончик и долго молча курили, приходя в себя. И уж потом только, помогая друг другу, стягивая с себя, будто скафандры, эту спецовку, набрякшие сапоги, пока еще вяловато, но все веселее отпускали колкие шуточки в адрес того или другого по поводу какой-то промашки, какого-то забавного эпизода на работе.

Ни раньше, ни позже, как раз в такие минуты

в вагончике объявлялась Акулина и начинала похозяйски «воспитывать» парней, выговаривала, что не может приучить их к порядку, что зачем раздевалка, где она дополнительно набила гвоздей вешать спецовки и поставила самодельную электропечку сушить их, что почему вовремя не приходят обедать, всегда он остывает и вообще не съедают то, что она для них готовит. Или невкусно готовит? Укоряя за все это рабочих, Акулина сама развешивала за перегородкой робы, затирала пол.

— Да будет тебе, Акуля, будет! — успокаивал кто-нибудь из ребят.— Ведь обещались же исправиться — исправимся...

Как-то уже перед самым моим отъездом с буровой мы с Тереховым сидели после работы в вагончике вдвоем. Ребята, свободные от вахты, прихватив удочки, ушли рыбачить на недалеком озерко. Под потолком ныли надоедливые комары, на столе, не мешая, тихо журчал транзистор. Я оглядел помещение. Что ж, по полевым условиям вполне приличное жилье. Двойные стены облицованы шпунтованной дощечкой и на внешнем манер подурмянены до коричневых разводов паяльной лампой. Над каждой кроватью — немыслимых сюжетов цветные вырезки из журналов, фотографии любимых, и вообще преобладают женские портреты. Пол покрыт потрескавшимся линолеумом, у входной двери, без сомнения Акулиной положенная, вытертая оленья шкура. Впрочем, оленьи шкуры лежат и на некоторых кроватях, я вот спал на раскладушке тоже под шкурой, страшно колкой и линючей. Над общим столом — длинная, во весь поперечник вагончика полка, забитая старыми журналами и книгами, которые или не интересны или давно прочитаны — рабочие почти не брали их в руки.

А в общем и целом все же мне показалось скучноватым здешнее житье-бытье. Буровая — вагончик, вагончик — буровая. Ну, рыбалка, ну, когда покрутят старую киноленту, послушают магнитофонную запись. Не мало ли для молодых образованных людей? Что их привлекает сюда, кто гонит?

Об этом я и спросил Терехова.

— Кто гонит? — не понял он.— Нет, нас никто не гонит и не может гнать. Разве что наоборот — мы гоним. Ну, а если по-серьезному, то молодежь скорее всего привлекает необычность нашей работы, скажем прямо: романтика. Север, безлюдье, пока что дикая природа — это ли не условия испытать себя, проверить себя на прочность, утвердиться в чем-то? Словом, обрести самостоятельность, определиться в жизни. А условия здешние и впрямь ведут отбор и очень скоро выявляют кто есть кто. Ведь недаром кто-то придумал выражение «испытание Севером». Многие быстро понимают, что не туда заехали и живенько поворачивают в края потеплее... И это хорошо, что вовремя одумываются и поворачи-

вают, хоть не бичуют. А кто выдержал — привыкают и не могут без Севера.

К тому нашему разговору я уже знал, что сам Терехов — уралец, что на север приехал сразу после армии, что институт закончил, можно сказать, здесь, в вагончике — на полке еще и сейчас стоят учебники по горному делу, — что поработал на многих месторождениях Западной Сибири, а начинал с подсобного рабочего на буровой. Знал и то, что он депутат районного Совета, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Все это я знал, все это похвально и к чести Терехова, но меня интересовало другое: почему север, чем он его-то притянул?

— Ну, а заработок, заработок ведь тоже не последняя штука? — прямо спросил я. — Всякие коэффициенты к нему, квартальные-премиальные.

— Что я скажу, — задумался Терехов. — Не секрет, зарабатываем мы хорошо. Но ведь и зарабатывать надо уметь. Вот эти летуны из теплых городов, они ведь как думают? Приехал на север, шибани баклушу — рубль в кармане, шибани другую — два. Нет, так не бывает и не должно быть. Здесь, как и везде, надо работать, и работать на полную выкладку. А тут еще дожди, мошкара, зима с сентября. Многим это не по зубам, не под силу, да и не по нраву часто. Вот и летают со стройки на стройку, с объекта на объект.

Но тут разговор наш прервал неожиданно вернувшийся с рыбалки Байрам Гасанов. Всклопоченный и возбужденный, прямо с порога темпераментно загремел:

— Ты посмэтри, ты посмэтри, что дэлает, собака! Опять оборвала! И все та же, на том мэсте, где ручей впадает! Только бросил — она цап! — брюхо желтое показала — и нет блесны! — И Байрам потряс перед глазами Терехова спиннинговое удилище с болтавшимся концом лески. — Последняя блесна!

— Подожди, Байрам, — сказал Терехов. — Блесну сделаешь новую и «собаку» вытащишь. Присядь, раз зашел, объясни товарищу, что тебя сюда, на север, загнало?

Байрам непонимающе посмотрел на меня своими черными, без зрачков, глазами.

— Как загнало? Сам приехал. Сначала написал, пригласили, поехал. А что такое?

— Да ничего, просто выясняем, что нас здесь удерживает.

— Ва, интэрэсный разговор! Только не та формулировка — «загнало». Может быть, смущает, что я азербайджанец, а здесь? Так тут, по моему, одна Акулина местная. Кравченко — с Полтавы, Султанбеков — из Татарии. Со всей страны здесь люди, дэрогой. А за чем приехали? Ва, не за щуками же! Хотя можно только и за ними. Вот они здесь какие! — Байрам с извечной рыбацкой щедростью показал на всю длину двухколенного удилища, да еще и прибавил четверть. Подумал, покрутил ус. — Нет, не за щуками, — по-

вторил он уже серьезно. — Все, дэрогой, просто: я — нефтяник, и куда мне, как не к нефти? Узнал, большая нефть на севере, значит, горячая работа, хороший заработок — взял да и махнул. А что, плохо, что ли?

Байрам вытащил из-под кровати кусок толстого кабеля, развернул мощными пальцами свинцовую оболочку, закатал в нее большой крючок и привязал к леске. Это и называлось у Байрама «блесной».

Когда он ушел, Терехов сказал:

— Действительно, взял да и махнул. Когда приехал этакий джигит в папахе, я, признаться, тоже засомневался — приживется ли? И трудно приживался. Страдал от комарья, от мошек так, что весь опухал. Видно, от недостатка кислорода одышка одолевала. Придет с работы — и на боковую до новой смены. Да и кухня наша поначалу не по вкусу пришлась. Плохо ел, все посылки ждал... Но парень оказался волевой, пересилил, переломил себя. Уже к осени вошел в колею, работал наравне со всеми, если не лучше, не дотошнее. Дотошнее в том смысле, что не только руками, не только головой, чутьем до всего доходил. Ну, а сейчас замены ему нет. Общительный, необидчивый — любят его ребята. В общем, легко с ним работать...

— А вы сами-то как осели? Инженер, а на рабочем месте.

Терехов опять задумался, отпил из кружки компоту.

— Тут надо по порядку. И мне не сладко было, тоже чуть деру не дал в первую зиму. И скажу честно: удержал только договор да те подъемные, какие получил. Я ведь после демобилизации не один сюда приехал, таких, как я, целая рота. А как-то подсчитал, осталось шестеро. Трудно было во всем, хоть и не южанин, — и сама работа, и морозы зимой, и мошкара летом. А главное — оторванность. Тундра, болота, бездорожье. Но как-то обкатался, привык, друзей завел.

На другой год веселее дело пошло, Валюху рассмотрел... Тоже горемыка приезжая, на стройке дороги работала. А как поженились да получили комнатенку, вроде бы и дом здесь образовался. И уж никуда больше бежать не захотелось. Ну, а дальше — переезды, все новые месторождения, что-то заманчивое, неизведанное впереди, хочется начатую скважину до конца довести. Потом Сережка родился, тундра — это уж его родина, сам постунил учиться, и закрутило, завертело — не до скуки. Втянулся, одним словом...

А насчет того, что инженер и на рабочем месте, так это сейчас не ново. Много специалистов на буровых работает. Гасанов ведь тоже техникум закончил, нефтяник по образованию. И знаете, оказывается, кое-чему не зря учились. Всякому буровику не мешает знать не только тех-

нологию проходки, не только штанги да трубы, а еще кое-что и посложнее, скажем, самому уметь вычислить предполагаемые нефтегазоносные горизонты. Словом, институт мне не помешал...

Терехов еще отпил компоту, долил из кастрюли в мою кружку и свою.

— Я и сам часто думаю, что сюда влечет, что притягивает. В холод, болота, неудобства. А случается и такое, что и вспоминать муторно. Ну вот, к примеру, два года назад, в конце февраля, запуржило, задуло — и на целый месяц. Вагончики занесло до крыш, коридоры в снегу пробивали, буровую откапывали. Короче, больше месяца авралили одной вахтой. О вертолете и думать нечего: видимость — ноль, ветер — тридцать метров в секунду. С базы радируют: «Держитесь, ребята. Работы на буровой прекратить, займитесь расчисткой площадей, оборудования, взлетно-посадочной площадки. К полету подготовлен вертолет «МИ-8», при первой возможности вылетит. Экипаж дежурит в порту. Держитесь!»

А что нам оставалось? Только буровую мы не остановили, не отсиживаться же в вагончиках! Так постановили всей бригадой. Вышку укрепили дополнительными страховыми растяжками и помаленьку, подменяя друг друга, работали. Спали по очереди — час ты, час я. Но не больше четырех часов в сутки. Раздевались только просушиться. Да, все бы хорошо, ребята не стонали, никто не заболел, но кончились продукты. Сначала наполовину урезали суточную норму, а под конец и эту половину еще наполовину...

Терехов неожиданно рассмеялся:

— Не поверите, десять последних дней ели одни болгарские соевые бобы! По банке на брата в сутки. Вот она самая, — он показал на приспособленную под пельменицу жестяную консервную банку. — Бобам этим было лет сто, забыли про них, а тут вспомнили и за милую душу в расход пустили! Да так наелись, что и теперь тошнит от одного только взгляда на них...

Вместо «МИ-8» прилетели к нам сразу три оленьих упряжки... Мы самые дальние, вездеход до нас не дошел. Прилетели с начальником базы, с врачом и... с артистами... Чтобы, значит, поздравить нас, с честью выдержавших испытания. Одной из двух артисток была Акулина, дочка нашего старого знакомого оленевода Степана Неркуди. Сам Степан в этой экспедиции выполнял роль старшего каюра и проводника, а Акулина и ее подружка управляли двумя остальными упряжками.

И правда, артисты спели, сплясали. И мы повеселились вместе с ними. Тогда и задумала Акулина сменить профессию...

Терехов полистал лежавший перед ним затасканный «Огонек», раздумчиво продолжил:

— Так что же сюда привлекает? Деньги? В самом деле, люди, в особенности семейные, не за туманом же, как поется в песне, едут на север.

У каждого свой резон. Ну, и чего здесь плохого? Работать едут, и понимают, на какую работу. Так что правильно вы говорите, заработок здесь не последняя штука. Но таких, кто за заработком, уверен, меньше. А каких больше — не знаю.

— Ладно, — сказал я, — одних больше, других меньше. А вы сами-то, по-честному, к какой категории себя относите?

Терехов опять полистал журнал, чему-то улыбнулся.

— Давайте рассудим вместе. Средний мой заработок со всеми полагающимися надбавками восемьсот рублей. Жена получает четыреста. И это стабильно из года в год. Одеты, обуты не хуже других, в доме, как говорится, достаток, есть деньги на трехкомнатную кооперативную квартиру. Новенькая «Нива» стоит в гараже. Что еще? Ну и стаж свой по нашим условиям я уже выработал и мог хоть нынче махнуть, скажем, в Волгоград или Днепропетровск и купить ту самую кооперативку, на которую имеется гарантия.

А я работаю и не собираюсь уезжать. Во всяком случае, пока нужен. Так что же меня удерживает? Меня или Гасанова, или Кравченко — всех нас? Романтика? Патриотизм? Желание, как говорится, быть на переднем крае трудовых рубежей? Конечно, все это есть. Только не люблю я громких слов, скажу проще — привычка. Но привычка какая-то особенная, болезненная, что ли, ну прямо, как притяжение к магнитному полюсу.

За стеной вагончика что-то стучало. Терехов взглянул в окно и поспешил на улицу. Я тоже вышел. Терехов и дизелист Саша Кравченко склонились над какой-то деталью. Приглаживая кулаком мокрые от пота усы, Кравченко тыкал пальцем в деталь, что-то объяснял. Я прислушался к их разговору и понял, что произошла маленькая поломка движка, и мастер с рабочим обсуждают, как побыстрее ее устранить. Потом Терехов натянул спецовку, и они ушли к буровой.

Я остался у вагончика и призадумался. А не в людях ли, не в бригаде, не в этом ли микроколлективе все дело? Терехов почти сроднился с ним. Я, конечно, понимал, что вот такая сплоченная бригада образовалась не сразу и не сама по себе. Ясно, что немалая здесь роль Терехова. Но и не только его. Как он сам говорил, люди приходили и уходили. Оставались натуры, родственные по духу самому Терехову. И, стало быть, главный отбор на прочность, на выдержку опять же делал север. И трудно, трудно уже было теперь оставить этих испытанных людей, эту братскую семью единомышленников. Вот, пожалуй, и вся разгадка «магнитного притяжения».

Странно, но почему-то во время всего нашего разговора с Тереховым я так и видел перед собой Гошу с печальными его глазами. Вспоминал и «экспедитора», и Симака...

Когда Терехов вернулся, я спросил:

— Скажите, Виктор Павлович, в вашей бригаде в самом деле есть свободная должность и почему она оказалась свободной?

Он ответил не сразу. Переложил на стеллажах керны с привязанными к ним металлическими табличками, присел на крыльцо вагончика, погладил ткнувшегося ему в колени пса.

— Видите ли в чем дело. Я уже говорил о некотором проценте неприживаемости в наших условиях, то же можно сказать и о бригаде. Так вот, работал у нас один паренек, четко выполнял свои обязанности. Но выполнять только обязанности — этого здесь мало, здесь надо делать все, что потребуется, что необходимо. К примеру, подменить кого-то, заступить на вторую смену, остаться подряд на две, а то и на три вахты. Тот же снег убирать. Такая необходимость случается, и не редко. А мы люди все живые, у каждого есть какие-то свои личные интересы. Так вот, этот паренек отказался выполнять не «его» обязанности, и бригада не пожелала работать с ним...

Из деликатности Терехов не назвал имя того паренька.

— А что вы об этом вспомнили?

— Да так... Есть тут один, встряска ему основательная нужна.

— Опять летун?

— Летун, но летун как бы поневоле. К людям ему надо, к настоящему делу.

Договорить нам не пришлось: замигала лампочка над дверью, а это означало — зазуммировала рация. Через минуту Терехов кричал в микрофон: «Я — «Р-седьмая», «я — «Р-седьмая». Как слышите? Прием!»

Окончив сеанс связи, он сказал:

— Через час будет проходящий вертолет. Заберет вас.

от такие дела. Терехов и Гоша. И еще там всякие «Блудные», «Приблудные». Кто это сказал: под общим небом мы все едины? Кажется, что-то библейское. Нет, не все едины. Но при чем тут Гоша, при чем другие недавние мои знакомцы? Как-то даже странно: пожил на буровой — и так резко обозначились переклесты судеб, пролегли такие несоизмеримые параллели.

Обо всем этом я размышлял уже в вертолете. Тот самый летчик, что договаривался с Тереховым насчет выступления, спросил:

— Ну, как там у них? Все в порядке? Идут на рекорд?

Я не знал, на какой рекорд, но сказал, что идут, и летчик, как и Терехова в тот раз, дружески похлопал меня по спине, дескать, он свое дело сделает.

В гостинице меня ожидала записка такого со-

держания: «Земля, если уедешь раньше, чем я вернусь, сапоги и шапку оставь у дежурной. Я постараюсь все же устроиться на настоящую работу, может быть, в тайге или в тундре, и сапоги с шапкой мне пригодятся. Напиши мне письмо прямо на причал, тут меня все знают, и я тебе отвечу, что и как. Уехал я в одно место насчет работы. Ну, пока. Твой друг Гоша».

«Вот ведь, и друзьями уже обзавелся», — с грустью подумал я, перечитывая наивное послание и испытывая при этом не то чувство вины, не то неудовлетворенности собой. Не слишком ли панибратски иду я на сближение с незнакомыми людьми, не возлагают ли они на меня какие-то надежды? Ну, чем я могу помочь тому же Гоше? Ведь не устрою на работу, не выдам аванса. И в то же время по-человечески жаль было его...

Отчетливо, до последнего слова вспоминалась болезненно-обнаженная и, верю, честная исповедь этого сбившегося с пути человека. И еще верю, найдет он в себе силы подняться над самим собой. Но кто-то сильный должен быть с ним рядом.

Вставал в памяти, тревожил память почти насильственный для меня разговор со «шкипером». Прав Гоша, многое он может наговорить, а потому я не верил в его любовь к северу. В особенности сейчас, после знакомства с Тереховым. Вообще не верил ему. Лишь понял то, чего не уловил сначала — Симак искал поддержки и участия у каждого, сколько-нибудь внимательного к нему. И насчет «статейки» заговорил он не случайно: а вдруг да приезжий журналист напишет о нем, расскажет людям, какой хороший, ни в чем не повинный старый человек Симак...

Днем я купил билет на самолет. На ближайшее время мест не оказалось, и я вынужден был довольствоваться вечерним рейсом следующего дня. Да и ладно. Когда теперь я снова попаду в этот светозарный городок, на веселый причал, что станет с Гошей, где будет «дырывать» землю Терехов, и как станет жить-подрастать милая девочка Катя?

А полярное лето все больше набирало силу. От недавней бури не осталось и следа. Улицы привели в порядок, застеклили выбитые окна, одели новым шифером крыши. И только старые длинные бараки, еще сохранившиеся на окраинах городка, по-прежнему стояли с утомленно провисшими крышами — так повелела им доживать свои дни всеильная вечная мерзлота.

Погода держалась непостоянная, но все говорили — хорошая. Днем было по-настоящему жарко, и когда я ходил в аэрофлотское агентство за билетом, даже нес на руке пиджак. Но к вечеру с Обской губы заподдувал северик, и пришлось надевать все, что было со мной...

И все же я радовался вместе со всеми неустанному солнышку, бархатистой, буйно прущей траве, воробьям, еще по-весеннему кричащим у своих гнезд, журчливым ручьям, все лето текущим по

канавам и деревянным лоткам вдоль городских улиц и бесконечных, тоже деревянных, тротуаров.

Не видел я только цветения здешних ромашек, они сейчас лишь махрово ветвились и наливались бутонами. Мне говорили, что это самый красивый, самый яркий цветок на севере, он в несколько раз крупнее нашей, привычной глазу ромашки, и цветет разом, торопливо, во всю силу живой красоты.

Вечером, положив в портфель сапоги и шапку, я пошел на причал. Так, на всякий случай. Но Гошина водокачка была заперта.

Народу сегодня тут было немного, и я догадался почему: в Испании на чемпионате мира по футболу наша команда играла с поляками. Подавляющая часть здешнего населения — страстные болельщики, и надо думать, не пропустят такого события, сидят у телевизоров. К счастью для них городская электростанция к тому времени уже работала.

Но был, неизменно стоял на причале «шкпер». Он опять смотрел вдаль, ожидал чего-то, и мне показалось, что перед мысленным его взором брезжит вдали призрачная и теперь уже во век чужая ему белокаменная Одесса...

Мне не хотелось встречаться с ним, и я отправился в гостиницу тоже смотреть футбол.

На другой день, выйдя из машины в аэропорту, я вдруг увидел стоявшего ко мне спиной Гошу. Я сразу узнал его по сухопарой фигуре, по седым вьющимся волосам. Он изучал красочно оформленные инструкции для авиапассажиров.

Я не успел подойти к нему, Гоша обернулся сам.

— Здорово, земля! — протянул он обе руки, улыбаясь во все свое трезвое лицо. — Ох и спешил я! Понимаешь, уедешь, думаю, а я не спросил, как тебя звать...

— Земля, — засмеялся я.

— Нет, я серьезно, я хочу записать, — и он торопливо зашарил по карманам, отыскивая, наверно, карандаш. Нашел и на мятой папиросной пачке записал мое имя и домашний адрес. Записывал Гоша с таким усердием, переспрашивая и уточняя, что можно было подумать, заполняет он бог весть какую важную бумагу...

— А я — Георгий Иванович Поздняков, — назвался он и опять, как при первой встрече, крепко крепко пожал мне руку.

— Вот так-то лучше, познакомились наконец, клепать-колотить! — весело подытожил я.

— Послушай, ведь я не один! — спохватился Георгий.

И только он так сказал, сзади — я это почувствовал — кто-то вытянулся на цыпочках и маленькими теплыми ладошками прикрыл мне глаза.

— Угадайте?

— ?

— Угадайте?

— Ну, ну... Петька! — притворно сказал я.

И тут Катька выпорхнула из-за спины, счастливым колокольчиком рассыпала смех, обнажая заметно подросший за две недели зуб.

— А вот не угадали! Это — я.

— Ты все еще сердишься на меня?

— Нет, не сержусь. Дядя Гоша мне все рассказал. Я знаю, вы тоже не любите того дедушку. У-у, бармалей! — сделала она злые кошачьи глаза.

Я зарегистрировал билет, до выхода к самолету оставалось еще несколько минут, и мы присели на диване.

— Вспомнил я того толкача-то, — неожиданно сказал Георгий. — Самохвалов его фамилия. Опять приволокся с рыбой — продай да продай. Сам, жук, боится. Сейчас контроль знаешь как шерстит? Отшил я его и предупредил, придешь, говорю, еще — во получишь! И кулак показал. Все, с воругами завязано! Хватит с меня!

— Ну, а с работой как? Ездил-то куда?

— Ай! — завертел Георгий руками. Чувствовалось, не интересно ему об этом говорить, не получилось, видать. — Пока буду на водокачке. Может, пакгаузы возьмусь мыть, тогда полторы ставки пойдет. Пока здесь, — повторил он уныло.

Я надеялся на Гошины благие намерения, на все светлое впереди у Кати, а потому с легким сердцем направился к самолету. Последний раз обернулся. Катя, прикрыв ладонью глаза, смотрела на малиновое в этот вечерний час, как бы подернутое дымкой солнце. Опять что-то будет с погодой, и юная северянка, зная это, беспокоилась за меня, за мой своевременный вылет. Я крикнул:

— Солнце красно поутру — моряку не поутру!

И с удивлением услышал в ответ:

— Солнце красно с вечера — моряку бояться нечего!..

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Через два месяца я получил от Георгия большое письмо. Вот его текст с сохранением стиля и некоторыми вынужденными сокращениями:

«Дорогой друг Леонид! Спешу сообщить тебе о своем положении.

Работаю я сейчас на буровой «Р-7» в бригаде Виктора Терехова. Они тебя знают, сказали, что если буду писать, передай привет. Так вот, привет тебе от Виктора Павловича и от всех наших ребят.

КОГДА ДЕРЕВЬЯ БЫЛИ МАЛЕНЬКИМИ

**Давид
ЛИВШИЦ**

Автор снимка, помещенного на соседней странице, — один из тех, кого мы называем послевоенным поколением.

Немногом больше чем через год советские люди будут отмечать уже 40-летие Победы, а та война все еще кровавит сердца миллионов.

Не вернувшиеся с фронтов есть и у тех, кто ставил снимок в этот номер журнала, кто подписывал его в свет, кто выполнял типографскую работу... Есть и у пишущего эти строки... Есть и у тебя, наш многотысячный друг-читатель...

Война 1941—1945 годов унесла миллионы дорогих жизней. Но память хранит всех поименно. Они названы на плитах братских могил, выписаны золотом на стенах мемориалов, школ, заводов, на гранях обелисков. В честь не вернувшихся победителей построены проспекты новых городов, выращены сады мира и парки славы...

Каждому из нас сотни, тысячи раз доводилось читать на вечном камне слова: «В честь павших...», «В память о не вернувшихся...»

Но вот эта — такая необычная надпись на камне в одном из памятных скверов Свердловска: «Деревья посажены девушками Уральского университета после окончания Великой Отечественной войны в честь вернувшихся для продолжения учебы студентов-фронтовиков».

В честь вернувшихся!

Вспомнятся слова-заклинания из песни:

Мальчишки, мальчишки,

вы завтра уходите в бой,

Мальчишки, мальчишки,
вернитесь живыми домой...

Они вернулись, но — уже не мальчишками, а мужчинами. Всего-то несколько лет отделяла их судьба от жизни сверстников, а разница между теми и ними была такой же, как между сырыми брусками глины и кирпичами, что прошли обжиг в печи.

Помнится одна из первых послевоенных лекций в университете. Аудитория — полна. Половина студентов — в разноместных пиджаках и свитерах. Это — мы, еще вчера школьники. Другая половина — в гимнастерках и кителях со следами погон на плечах, в грубых сапогах. На столешницах перед фронтовиками — полевые сумки вместо портфелей. Рядом со мной — спокойный доброжелательный профиль человека с изуродованным шрамом виском, в порох кожи — синие крапинки пороха, глаз неотрывно смотрит на преподавателя и не опускается к тетради даже тогда, когда рука быстро строчит конспект. Только в перерыве, в курилке, я рассмотрел: глаз соседа — не живой... Это был Илюша Вознесенский, человек добрейшего сердца и непоказного мужества. Кому известно, каких усилий стоила ему учеба! Ему — прошедшему через войну и тяжкие раны...

Мы сами были детьми войны, голодный трудовой военный быт, смерть близких и лишения не прошли для нас стороной, все это вошло в сердце, высеяло в нем то, из чего вотом пробилась ростки характера. Но, может быть, больше всего повлияло тогда на наши незрелые души это упорное, даже будничное соседство фронтовиков. Сама вчерашняя война сидела рядом с нами на студенческой скамье. Они, студенты-фронтовики, были для нас живейшей легендой... Мы постигали через них то, что никакая лекция дать не в силах, — формулы мужества.

В одном из кинофильмов ветеран «Авроры» говорит внуку: «Вот ты со мной на «ты», а я ведь, брат, — эпоха!»

Мы были на «ты» с нашими старшими товарищами-однокурсниками, списывали друг у друга конспекты, брали взаимно до кучей стипендии, хлебали вместе жидкие супы в столовке... А не всегда понимали, что мы на «ты»-то — с эпохой! И только теперь, десятки лет спустя, приходит постижение того, что в нас перелилась частица, пусть самая малая, их духа...

В книге народных судеб победителям не случайно отведена особенная роль — чтобы насладиться торжеством справедливости, чтобы вкусить от плодов победы и мира, принести счастье встречи в родные дома, чтобы сохранить святое — память о невернувшихся. Но, может быть, особый смысл их ВОЗВРАЩЕНИЯ в том, что не прерывается нить живой народной Памяти, чтобы от плеча к плечу, из глаз в глаза, от дыхания в дыхание передавали новому поколению те дрожжи, что служат вызреванию его Духа, Достоинства, Силы, Самосознания! От одних книжек, даже очень умных, душа плодоносить не будет...

...Прошли годы. Сажены в студенческом сквере стали большими деревьями. Студенты-фронтовики стали учителями, учеными, журналистами, писателями. Имена многих известных теперь не только однокашникам. Радостно, что все они, как говорится, «в седле», живут и трудятся в полную меру накала и напряженности. Они — всегдашние бойцы боевого охранения. И даже те из них, кто уже ушел из жизни, остаются среди живых.

Работаю я подсобником по третьему разряду, слесарю заодно, иногда, где потребуется, за сварку берусь, а неделю стоял за верхового — он ногу ушиб, не мог наверху работать. Все идет нормально, потому что в бригаде хорошие ребята, где что не знаю — покажут, не умею — научат. Правда, Терехов совсем не дает передышку, гоняет за технику безопасности (один раз без каски увидел — что было!), но все равно ничего, потому что работают так все. Да и грех не работать, если заработок мой стал во много больше, чем получал на старом месте.

А пригласил меня на буровую сам Терехов. Спасибо ему. Пришел в выходной ко мне на водокачку, показывай, говорит, документы. Ну, я то да се, трудовая книжка, говорю, у меня не в порядке, а он все равно — давай. Посмотрел и говорит: «За что схлопотал?» Я и рассказал все, как тебе тогда. Ну ладно, говорит, увольняйся и приходи ко мне. Приму с испытательным сроком. Только запомни, говорит, чуть что — выгоним с треском и еще одну статью впишем. Я запомнил, работаю, как надо...

Пока я с буровой не выезжаю, живу в вагончике, но Виктор Павлович обещал к зиме общежитие, а может быть, и комнату. Говорит, все будет зависеть от меня...

А «шкипер»-то тот, старик-то-изменник, утопился... Привязал к шее какую-то железяку — и бултых с причала! Все видели и никто не полез за ним. Там ведь знаешь какая глубина, суда причаливают! Туда ему и дорога, клепать-колотить!

...В общем, живу я сейчас хорошо, хоть и устаю здорово. Главное, душа, совесть чистая стала. Как будто штукатурка какая с меня слетела. Слепня слепней был... Жене написал письмо, извинился перед ней. Должна ведь, наверно, простить, дурака, все же муж ей и дочка у нас. Вот о дочке думаю каждый день... С последней полочки отправил подарок — шубку меховую, жене тоже кое-что.

А Катьку больше не видел. Знаю только, что она уехала в пионерлагерь в Крым. Их много уехало, и Виктора Павловича сын в той же группе. Сам он не пошел в отпуск, потому что в нашей бригаде наступает самая ответственная работа. Очень осторожно проходим последние метры, вот вот ударит фонтан. Уже был выброс конденсата, а это значит — нефть рядом...»

Вот и конец моей северной повести, истории одной командировки. И возликовала напоследок моя душа, когда Георгий Поздняков, подсобный буровой рабочий третьего разряда, как и Терехов, с полной мерой ответственности и сознанием причастности к коллективу, сказал: «Наша бригада!»

Снимок А. Лыськова

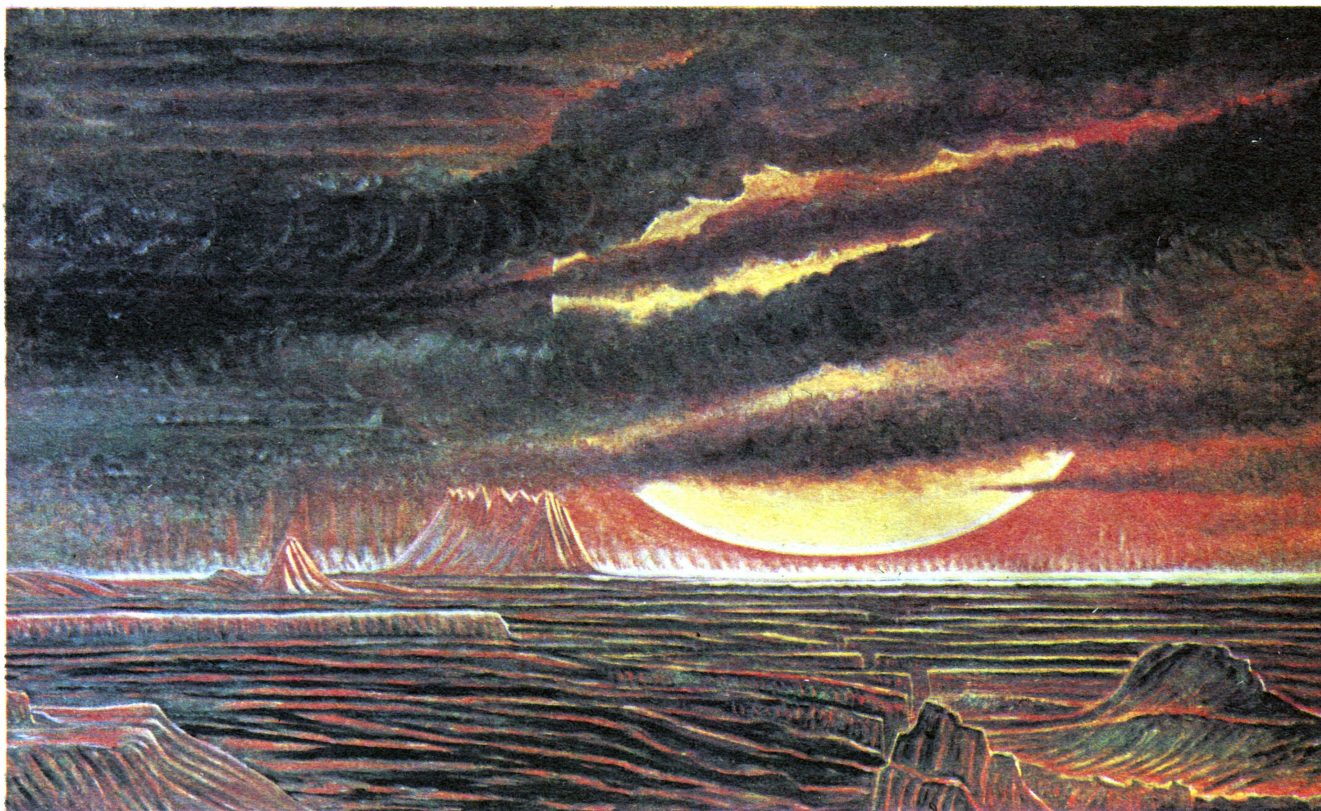
ДЕРЕВЬЯ СКВЕРА ПОСАЖЕНЫ
ДЕВУШКАМИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЧЕСТЬ
ВЕРНУВШИХСЯ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ
УЧЕБЫ СТУДЕНТОВ - ФРОНТОВИКОВ

ВОСХОД НА ПЛАНЕТЕ ЗЕЛЕНОГО СОЛНЦА

ВЕНЕРА

САТУРН

...Неизведанный новый мир, космическая терра инкогнита! Все тайны этого мира — еще при нем, еще не открылись пылливому уму посланца Земли. Пока лишь внешний облик, лишь самое броское и характерное уловил взгляд первопроходца в этот первый момент близкого знакомства с иной планетой. Впрочем, и первые наблюдения не замедлили уже отложиться в тренированной и жадной на впечатления памяти любознательного землянина...

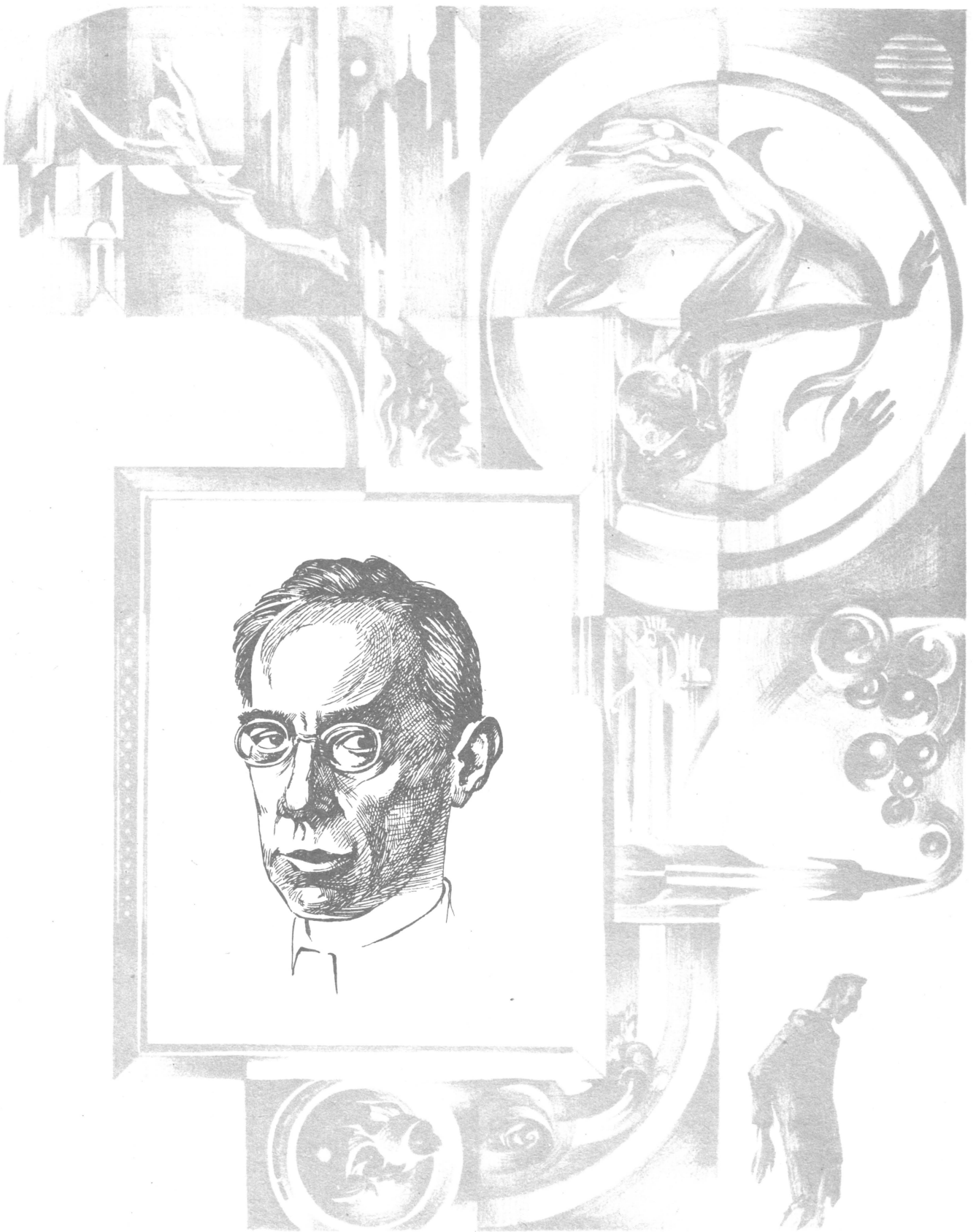
Примерно так можно определить содержание новых космических пейзажей Георгия Курнина.

Вот — Сатурн. Невооруженным глазом космонавт увиден он с избитой кратерами поверхности одного из спутников планеты-гиганта... Но — стоп! В переливчатых его кольцах мы еще разберемся, как разберемся и в замысловатом беге крохотных рядом с ним других его лун; присмотримся-ка в первую очередь к этим странным космическим аппаратам явно не земного происхождения: неужели же, наконец-то, — они, долгожданные братья по Разуму?!...

А вот — Венера... Плотные слои тяжелых испарений, закрывающие лик Утренней звезды земного неба, все-таки не в состоянии, быть может, устоять перед более мощным, чем на Земле, натиском солнечных лучей? И, быть может, взору наблюдателя, оказавшегося в малогостеприимном этом мире, все-таки вдруг предстанет в разрывах гнетуще мрачных туч неправдоподобно разросшийся диск родного светила... и блики его, оживляя первозданную дикость пейзажа, побегут по зыбкой свинцовой поверхности озер, в которых вместо воды — расплавленные металлы?!

А вот... Лучи восходящего зеленого (а почему бы и нет?) солнца широким веером стремительно брызнули из-за гряды скал, мгновенно искромсав исколотую искрами звезд черноту ночного неба. Лишь очень мощный озоновый слой, однако ж, способен защитить от жгучих этих лучей скудную растительность унылых оазисов неведомого мира...

О творчестве Г. Курнина «Уральский следопыт» рассказывал в апрельском номере 1979 года.

ВОСТОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Светлана
БЕЛЯЕВА

16 марта исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Романовича Беляева — писателя, с именем которого тесно связано становление советской фантастики.

В 1925 году во «Всемирном следопыте» был напечатан первый его рассказ — «Голова профессора Доуэля». Первоначальный вариант едва ли не самого знаменитого ныне его романа. А в 1941 году, перед самой войной, в издательстве «Советский писатель» вышла последняя при жизни Беляева книга — роман «Ариэль».

Между этими двумя датами уместилось шестнадцать лет пессимизма, надежд, удач, разочарований... Шестнадцать лет — и десятки рассказов, повести, пьесы, сценарии, наконец, семнадцать романов!..

Кто же он, первопроходец советской фантастики?

О творчестве Беляева давно уже создана обширная литература. Очерки и статьи в журналах и критических сборниках. Предисловия и послесловия к его книгам. Специальные главы в обзорных работах о советской фантастике. Наконец, целиком ему посвященная книга Б. Ляпунова «Александр Беляев» (1967)...

Однако литература эта, в разной степени интересно и обстоятельно разбирая достоинства и недостатки произведений Беляева, почти ничего не сообщает о самом писателе — каков же он был, как жил, как работал над своими книгами? Биографические сведения о нем до сих пор довольно-таки скудны и вдобавок рассеяны по труднодоступным газетным публикациям, широкому же читателю известны, пожалуй, лишь по очерку О. Орлова в заключительной книге беляевского восьмитомника, изданного «Молодой гвардией» в 1963—1964 годах.

Публикуемые нами фрагменты из воспоминаний Светланы Александровны Беляевой, дочери писателя, дополняют представление о нем многими новыми деталями.

Отца я помню хорошо, но время, прожитое рядом с ним, было очень коротким: он умер, когда мне шел тринадцатый год. Его взрослые дела меня тогда не интересовали, зато я очень любила слушать рассказы о его детстве и юности. Многие годы его жизни так и остались для меня тайной. Однако я все-таки попытаюсь рассказать о нем — хотя бы то, что сохранила моя память и что рассказывала мне о нем моя мама, Маргарита Константиновна Беляева.

Родился отец 16 (по старому стилю 4) марта 1884 года в Смоленске, в семье священника. Всего у Беляевых было трое детей: Василий, Александр и Нина. Но Вася, будучи студентом ветеринарного института, утонул, катаясь на лодке, а Нина в возрасте девяти или десяти лет умерла от саркомы печени.

В доме Беляевых царил атмосфера набожности. Всегда было полно каких-то бедных родственников и богомолок. Однако отец мой с детства не испытывал перед богом ни благоговения, ни страха. Правда, в церковь он, как и положено, ходил, но вместо того, чтобы молиться, разглядывал иконы, прищуривая при этом то один, то другой глаз, отчего свет от свечей преломлялся, превращаясь в северное сияние. Практикуясь так однажды, отец об-

наружил, что видит глазами не одинаково. Дело в том, что, когда ему было лет десять-двенадцать, он качался на качелях. Раскачавшись, попытался описать дугу, но сорвался и упал лицом вниз, сильно ударив глаз, отчего тот распух и совсем заплыл. Перепуганная мать велела позвать врача. Пришел местный эскулап и безапелляционно заявил: «Глаз необходимо зашить!»

— Не дам! — вконец испугалась Надежда Васильевна. И не дала. Благодаря этому глаз отца был сохранен. Однако падение не прошло даром, и отец стал видеть ушибленным глазом значительно хуже, вследствие чего ему пришлось носить очки. В связи с этим мне вспомнился смешной случай, о котором рассказывал отец. Как-то он ехал в трамвае. По дороге купил газету и хотел ее прочесть, но очки для чтения забыл дома. Он мог обходиться и без них, но для этого ему надо было снять очки для дали и приблизить газету к самым глазам, что он и сделал. Увидев это, кто-то из пассажиров насмешливо заметил:

— Очки-то, видать, для форсу носит, а как читать, так снимает!

Объяснять отец не стал, только посмеялся в душе над незадачливым насмешником.

В семье Беляевых считалось

грехом произносить слово «черт». О тех, кто его употреблял, говорили, что он черным словом ругается. Но отец питал с детства к чертям непонятную симпатию. Часто его поругивали за то, что он ногой качает.

— Не качай нечистого, — бывало, скажет строго няня.

Саша переставал, но стояло всем уйти, как он принимался за то же занятие.

— Пусть покачается, — думал он, глядя на ногу и стараясь представить себе маленького симпатичного чертика.

Его детский мир был полон всяческих чудес и фантазий. Всюду ему виделось что-то необыкновенное, сказочное. Как-то он проснулся среди ночи и вдруг увидел, что из глубины комнаты на него движется привидение. Ему стало страшно, но, несмотря на страх, хотелось звать, что будет дальше. Затаив дыхание, Саша ждал. Но привидение остановилось и застыло. Саша стал приглядываться к нему, однако уже не видел ни скелета, ни черепа, которые ему сначала привиделись. Движимый любопытством, преодолевая страх, он вылез из постели и медленно пошел навстречу привидению. Шаг, еще шаг. Был момент, когда нестерпимо хотелось дать стрекача, но он, стуча зубами, все ж таки двигался вперед, пока не

ударился лбом о привидение. Боль отрезвила его, и он сразу все понял. Вечером их купали, и мать, вытерев детей, бросила банную простыню на дверь. Луна, заглядывавшая в окно, частично осветила простыню, а кот, пожелавший проведать детскую, приоткрыл дверь, отчего «привидение» стало двигаться.

Будучи уже школьником, отец любил заходить в один магазинчик, где за двугривенный можно было приобрести любую вещь. Здесь была всякая мелочь. Однажды Саша купил в этом магазине маленький цветной фонарик и устроил следующее: забравшись днем на высокое дерево, росшее в их саду, он перекинул через сук шпагат, к концу которого привязал фонарик. А вечером, когда на улице стемнело, зажег в фонарике свечу и подтянул его вверх. В то время на улице собирались старушки. Посидят, соседней посудят, о божьих делах поговорят, о погоде. Подошел Саша к ним и ждет, что будет. Вскорости, как он и ожидал, кто-то заметил подвешенный им фонарик, но принял его за новоявленную звезду. И пошли тут разговоры...

— Родился кто-то,— сказала одна старушка.

— Должно быть, святой,— заметила другая и перекрестилась.

— Ишь, как горит! — подтвердил кто-то восхищенно.

Стали вспоминать всякие знамения, предшествовавшие великим событиям. Кресты, круги на небе, явления святых. А фонарик, тем временем, вертится на ветру и мигает то синим огоньком, то красным, то зеленым. На улице собрался народ, и все на необычную звезду смотрят. Послушал Саша разговоры, а потом и говорит:

— Никто это не родился и не звезда это! Просто я фонарик на дерево повесил.

Сначала никто ему не поверил. А когда убедились, что он прав, разочаровались. Жаль было с чудом расставаться.

С Сашей охотно играли все ребята, но у него была и своя компания. Свои секреты и игры. Как-то попросился к ним новичок.

— Мы подумаем,— ответил ему Саша.

Мальчик с нетерпением ждал ответа. На третий день Саша сказал:

— Ты хотел вступить в наше рыцарское общество?

— Да,— ответил мальчик несколько удивленно.

— А ты храбрый?

— Храбрый,— неуверенно ответил тот.

— Тогда мы будем посвящать тебя по всем правилам.

— А как это? — с тревогой в голосе спросил мальчик.

— Узнаешь.

— А когда вы меня примете?

— Мы дадим тебе знать.

Через несколько дней один из ребят таинственно шепнул ему на перемене:

— Завтра в девять вечера у церкви.

Было непонятно, обрадовался мальчик или испугался. Он даже не ответил. Когда он пришел на назначенное место, его ждали только двое.

— А где остальные? — спросил он, робея от предчувствия чего-то таинственного и даже страшного.

— Мы с ними встретимся,— ответил один из мальчишек и спросил другого шепотом: — Ну что, пора?

Второй помолчал, к чему-то прислушиваясь, потом сказал:

— Пора!

И, вынув из кармана черный платок, завязал им глаза кандидату в рыцари. После этого ребята взяли его за обе руки и повели. Чтобы пагнать на него побольше страху, пошли через кладбище, стояли у памятника, где дали ему подержаться за крест и поугали загробными голосами, а потом привели на то же место, откуда ушли. Проскользнув в дверь, которая вела на колокольню, поднялись на несколько ступеней и наконец сняли с его глаз повязку. Взгляду его представилось странное зрелище. На повороте лестницы, ведущей на колокольню, стояла высокая, но страшно худая фигура в белом. На голове у нее было что-то вроде чалмы, в руках узкий и длинный меч. От фигуры исходило зеленое сияние и по временам сыпались искры. У бедного мальчика даже зубы от страха застучали. Ему показалось, что из-за плечей этого великана вот-вот появится какое-нибудь страшилище и утащит его невесть куда.

— Сын мой,— произнес великан громким зловещим шепотом, от которого по спине забегали мурашки. — Готов ли ты стать членом нашего общества?

— Готов,— с сомнением в голосе ответил мальчишка.

— Тогда преклони колени и повторай за мной клятву,— проговорил великан.

Дрожащие ноги повиновались с легкостью.

— Клянусь всеми чистыми и нечистыми силами... — заговорил великан неожиданно громким голосом, растягивая слова.

— Чистыми и нечистыми силами,— повторил кто-то невидимый, словно эхо.

Великан поднял свой меч и протянул к будущему рыцарю, но меч не достал его. И тогда произошло чудо — верхняя часть великана ста-

ла спускаться вниз, тогда как край одежды и пара башмаков оставались на том же месте. Продолжая произносить слова клятвы, великан коснулся концом меча головы посвящаемого, но тот вместо того, чтобы повторять за ним клятву, заплакал:

— К маааме хочуюу!

Посвящение не состоялось. Снова завязав ему глаза, жалея, что так получилось, раздосадованные ребята торопливо повели его к дому.

Как и все мальчишки, Саша увлекался приключенческой литературой. Начитавшись таких книг, он жаждал сам что-то открывать, с кем-то бороться, кого-то спасать. Но в городе, где он жил, никаких тайн не было. Приходилось их искать.

Уже учеником старшего класса Саша вдруг заинтересовался старой заколоченной церковью. Церковь была еще крепкая и могла бы служить по назначению, но была почему-то закрыта. На ее дверях красовался большой висячий замок. Паперть поросла травой, на колокольне жили голуби, в разбитых окнах свистел ветер, и от этого церковь казалась особенно таинственной и привлекательной. Фантазия Саши разыгралась, и он решил проникнуть внутрь, уговорив на это верных друзей. Сперва они попытались сделать это естественным путем, через дверь, но замок оказался слишком крепким, а выламывать петли не хотелось. Тогда решили пролезть через узкое оконце, до которого можно было добраться с крыши примыкавшего крыла.

Достав надежную веревку, ребята приступили к делу. Первым, как всегда, двинулся Саша. С трудом протиснувшись в узкое оконце, он стал спускаться в таинственный полумрак. Когда до пола оставалось около двух метров, нацупал ногами конец веревки. Подняться вверх без тренировки было трудно. Осталось одно — прыгать, что он и сделал, упав со страшным грохотом на груды каких-то ящиков, к счастью, ничего себе не повредив. Испуганные шумом голуби поднялись со своих мест и закружились под куполом. Потом наступила тишина. Пахло ладаном, сыростью и мышами. Со стен строго смотрели темные лики святых. Ничего сколько-нибудь интересного и тем более таинственного не было.

— Саша, ты где? — закричали в один голос испуганные товарищи.

Церковь наполнилась гулом.

— Здесь!

— Свалился, что ли?

— Да. Веревка кончилась!

— Что делать будем?

— Не знаю.

— Ты не горюй, мы тебе будем еду носить!

Такое обещание почему-то не утешало. Хотелось на волю.

— Давайте ломать замок! Слезайте.

Замолкли голоса, и Саша остался один. Стало немного не по себе. Вот забудут о нем, и он будет сидеть здесь до тех пор, пока сам не сумеет выбраться. Представив себе, как бы он тут спал на твердых ящиках, Саша передернул плечами. Приключения он любил, но спать предпочитал в мягкой кровати.

Подойдя к дверям, он увидел, что петли под замок прибиты изнутри. Спассти себя он сможет только сам... В детстве он носил высокие сапоги, за голенищем которых всегда лежал нож. Теперь тот пригодился. С его помощью Саша сломал запор и вышел на свободу.

Через несколько дней в местной газете была напечатана заметка о том, что какие-то хулиганы взломали церковные двери. По всей вероятности, предполагала газета, это было сделано с целью ограбления. Ребята посмеялись, но в своей причастности не признались.

У Сашиного дяди, Николая Петровича, — тоже, кстати, священника — была пара лошадей. Приезжая к нему в гости, Саша любил кататься верхом. Но зрелище это было довольно страшное. Вскочив на неоседланную лошадь, он несся, прищипывая ее, во весь опор. Не раз падал с лошади и разбивался до крови, но это его не останавливало. Потерев ушибленное место, он снова забирался на лошадь, и скачки продолжались. И вообще — стоило Саше появиться у родных, как все в доме переворачивалось вверх дном. Двоюродные братья и сестры охотно подчинялись ему. Начинались представления, концерты. А уж о святках и говорить не приходится — чего только он не вытворял!

По воле отца и по семейной традиции Сашу отдали учиться в духовную семинарию, которую он закончил в 1901 году. Роман Петрович надеялся, что сын пойдет по его стопам и впоследствии займет его место. Но Саша и думать об этом не хотел. Вопреки желанию отца он поступил в Демидовский лицей в Ярославле, решив стать юристом. Но вскоре Роман Петрович умер. Оставшись без средств к существованию и не имея возможности платить за учение в лицее, отец был вынужден зарабатывать. Он не гнушался никакой работы. Давал уроки, рисовал декорации для театра, играл на скрипке в оркестре цирка.

Был у отца верный друг Коля. Он за Сашей готов был хоть на край света, даже на юридический пошел за компанию, хотя обладал незау-

рядными способностями к музыке.

Приехав как-то на каникулы, Саша решил снова заняться поисками кладов. Не помню точно, в самом ли Смоленске или где-то за городом находился старый монастырь. Монахов там давно не было, кроме одного, который так и остался жить при монастыре. По кельям гулял ветер, церковь не работала. Существовала давнишняя легенда о том, что много лет назад монахи вынуждены были оставить монастырь и перед уходом замуровали в стене клад, за которым надеялись вернуться. Шли годы, а за кладом никто не приходил. Только время от времени появлялись кладоискатели, но уходили ни с чем. Саше давно не терпелось побывать в монастыре, да все не удавалось. Теперь решение было принято, оставалось действовать. Коля, как верный Санчо Панса, был рядом. Придя в монастырь, они повстречали монаха. Тот был совсем стар и сутул, только глаза блестели по-лодому. Юноши поздоровались с ним и, не зная, что сказать, замолчали.

— За кладом пришли? — догадался монах. — Ищите. Клад есть. Только никому не удавалось его взять.

— Не нашли? — спросил Саша.

— Находить-то, может, и находили, да взять не взяли, — проговорил загадочно старик. И пояснил: — С каждым, кто искал, несчастье случалось...

Издавав почти весь монастырь и простучав много метров стены, друзья не заметили ничего необычного и, лишь спустившись в подземелье, обратили внимание, что часть внутренней стены имеет массу небольших углублений. На полу валялись куски выбитых из стены кирпичей. Обследовав эту стену, друзья предположили, что за ней находится пустота.

— Здесь был ход, — авторитетно заявил Саша. — Не иначе, как клад замурован именно в этом помещении.

— Что будем делать? — осведомился Коля.

— Долобить, — ответил Саша. Кроме ножа, у них ничего не было. Но Сашу это не смутило. Рассудив, что первый камень вынимать значительно труднее последующих, он решил начать в том месте, где уже были вынуты несколько кирпичей. Несмотря на старания, работа подвигалась очень медленно. Известка была настолько плотной и твердой, что невозможно было найти щели, чтобы всунуть хотя бы кончик ножа. Пот катился по лицу, но Саша все долбил и долбил.

— Дай-ка, теперь я попробую, — предложил Коля.

Саша отошел, но ненадолго. Ему все казалось, что у Коли ниче-

го не получается, и, немного отдохнув, он вновь сам принялся за работу. В тот момент, когда ему стало казаться, что он никогда не одолеет этот кирпич, Коля закричал:

— Качается, качается!

Все произошло так быстро, что Саша не успел убрать руку, и кирпич, сорвавшись со своего места, свалился ему на палец.

— Вот видишь! — воскликнул испуганно Коля. — Не зря же он говорил!

— Пустяки, — заметил Саша, перевязывая ушибленный палец носовым платком. — Это случайность. — Затянув зубами узел, предложил: — Давай теперь ты.

Но Колю невозможно было уговорить. Сам же Саша не мог больше работать — палец оцух и болел. Вздохнув с сожалением, он произнес:

— Ничего, когда-нибудь я сюда еще вернусь!

Но выполнить свое обещание он не смог.

С самого детства отец любил театр. Часто под его руководством устраивались домашние спектакли. Отец был и драматургом, и режиссером, и артистом. Перевоплощался он молниеносно. И роли играл любые, даже женские. Смоленск в те времена был невелик, и скоро весь город знал о театре Беляева. Постепенно домашний театр стал кочевать. Играли то у одних знакомых, то у других. А потом пытались гастролировать в других городах. В те времена не требовалось особых разрешений на выступления. Каждый, кто хотел, мог арендовать помещение и ставить свой спектакль. Успех не всегда сопутствовал труппе, театр прогорал, и артистам не хватало денег даже на обратный путь. Домой возвращались по шпалам железной дороги. Но деньги не были самоцелью. Главное было играть. И друзья вновь и вновь отправлялись на гастроли.

Однажды в город приехала столичная труппа, руководил которой Станиславский. Отец не пропускал ни одного спектакля. И вдруг один из ведущих актеров охрип. Заменил его оказалось неким, и на афишах появилось объявление: по болезни актера спектакль отменяется. Приезд столичных артистов был не таким уж частым явлением, и все театралы были чрезвычайно огорчены случившимся. Поговаривали, что труппа собирается покинуть Смоленск. Отец был этим опечален не меньше других. И вот однажды вечером, когда отца не было дома, к ним зашел высокий худощавый мужчина в пенсне и сказал, что хочет видеть Александра Романовича. Хотя отец был в ту пору уже взрослым, у матери привычно екнуло сердце. «А не натворил ли чего

Саша?» — подумала она. Отца нашли. Он провел посетителя к себе в комнату и долго с ним разговаривал. После его ухода сообщил матери, что это был Станиславский и что он просил его заменить заболевшего артиста. Дня через два он уже будет играть в спектакле. Мать даже руками всплеснула. Мыслимое ли дело играть в труппе со столькими актерами! Попробовала отговорить сына, но он только смеялся.

— Не бойся, все будет хорошо.

— А когда же ты роль выучишь?!

— Выучу!

Спектакль прошел блестяще. Смоляне горячо встретили своего земляка и долго аплодировали ему. После этого отец сыграл еще в нескольких спектаклях, пока труппа не закончила свои гастроли и не отбыла в столицу. Станиславский предлагал отцу остаться в его труппе, но тот почему-то отказался.

Из истории своего пребывания в театре отец рассказывал мне несколько любопытных случаев. Вот один из них. Отец играл императора. После пушечного выстрела на сцену должны были ворваться мятежники и свергнуть его. Но время шло, а выстрела не было. Вдруг отец услышал голос из-за сцены:

— Выходи!

— Не выйду, выстрела не было.

— Выстрела не будет, шнур оборвали.

— Не могу, не велено.

Пауза затянулась. Зрители начали проявлять нетерпение. Надо было что-то предпринять. Поднявшись с трона, император начал прохаживаться по сцене. Проходя мимо кулис, он попробовал, в свою очередь, вызвать артистов, но те упорно ожидали выстрела. Чтобы спасти положение, отец на мгновение зашел за кулисы и насильно вытолкнул своих врагов на сцену. Потом, пятясь, стал обороняться. Очутившись на виду у зрителей, артисты вынуждены были играть. Император был свергнут, но публика ему аплодировала.

Отец был увлекающейся натурой. Все хотел испытать, всему научиться. Но до конца довести начатое у него не всегда хватало терпения. Занимался он и фотографией. Только обычные снимки его не удовлетворяли. Хотелось сделать что-то из ряда вон выходящее. Однажды он задумал снять человеческую голову, лежащую на блюде. Но как это осуществить? Выпилить дыру в крышке большого ящика не стоило особого труда, но как быть с блюдом? Его не расширить, не разрезать. И все-таки отец решил попытаться. Помощниками его замысла были два товарища. Много блюд они перепортили напрасно, пока не удалось отломить такой кусок, чтобы в блю-

до можно было всунуть шею. И вот все готово. Один из друзей залезает в ящик, накрытый простыней, и просовывает голову в дыру. На шею ему надевают блюдо. Саша берет нож и вилку и, как бы собираясь воткнуть их в голову, делает зверское лицо, а голова закатывает глаза и высовывает язык. Коля фотографирует. Отпечаток этой фотографии был сделан на синей бумаге, отчего казался еще более жутким.

Вспоминаются мне два забавных случая, о которых рассказывал отец. Возвращался он как-то вечером с друзьями из гостей. Небо было в тучах. Луна на миг освещала дорогу и вновь пряталась. Фонари светили тускло, почти не давая света. И вдруг из темноты выпрыгнуло несколько дюжих парней, которые потребовали выложить кошельки. Силы были явно неравными. Грабителей оказалось вдвое больше, к тому же на их стороне было и физическое превосходство. Друзья остановились в нерешительности, не зная, что предпринять. Пока кое-кто подумывал о бегстве, Александр вышел вперед с вытянутой рукой, в которой у него был зажат пистолет, и двинулся на бандитов. Шел он не спеша, в полном молчании шаг за шагом приближаясь к грабителям. Те дрогнули, понятились, потом бросились врассыпную. Когда они скрылись в темноте, друзья разом заговорили. Они были удивлены самообладанием Александра и тем, что у него оказалось при себе оружие. Узнав правду, поразились еще больше. Дело в том, что никакого пистолета у отца не было, а бандитов он напугал надетой на указательный палец черной перчаткой. Остальную ее часть он держал в кулаке. Будь на улице светлее, его обман был бы замечен, но в такой темноте перчатка вполне сошла за пистолет.

Другой случай был с собакой. Шли как-то целой компанией, весело разговаривая. И тут на мостике, через который им надо было перейти, появилась огромная, свирепого вида собака. Замерла посередине, зло заворчала и насторожилась, словно готовая прыгнуть. Все остановились. Идти ей навстречу никто не решался. Обходить вокруг было далеко. Кто-то крикнул на нее, замахал руками, но она озлилась еще больше. Пролаяла басом, сделала несколько шагов вперед и снова замерла. Все стояли в замешательстве. И тут Саша, сложив на груди руки и устремив взгляд на собаку, медленно двинулся вперед. Собака заворчала, но не бросилась, а начала пятиться. Еще и еще, пока не сошла с мостика, после чего повернулась и потрусилась куда-то

по своим делам. Победитель был награжден аплодисментами и криками «ура». В следующий раз Саша попытался применить этот же метод к маленькой собачонке, которая так же не давала им пройти, но ничего не получилось. Слишком она была вертлява и никак не смотрела в глаза, все норовила схватить за ногу. Как ни обидно было, но перед ней пришлось капитулировать.

Закончив Демидовский лицей, отец получил должность присяжного поверенного в городе Смоленске. Скоро он стал известен как юрист, у него появилась постоянная клиентура. Отец смог снять хорошую квартиру, обставить ее. Увлекаясь искусством, он приобрел коллекцию картин известных художников, собрал неплохую библиотеку. Закончив какое-нибудь большое дело, отправлялся путешествовать за границу. Неоднократно бывал во Франции. Ездил в Италию. Поднимался на Везувий и даже заглядывал в кратер вулкана. О Венеции рассказывал восторженно и в то же время с грустью. Говорил, что первое впечатление было прекрасным. Красивый сказочный город, залитый солнцем. Живописные каналы с отражающимися в них зданиями, медленно плывущие гондолы. Окраины же города, где жила беднота, наводили уныние. В узкие улицы-каналы почти не проникало солнце. Дома со следами плесени, запах цвелои воды и нечистот, выливаемых в каналы. Лишенные солнца, бледные рахитичные дети...

Друзья любили собираться у отца. Они часто устраивали концерты. Отец играл на рояле и на скрипке, декламировал. Он всегда был душой общества, и люди тянулись к нему. Но была у него одна слабость — любил менять квартиры. Стоило ему узнать, что где-то освободилась хорошая квартира, как он спешил занять ее. Случалось, что друзья, придя к Александру Романовичу, не заставали его на старом месте и вынуждены были искать его по всему городу.

Между тем незаметно подкралась беда. Отец заболел плевритом, и ему сделала прокол, но очень неудачно: результатом оказался паралич ног. Врачи Смоленска не могли поставить диагноз. Отец объездил несколько городов и, наконец, попал в Ялту, где у него признали туберкулез позвоночника и уложили в гипс. По словам папного друга Николая Павловича Высоцкого, процесс протекал так тяжело, что врачи даже не надеялись спасти его. В Ялту отец приехал вместе с матерью и старой прислугой Фимой, прожившей у Беляевых больше двадцати лет. Поселились они

на Борятинской улице в одном доме с соученицей маминою брата Лева Олей Мейнандер. Лева помогал девушке по математике, а она ему по французскому языку. Оля много рассказывала о больном соседе-юристе, который лежит в гипсе. Александру Романовичу в то время было тридцать пять лет. Несмотря на тяжелую болезнь, он был интересным собеседником. Увлекательно рассказывал о своих путешествиях, о театре, который не переставал любить.

Как-то в училище решили поставить пьесу, и Лева с товарищами зашел к Александру Романовичу с просьбой помочь им в постановке спектакля. Тот с удовольствием согласился. С тех пор Лева стал часто бывать у Александра Романовича и каждый раз, возвращаясь домой, с восторгом рассказывал о прошедшей встрече. Как-то он сообщил, что Александр Романович хочет познакомиться с его сестрой. Магнущеские (это девичья фамилия моей мамы) жили на той же улице, только выше. Мама работала в городской библиотеке. От брата она знала, что Александр Романович сотрудничает в ялтинской газете, и подумала, что могла бы снабжать его книгами. Как-то в воскресенье она пришла к Беляевым. Они занимали квартиру из одной темной комнаты с облупившимися от сырости стенами, так как дом примыкал задней стеной к горе. Вход был через веранду, небольшая часть которой была отгорожена для кухни.

«Меня встретила высокая худая женщина в черном платье,— рассказывала мама о первой встрече с отцом.— Это была Надежда Васильевна, мать Александра Романовича. На веранде стоял топчан, на котором лежал полный, загорелый молодой мужчина, совсем не похожий на тяжелобольного. Я услышала его глухой голос. Через очки на меня смотрели внимательные черные глаза. Большой открытый лоб обрамляли черные, очень мягкие волосы. Я принесла каталог и предложила снабжать Александра Романовича книгами...»

Нашлись друзья, которые устроили отца в больницу Красного Креста. Здесь он лежал в светлой сухой палате один. В то время трудно было купить бумагу и карандаши. Друзья, навещая его, приносили огрызки карандашей, листки бумаги, старые конторские книги. Александр Романович писал много стихов, некоторые из них посвящал няням. Одно стихотворение, написанное в те годы,— с грустными, как сама жизнь большого, словами,— называлось «Звезда мерцает за окном». Через несколько лет отец положил его на музыку...

Вскорости мама надолго уехала

с родителями из Ялты. Когда они вернулись, Надежды Васильевны уже не было в живых, а Александр Романович работал воспитателем в детском доме в нескольких километрах от Ялты. Мамин брат оформился на работу в милицию, начальником уголовного розыска, а мама регистратором-дактилоскопистом.

Как-то мамин брат, навестив Александра Романовича, заявил: «Александра Романовича надо спасти! Он будет жить у нас, а на работу я устрою его к себе в милицию». Вся забота была теперь в том, как доставить Александра Романовича в Ялту. Чтобы нанять извозчика, не было средств. Надо было добираться пешком. Об этом путешествии мама рассказывала:

«К Александру Романовичу я пришла с вечера. А рано утром, как только встало солнце, мы тихо вышли за калитку и зашагали по шоссейной дороге в Ялту. Имущество у Александра Романовича было невелико: небольшой чемоданчик да гипсовая кровать. Все это пришлось нести мне, так как Александр Романович ничего носить не мог из-за большой спины. По дороге мы несколько раз останавливались. Александр Романович ложился на траву, отдыхал. Потом я забирала багаж, и мы двинулись дальше. Шли медленно. Наконец дошли до Ялты, но надо было еще пройти почти весь город, чтобы добраться до дома. Дорога шла в гору, а отдыхать было уже нигде. Но мой спутник не жаловался, он стойко переносил это испытание. Вот, наконец, и наш дом. Нас давно ожидали мои родные. Мы приняли Александра Романовича в свою семью, отдав ему одну из наших комнат...»

С помощью дяди Александр Романович устроился на должность инспектора уголовного розыска. Ему выдали спецодежду — черное бобриковое пальто. На службе он, как и все работники милиции, получал обед и хлеб.

В уголовном розыске под руководством Александра Романовича была организована фотолаборатория, и он стал по совместительству еще и фотографом. Мама помогала проявлять и печатать снимки. Впрочем, Александр Романович не долго работал в розыске: перешел в библиотеку.

В 1922 году, перед рождественским постом, мои родители обвенчались. А на следующий год отец из каких-то соображений решил попытать счастья в Харькове. Он пошел на пристань узнать расписание пароходов и случайно встретил старую знакомую, которую знал еще девочкой. Нина Яковлевна Филиппова узнала Александра Романовича и остановила его. Разговорились. Отец рассказал ей о своих планах. Нина Яковлевна предложи-

ла ему поехать в Москву, пообещав помощь в квартирных делах и в устройстве на работу. Отец принял предложение и вместе с Ниной Яковлевной покинул Ялту, временно оставив маму у родителей.

В сентябре перебралась в Москву и мама.

Пятнадцатого марта следующего, 1924 года родилась моя старшая сестра Людмила. Забот у мамы прибавилось. Ей трудно было справляться одной с ребенком и домашними делами, и она вызвала из Крыма свою мать.

Отец работал в то время в Наркомпочтеле юрисконсультком. В свободное время занимался литературой. Издали его небольшую книжницу «Спутник писмоносца». В газете «Гудок» стал печататься с продолжением его первый рассказ «Голова профессора Доуэля». Тема рассказа зародилась у Александра Романовича в тяжелое время, когда он лежал в гипсе с параличом ног. Положение было почти такое же, как у головы профессора Доуэля: вокруг были знакомые предметы, книги, но он не мог до них дотянуться, достать.

Отец предложил маме шуточный договор — перепечатать этот рассказ для журнала «Всемирный следопыт» с условием, что если рассказ будет напечатан, мама получит пятьдесят процентов гонорара, если же его не примут, то она вообще ничего не получит. При этом он сказал, что на такие условия согласится не каждая машинистка. Мама согласилась. К этому времени родители купили старую пишущую машинку «Ремингтон». Такие машинки вряд ли кто теперь помнит. У нее был закрытый шрифт, и чтобы проверить написанное, необходимо было каждый раз поднимать каретку. Отец научил маму печатать. Сначала она печатала очень медленно, и на эту работу у нее ушло очень много времени. Но трудилась она не напрасно, рассказ был принят. С тех пор мама стала постоянной машинисткой у отца.

Жизнь налаживалась. Купили рояль. Отец часто приобретал ноты. Мама в молодости училась петь, и теперь по вечерам они занимались музицированием. Стали чаще посещать театры и музеи. С отцом было интересно бывать в музеях. Отделившись от экскурсии, они ходили от картины к картине, и отец рассказывал маме о каждом произведении.

В молодости отец любил одеваться модно, даже цегольски. Это можно заключить, глядя на его фотографии тех лет: красивый, хорошо сидящий костюм, крахмальная с высоким воротником рубашка, элегантная шляпа и тросточка. Эта фотография была как-то помещена в смоленской газете рядом с замет-

кой об отце, но по недоразумению прокомментировали ее так: А. Р. Беляев в роли.

Годы болезней и лишений сделали отца нетребовательным. Да и обстоятельства были таковы, что о моде как-то не думалось. Отца не смущало, что он в одном и том же костюме ходит на работу, носит его дома, а когда удавалось достать билеты в театр, идет в нем же. Не замечал он и того, как одета мама. Однажды они попали в Большой театр. Места были хорошие, в первых рядах партера. Мама с удовольствием слушала музыку, как вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, увидела, что на нее с удивлением смотрит женщина, сидящая рядом. Вернее, не на нее, а на ее платье. Сама она была в вечернем туалете, и более чем скромный мамин вид так шокировал ее, что она даже не могла смотреть на сцену. Так и просидела весь спектакль, меряя маму взглядом с ног до головы. Отец был поглощен музыкой и ничего не заметил. А мама, робея от пристального взгляда, не могла дожидаться конца спектакля. После этого она сказала отцу, что ей надо купить себе что-то на выход. Посмотрев на маму и словно в первый раз увидев ее платье, он сказал: — Ну, конечно, пойд и купи себе что-нибудь!

Как-то Александр Романович прочел в одной из газет о судебном процессе, проходившем в Бузнос-Айресе. Судили профессора Сальватора, который с согласия родителей проводил экспериментальные операции на детях индейцев — делал, например, более подвижными суставы рук и ног. Сальватора осудили на десять лет, обвинив его в том, что он искажает образ божий. Эта заметка натолкнула отца на мысль написать роман «Человек-амфибия». Позже одна из его знакомых очень хотела узнать от самого писателя о дальнейшей судьбе Ихтиандра. И отец специально для нее придумал такой конец: Ихтиандр добрался до старого друга профессора Сальватора. Там Ихтиандр встретил такую же, как он, девушку, они поженились, и у них родились дети-амфибии.

В декабре 1928 года родители обменяли московскую жилплощадь на квартиру в Ленинграде.

Александр Романович больше не служил, а занимался только литературой, продолжая сотрудничать и в московских издательствах. Теперь у отца был большой уютный кабинет. В нем стояла шведская конторка, удобное кресло с откидной спинкой, большой плюшевый диван, рояль и полки с книгами и журналами.

19 июля 1929 года у моих родителей появилась вторая дочь, это

была я. Папа назвал меня своим вторым изданием, а старшую первым.

Отец писал только по утрам. По вечерам, а иногда и днем садился за рояль. Иногда, чтобы усыпить меня, мама клала на рояль подушку, а на подушку меня. Отец играл что-нибудь спокойное, и я засыпала.

Но недолго длилось благополучие. Отец заболел воспалением легких, и доктор посоветовал ему покинуть Ленинград. Николай Павлович Высоцкий давно переманивал отца в Киев. Жизнь в Киеве была намного дешевле, а главное, там был климат, подходящий для всей нашей семьи. Однако в Киеве мы прожили лишь два года. Все было бы хорошо, но оказалось, что издательства принимают рукописи только на украинском языке. Отец не прерывал связи с издательствами Москвы и Ленинграда, однако дальность расстояния неизбежно сказывалась на его литературных делах, а значит, и на бюджете семьи. После того, как, заболев менингитом, в возрасте шести лет умерла моя сестра, а сам Александр Романович из-за обострения спондилита несколько долгих месяцев снова пролежал в гипсе, было решено: мы возвращаемся в Ленинград.

По причине своей болезни отец подолгу нигде не бывал. Ни в кино, ни в гостях. Но к нему приходило много интересных людей. Однажды, например, появился у нас пожилой, очень симпатичный человек по фамилии Томсон. Он принес с собой большую папку с листами ватмана, на которых были зарисовки зорь, выполненные акварелью. Часа два мои родители рассматривали его рисунки. Ни одна зоря не походила на другую. Томсон рассказывал, что по соседству с ним есть дом с башней, удобной для наблюдения и зарисовок. Он получил разрешение пользоваться этой башней. Там у него всегда находились наготове краски, кисти, листы ватмана. Увидев необыкновенный закат, он забывал обо всем и тотчас бежал к башне, спеша сделать набросок. Отец прозвал Томсона «Человек, влюбленный в зори».

Мама рассказывала мне, что когда отец обдумывал новое произведение, то бывал очень рассеян. Знакомые обижались на него за то, что он не узнает их при встрече на улице. Отец отвечал на это шуточно: «Я был увлечен собой». Иной раз, собираясь куда-нибудь с мамой, он проходил мимо нее и захлопывал дверь перед ее носом. Когда мама, провозившись с замком и заныхавшись, догоняла его, он, случалось, с удивлением ее спрашивал: «Где ты была?».

Но вот новое произведение обдумано. На листе бумаги записаны

действующие лица: отец никогда не помнил имен своих героев. Сигналом к началу работы была его фраза: «Ну, пиши, карадаш!» Зачастую отец диктовал маме без черновика, делая это так, словно перед ним лежал готовый текст. После окончания всей работы отец проверял рукопись. Серьезных переделок, как правило, не было. Он говорил, что если будет переделывать, то получится хуже.

Из всех художников, иллюстрировавших произведения отца, он любил и уважал Фитингофа, который умел читать вдумчиво, был высококультурным и эрудированным человеком, благодаря чему хорошо знал стили эпох и никогда не допускал ляпсусов. Был у отца такой случай. В романе «Последний человек из Атлантиды» старая кормилица говорит своей воспитаннице, собирающейся на свидание, чтобы она приколола к груди розу, а художник изобразил ее с обнаженной грудью. Срочно надо было принять какие-то меры: либо вычеркнуть розу из рукописи, либо художнику одеть девушку. Сталкивался отец и с такими художниками, которым приходилось долго разъяснять, что от них требуется, и даже делать самому наброски.

Самыми любимыми произведениями моей мамы были романы отца «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля» и «Человек, нашедший свое лицо». Вначале был написан рассказ под названием «Человек, потерявший лицо». В нем говорилось о киноактере-комике, решившем избавиться от своего уродства. Когда он вернулся красавцем, студия не приняла его, и он лишился работы. Прочитав этот рассказ, редактор воскликнул: «Ну и нафантазировали же вы, Александр Романович!». И отложил рукопись в «долгий ящик». Но однажды в газете появилась любопытная заметка под названием «Ваш нос — наш нос», в которой говорилось о каком-то заграничном актере, пожелавшем было сделать пластическую операцию: киностудия заявила, что если он это сделает, с ним расторгнут договор. После этой заметки рассказ отца был напечатан.

От каждого выпущенного издания издательство выдавало отцу пятнадцать авторских экземпляров. Первый экземпляр получала мама, как всегда — с автографом. Второй экземпляр был неприкосновенным. На нем отец писал: «Автору от автора». Третий предназначался читателям. Остальные книги раздавались друзьям и знакомым.

Летом 1938 года из Ленинграда, где жили на Петроградской стороне, мы переехали в город Пушкин. Там мы поселились на улице 1 Мая, в доме 21, во дворе кинотеатра «Авангард». Квартира состояла из

пяти небольших комнат и вместительной кухни. В одной из комнат жил отец, в другой — самой маленькой — помещалась библиотека. Все ее стены были закрыты стеллажами. Много книг находилось и в комнате отца. В основном это были словари и энциклопедии. У отца была, например, полная энциклопедия Брокгауза и Ефрона в 82 томах, в зеленых кожаных переплетках с золотым тиснением.

Писал отец очень много. В голове у него всегда было столько идей, что если бы он мог, как герой его рассказов профессор Вагнер, не спать, он бы, наверное, писал и по ночам. Творческих мук, по всей вероятности, он не испытывал или же искусно скрывал, поскольку к тем, кто вымучивает каждую строчку, относятся с сожалением и юмором. Помню, отец рассказывал, как однажды, находясь в Доме творчества, пришел вечером в номер и услышал, как за стеной кто-то ходит взад и вперед. Стоит и опять ходит. И будто стонет или тяжело вздыхает. Отец решил, что у соседа болят зубы, и искренне посочувствовал ему. На второй и на третий день повторилось то же самое.

— И что же он не вырвет его? — подумал отец с удивлением.

Не помню, на который день отец не выдержал и решил справиться о своем соседе у горничной. Та ответила с почтением в голосе:

— Писатель он. Сочиняет.

Окончив рассказ, отец заметил: — А сочинять-то, оказывается, трудно!

В детстве я не задумывалась над тем, как отец пишет. И только став взрослой, поняла и оценила его труд. Костный туберкулез позвоночника не раз приковывал его к постели. Месяцами он видел перед собой только стены своей комнаты! От одного этого можно было впасть в уныние. А отец сумел сохранить внутреннюю энергию, живость, интерес ко всему окружающему, работоспособность. Писал он ежедневно, по несколько часов в день. И только когда умудрялся простыть и схватить насморк, он делал себе выходной, заявляя при этом: больной заболел.

В нашей семье все любили животных. Я не помню такого периода, чтобы у нас никто не жил. Когда мы жили на Петроградской стороне, у нас был ручной чиж. Были белые крысы. Была собака. Не помню, чтобы мне внушали, что животных нельзя мучить. Просто, видя отношение родителей к животным, я принимала это за норму. Никогда не боялась и не пищала при виде лягушек или мышей. Не боялась брать их в руки. Как-то в палиной комнате завелся мышонок, о чем папа и сообщил мне. По его словам, мышонок выходил на середину ком-

наты, поводил усами, нюхая воздух, садился на задние лапки и начинал приводить себя в порядок. Узнав о мышонке, бабушка хотела сейчас же поставить мышеловку, но мы с папой уговорили ее не делать этого. Папа предложил мне принести маленькое блюдечко с молоком и кусочки булочки, которые я разложила у стенки и, затаив дыхание, принялась ждать появления мышонка. Не помню, сколько раз я так высидывала, но наконец мое терпение было вознаграждено — я увидела, как мышонок выбрался из норы, как принялся за угощение.

В тридцатые годы папа приобрел первый четырехламповый приемник. Для него это было большой радостью, так как отец был полностью отрезан от мира. Правда, он получал много газет и журналов, но разве это могло сравниться с живым человеческим голосом? С возможностью при повороте тумблера перенестись в «неведомые» страны? Это доставляло отцу огромное удовольствие, а маму частенько выводило из себя, так как его блуждания в эфире наполняли квартиру свистом, треском и грохотом. Уже тогда отец мечтал о телевизоре. Но не о таком, какие стоят сейчас в каждой квартире, а об аппарате, который можно было бы настроить на любое расстояние и увидеть с его помощью любой уголок земли. Именно это желание он воплотил в романе «Чудесный глаз».

Перед самой войной отец стал подниматься с постели. Иногда даже на улицу выходил. В эти дни он и на скрипке играл. Рояля у нас тогда уже не было, продали при переезде из Киева. По рассказам мамы, специального музыкального образования отец не получил, но на скрипке играл без нот, по памяти такие сложные произведения, что я только удивлялась. Несмотря на болезнь, а может быть, именно из-за нее, у отца был строгий режим дня.

Утром мама приносила отцу ацидофильную простоквашу. В девять часов он поднимался. В половине десятого завтракал. Если он хорошо себя чувствовал, то приходил к нам в столовую, где его ждала я. Мама с бабушкой к этому времени уже позавтракали, а я сидела всегда долго, пересидывая всех, ела плохо. Как говорила моя бабушка, еда росла у меня во рту. Отец ел быстро, обжигаясь горячим кофе. Мама ругала его за это, но напрасно. Привычка пить горячее выработалась у отца, когда он служил призывным поверенным и ему приходилось усевать поест в перерыв, за десять-пятнадцать минут.

Если его старая болезнь обострялась, ему становилось трудно сидеть, мама приносила ему завтрак в постель, где он съедал его, не вставая. В десять часов отец при-

мался за работу: писал очередной рассказ или роман, статью или письмо. Иногда он печатал сам, но чаще всего диктовал маме. Работал до часу дня. Тогда у него был второй завтрак. Лишенный возможности двигаться, ел не по-мужски, небольшими порциями. Не ел жирного. После второго завтрака отдыхал — спал часа полтора. После чего вновь принимался за работу. Когда мы жили в Пушкине, обедали ровно в четыре часа. А в Ленинграде по-городскому, в шесть. После обеда отец никогда не писал. Он говорил, что стоит ему начать и он не сможет остановиться и будет писать всю ночь. Поэтому послеобеденное время уходило на чтение газет и журналов. В восемь часов вечера у нас был вечерний чай, после которого отец занимался со мной. Исключением были только дни его болезни или приход гостей. Иногда я и днем забегала к нему, но видя, что он занят, убегала. Я хорошо усвоила с самого раннего детства: когда отец работает, ему нельзя мешать. Но это не значит, что во время его работы мне не разрешали разговаривать или бегать по квартире — это отцу не мешало. Просто двери его комнаты были закрыты, и это было законным табу.

Несмотря на солидный возраст, отец не утратил способности жить детскими интересами. В основном, мы общались по вечерам. Это время принадлежало мне. Иногда мы во что-нибудь играли, но чаще всего отец читал вслух. Порою послушать приходили мама и бабушка. Обе занимались каким-нибудь рукоделием. Бабушка чинила. Мама вышивала. В то время были модны вышитые вещи. И дома было уютнее от белых чехлов на диване и на креслах, от вышитых подушек и занавесей. Больше всего я любила слушать страшные истории. Читал отец классически, как настоящий артист. Каждый герой имел у него свой голос, интонацию, произношение. Все это создавало иллюзию, будто читает не один человек, а несколько. Помню, когда мама принималась мне читать, я сердилась и просила ее читать так, как отец. Но мама не умела, а я не верила ей и обижалась. И только позже поняла, что читать так, как читал отец, могут только хорошие артисты.

Чаще всего отец читал «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Читал он, лежа на своем жестком топчане, — на мягком ему нельзя было лежать из-за большого позвоночника. А я заберусь за его спину, вцеплюсь в плечо и слушаю, затаив дыхание. А потом, возвращаясь к себе в комнату, боюсь зайти в темноту. Сперва руку из-за двери протяну, свет включу, а уж потом вхожу. Лягу в постель, накроюсь с головой одеялом, и кажется мне, что

сейчас кто-то страшный придет и вытаскивает меня из постели. Жарко мне, душно, вспотею вся, а раскритыться боюсь. А на следующий день опять прошу отца почитать что-нибудь страшное.

Мой отец был таким фантазером, что теперь, вспоминая его рассказы, я начинаю сомневаться в их правдивости. Как-то отец рассказывал мне о дарвиновском «Происхождении видов». И как бы продолжая высказывания Дарвина, сообщил, что люди, произошедшие от обезьян, некоторое время были еще хвостатыми. Однако хвосты их почему-то не сгибались и для того, что сесть на землю, им приходилось делать в земле дырку, в которую можно было бы всунуть негнущийся хвост. В эту «гипотезу» я верила довольно долго, так как у меня и мысли не возникало, что это фантазия отца.

Посетителей у отца бывало много — писатели, ученые, молодые начинающие авторы, студенты и школьники. С каждым из них он находил контакт и интересующую обе стороны тему. Многие из них привозили или присылали по почте, на суд отца, свои произведения. А один раз какой-то студент прислал отцу несколько тем для фантастических рассказов, прося за них плату. Отец ответил ему, что в темах недостатка не испытывает. Наоборот, мог бы даже поделиться с кем-нибудь. Ввиду этого и денег не выслал.

Не знаю, как сейчас среди детей, а в моем детстве был период, когда мы все говорили на «иностранных» языках. Делалось это просто. Надо было разделить слово на слоги, а затем к каждому слогу спереди или сзади прибавлять несколько букв. Получалось так: накаа накаах накаау накаалять. У других эта фраза звучала так: ярун хорун чурун гурун лятырун. Если говорить быстро, несведущий ничего не понимал. И это было очень забавно. Когда я рассказала об этом отцу, он сказал, что есть еще более интересный «язык», в котором прибавлять ничего не надо, достаточно просто переставить слоги. Например: комар — марко, хочу — чухо и т. д. А если слово не понять, надо его быстро повторить несколько раз, и все станет понятным. Мне этот «язык» очень понравился. Я его быстро освоила и научила подружку. Только странное дело, говорить мы могли, а друг друга почему-то не понимали.

Перед войной, году в сороковом, к отцу приходили ученики из пушкинской саншкола. Они решили поставить спектакль по роману «Голова профессора Доуэля» и хотели посоветоваться с отцом. Отец заинтересовался и попросил ребят показать ему несколько отрывков

из спектакля. Игру их принял горячо, тут же подавая советы. Показывал, как надо сыграть тот или иной кусок. На спектакль мы были приглашены всей семьей, но поехали только вдвоем с мамой. Саншкола была от нас довольно далеко, автобусы в то время не ходили, а пешком отец идти не мог. За давностью лет мне трудно судить о достоинствах спектакля, но тогда я была в восторге. Мы с мамой очень жалели, что отец не смог его посмотреть.

Мне очень хотелось, чтобы отец написал о нас, ребятах. О моих сверстниках, знакомых по двору. Отец пообещал мне, что напишет о наших приключениях. О том, как мы попали в таинственные пещеры, и многое-многое другое. Думаю, что ему было бы и самому интересно написать о приключениях, которым так и не суждено было сбыться в его детстве. К сожалению, своего замысла отец не успел осуществить, помешала война. Но о ребятах он много думал и писал для них. Когда мы жили в Пушкине, он предложил проект «Парка чудес», отзыв о котором был написан Любовью Константиновной Циолковской и опубликован в газете в 1939 году.

Сделал как-то отец для младших ребят интересное лото. Рисовал сам. В собранном виде это был круг, на котором были нарисованы различные звери. Половина зверя на одной карточке, половина на другой. Но самое интересное было в том, что если вы подставляли чужую половину, она легко совпадала с любой другой половиной, отчего получались невиданные звери. Это было даже интереснее, чем собирать по правилам. Например, у ко- та мог вырасти петушинный хвост, а у крокодила хвост загибался пособачьи и был пушистым. Бегемот был наполовину тигром, а наполовину крокодилом, и так далее. Отец предложил свое лото для издания, но его почему-то не приняли, а через некоторое время появилось подобное лото в продаже, но было оно значительно хуже, так как половинки совпадали только по принадлежности.

Сколько я помню отца, я никогда не видела в его руках пилы, молотка или другого мужского инструмента. Да это и понятно, человеку с туберкулезом позвоночника такая работа не по силам. Но зато идей у него всегда был непочатый край, хотя на осуществление их почти никогда не хватало терпения. Несколько предметов он, однако, сделал. Таков был, например, макет комнаты с мебелью и камином. В камине горел огонь — зажигалась от батарейки маленькая лампочка. А перед камином в кресле сидела старуха. Ее поза, безвольно лежащие на подлокотниках кресла руки

выражали глубокую задумчивость и отрешенность. Лицо было покрыто морщинами. Старуха была вылеп-лена из пластилина, но казалось, она вот-вот поднимет голову, зашевелится. Другим изделием был удивительный фонарь. Корпус его был сделан из белого картона, стекла заменяла обычная карандашная калыка, на которой отец написал масляными красками несколько птиц. Когда фонарь зажигали, казалось, что он из фарфора или матового стекла. По вечерам прохожие, увидев в окне фонарь, останавливались полюбоваться.

Однажды он смастерил проекционный фонарь для просмотра открыток. В его устройстве было несколько зеркал, трубка из картона и вставленное в нее увеличительное стекло. Фонарь ставился прямо на настольную лампу, включался свет. В прорезь фонаря вставлялась открытка, проекция которой можно было видеть на стене. Аппарат был примитивный, но работал исправно.

Когда началась война, Союз писателей предложил отцу вместе с семьей эвакуироваться, но отец был еще так слаб после недавней операции, что отказался. Если бы он мог предвидеть, что немцы так скоро возьмут Пушкин, то, наверное, все ж таки решил бы ехать. Но у него даже мысли такой не возникало, он все повторял, что немцев не допустят к Ленинграду.

Между тем фашисты заняли Пушкин. Начались тяжелые дни. В городе был объявлен комендантский час. После 4-х часов вечера нельзя было появляться на улице. На углу, почти против наших окон, стоял столб со стрелкой «Переход». На этом столбе фашисты вешали «провинившихся» жителей, созывая прохожих посмотреть на «возмездие»...

Наши продовольственные запасы понемногу истощались, и мы начали голодать.

Отец стал сдавать первый, он все с большим трудом передвигался. В конце декабря 1941 года он слег, а шестого января скончался.

Похоронили его на Казанском кладбище. В настоящее время на могиле отца стоит белый обелиск с надписью: «Беляев Александр Романович». Ниже изображена раскрытая книга, на листах которой написано: «Писатель-фантаст». И лежит гусиное перо...

За шестнадцать лет Александром Беляевым была создана целая библиотека. Ее открывали книги, рисовавшие печальную участь талантливого изобретателя в мире всеобщей купли-продажи. Знаменитейшие из них — «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия»...

В конце двадцатых годов в произведениях Беляева широко зазвучала тема противоборства двух социальных систем. «Борьба в эфире», «Властелин мира», «Продавец воздуха», «Золотая гора»... Даже вооруженные новейшими достижениями науки, послышавшие капитализма терпят неизбежный крах в этих произведениях, оказываются бессильны перед лицом торжествующего нового мира, на знамени которого объединились серп и молот.

А в тридцатых годах — с самого их начала — Беляев ставит главной своей задачей показать завтрашний день нашей страны. Его герои создают подводные дома и фермы. («Подводные земледельцы»), возрождают к жизни бесплодные прежде пустыни («Земля горит»), осваивают суровую северную тундру («Под небом Арктики»), работают над продлением человеческой жизни («Лаборатория Дубльвэ»), осуществляя идеи К. Э. Циолковского, увлеченно трудятся на внеземной станции («Звезда КЭЦ»)...

Писатель внимательно всматривается в окружающую его новую жизнь. Отнюдь не только поиски новых конфликтных ситуаций движут им при этом, нет, он не сторонний наблюдатель, он словом своим, многочисленными своими статьями, очерками и рассказами стремится внести посильный вклад в общее дело социалистической перестройки страны. Остро чувствуя потребности времени, он призывает людей в науку, страстно пропагандирует ее достижения и возможности, не боясь показаться наивным, если в рассказе о преобразовании бывшей окраины герои как чудесную новинку воспринимают добычу электроэнергии способом, уже в те годы хорошо известным, отнюдь не фантастическим...

Публикуемые нами рассказы относятся именно к этому периоду творчества писателя. Первый из них был напечатан в 1929 году ленинградским журналом «Вокруг света», второй — журналом «Революция и природа» в 1931 году.

**Александр
БЕЛЯЕВ**

Рисунки
Е. Стерлиговой

В ТРУБЕ

— Пять часов. Пора кончать! Ты слышишь, Давыдов?

— Сейчас. Что? Что ты сказал? Иди, Коля, иди домой. Я немного задержусь. Да нам и не по пути... — Давыдов вновь склонился над своей моделью.

Николай Семенов, хитро улыбаясь, уселся возле своего токарного станка.

— А ты чего не идешь? — спросил Давыдов.

— Я тоже решил задержаться и окончить работу.

Давыдов нахмурился, но ничего не ответил. Они как будто хотели пересидеть друг друга.

Евгений Давыдов и Николай Семенов были студенты-практиканты, работавшие в аэродинамической лаборатории. Между ними шло жестокое соревнование. Каждый из них старался превзойти другого. Со всем пылом юности они старались разрешить задачу, над которой ломали себе головы и седовласые ученые: найти такую форму тела, которая давала бы наименьшее сопротивление воздуху. Иначе говоря, они хотели разрешить задачу о «наилучшем обтекании тела воздухом». Перед этой сложнейшей задачей была бессильна даже «королева наук» — высшая математика, и на помощь теории приходила практика, опыт. Целый корпус лаборатории был

отведен для этих опытов, которые производились в огромной аэродинамической трубе. Здесь помещались кубы, шары, пирамиды, цилиндры и другие бесконечно разнообразные искривленные тела, которым даже трудно подыскать название. Труба имела широкое входное отверстие, затем несколько суживалась, но опять постепенно расширялась по направлению к выходному отверстию. Там находился огромный вентилятор, закрывавший во время работы почти все отверстие и приводимый в движение мотором. Диаметр трубы равнялся шести метрам в самой узкой части, а длина была равна семидесяти пяти метрам. Внутренняя поверхность трубы была гладко отшлифована, как ствол ружья.

Модели крыльев, пропеллеров и других аэропланов частей подвешивались на особых весах посередине трубы. Мастерская, где работали Давыдов и Семенов, была рядом с корпусом трубы. Там мотор уже не гудел.

Рабочие, техники и инженеры разошлись. В мастерской оставались только Семенов и Давыдов.

— Ты здесь ночевать собираешься? — спросил Семенов.

— Да! — ответил Давыдов. — А ты, наверно, хочешь пересидеть меня, чтобы раньше меня закончить свою модель!

— Она уже готова! — торжественно ответил Семенов. — А ты свою «акулу» окончил?

— Не совсем, — ответил Давыдов.

Не один Семенов посмеивался над его «аку-

лой. История ее такова. Давыдов жадно читал, искал, присматривался ко всему, что касалось скорости передвижения живых и мертвых тел. Где-то он прочитал о том, что акула — одна из самых быстроходных рыб и что эта быстроходность объясняется не только устройством ее тела, но и тем, что на этом хорошо обтекаемом теле находятся особые бугорки. Казалось бы, эти бугорки должны задерживать движение акулы, но на самом деле они усиливают его. Они так устроены, что вода, обтекая их, как бы дает обратный толчок и подталкивает тело акулы вперед. Таким образом часть энергии, затраченная на преодоление водяной среды, как бы возвращается назад. Это сильно заинтересовало Давыдова, и он решил сделать модель акулы и испытать ее в аэродинамической трубе. Если опыт будет удачным, то форму акульего тела можно будет применить к корпусам быстроходных аэропланов, дирижаблей и в особенности подводных лодок.

Семеновская модель аэропланного корпуса была проще. Она напоминала яйцо, только заостренное и удлиненное с конца, — наиболее хорошо обтекаемая форма. Семенов не старался открыть «сверхскоростные формы», а удовлетворялся внесением только некоторых улучшений в уже достигнутое.

— Ну, я ухожу, — заявил Семенов. — Только имей в виду, что тебя отсюда выбросит сторож!

Давыдов недовольно крякнул, бросил работу и сказал:

— От тебя не отвяжешься! Идем, что ли! — И они вместе вышли из мастерской.

— Ты не домой? — удивился Семенов, видя, что Давыдов направляется через улицу.

— Нет, мне надо зайти... к одному приятелю! — Давыдов быстро зашагал и скрылся за углом. Там он замедлил шаги.

Улица, еще улица, мост, бульвар, переулок, тупик...

Куда это он зашел?.. Давыдов повернул и так же медленно пошел обратно. Было только семь часов вечера. Он посидел на бульваре, дождался, когда стемнеет, и направился к аэродинамической лаборатории. Она состояла из нескольких корпусов, обнесенных стеною. Около запертых ворот в будке жил сторож, но Давыдов не обратился к нему. Давыдов придумал штуку позанятней. Днем, во время работы, он оставил в мастерской одно окно открытым. Теперь он перелезет через каменную невысокую стену со стороны пустыря, проберется через окно в мастерскую, — оттуда дверь в корпус с трубой не запирается. Он вытащит свою готовую модель акулы и испробует ее в трубе. Если все удастся и акула не обманет его надежд, завтра он преподнесет Семенову сюрприз.

Давыдову пришлось повозиться, пока он влез на стену, а перепрыгнув, он ушиб ногу. Но это пустяки. Он влез через окно в пустую мастер-

скую, поднял на плечи свою двухметровую модель, перенес в соседний корпус и не без труда повесил акулу на весы мордой к выходу. Оставалось пустить вентилятор, который может создавать бешеную скорость воздушного потока в трубе — до четырехсот пятидесяти метров в секунду. Но Давыдову не нужна такая скорость. Он возьмет среднюю рабочую скорость в тридцать — сорок метров. Это тоже хорошенький ураган! В нескольких местах по бокам акулы Давыдов укрепил маленькие флюгера, чтобы видеть, как направляются воздушные течения.

— Так, все готово! — Давыдов пустил мотор, вентилятор с шумом завертелся. Давыдов не боялся, что его услышат, — корпус имел толстые стены, и снаружи не было слышно ни единого звука. Ему никто не помешает!

Давыдов подошел к входному отверстию трубы и смотрел сбоку на флюгера. Близко было опасно подходить, так как воздушная тяга была очень сильна. Если опустить специальную решетку, то можно подойти вплотную, но тогда не будет так хорошо видно. Понемногу Давыдов подвигался вперед и вбок, вступая все больше в струю воздуха. Так видней! Еще один осторожный шаг... Давыдов переступил на правую ногу, которую ушиб при скачке со стены, и оступился. Но он упал не на землю. Воздух толкнул его тело вперед, и Давыдов упал на гладкое жерло трубы. Занятное приключение! Он приподнялся, чтобы встать, но от этого движения сопротивление увеличилось. Воздух повалил его на гладкую поверхность трубы и протащил метра два. Теперь он находился недалеко от возвышения, — в том месте, где труба суживалась.

— Что за черт! — выругался Давыдов. Воздух с ужасным свистом и воем пролетал над его головой и ерошил его густые волосы. Давыдов стоял на четвереньках, уже не решаясь подняться.

— Надо будет осторожно дать задний ход, — говорил он вслух, чтобы подбодрить себя. Он немного волновался, но не видел ничего опасного в этом приключении. Завтра он сам будет смеяться, рассказывая Семенову. Воздушная струя не очень сильна, а он — парень дюжий. Вот сейчас он попробует!.. Давыдов приподнял одну руку и одну ногу. И в то же мгновение его тело скользнуло вперед. Давыдов пригнулся еще ниже. Теперь он почти лежал, и воздух не так сильно нажимал на его тело. Но не может же он лежать так до утра! И Давыдов попытался отползти назад, упираясь одними ладонями. Но ладони скользили по гладкой поверхности. Давыдов плюнул на одну ладонь, и в то же мгновение его тело подвинулось еще на один метр. Теперь он находился на бугре, за которым труба постепенно расширялась. Здесь ветер особенно неистовствовал. Давыдов не мог приподнять голову. Ему казалось, что он попал в ураган. Тело

его медленно сползло вниз... И когда оно окончательно переползло через возвышение, Давыдов впервые осознал весь ужас своего положения. Он не может, не в силах вернуться назад!.. Он медленно, но неуклонно подвигается вперед, а там, в конце трубы, сливаясь в блестящий круг, стремительно вращаются огромные лопасти вентилятора...

Когда его голова коснется вентилятора, она будет срезана начисто!..

У Давыдова вдруг стало горько во рту. Дыхание захватило, а ветер, дувший поверх спины, показался ему ледяным. И уже не только ветер, но и ужас поднял волосы на голове Давыдова... Что делать?.. Задом ему не вылезти из трубы. Попробовать повернуться? Но для этого надо будет поставить свое тело на некоторое время поперек трубы. Это намного увеличит сопротивление... Мотор стучит, ветер свищет, вентилятор гудит... или это в ушах гудит?.. Нет, это ветер несет... что за кошмар? Неужели ему придется здесь погибнуть? Проклятая акула!

Нет, нет! Он будет бороться, бороться до последнего мгновения!

Ведь это же нелепость! Погибнуть так глупо... А быть может, все это сон? Кошмар? Быть может, он давным-давно спит на своей кровати и все это видит во сне? Если бы так!

Еще несколько метров вперед...

...Попробую повернуться... Вот так! Эту руку сюда, поворот... О-о-о-о!..

Тело Давыдова сразу уносится ветром на десяток метров... Он вытягивается, опускает голову вниз. Если бы можно, он нырнул бы, чтобы укрыться от этого ровного вихря! Проклятый вихрь! Ему нет никакого дела до того, что он губит человека, быть может, ветер даже радуется. Впрочем, ему все равно. Ему приказано. Он — только раб...

Надо как можно крепче присосаться ладонями к поверхности трубы...

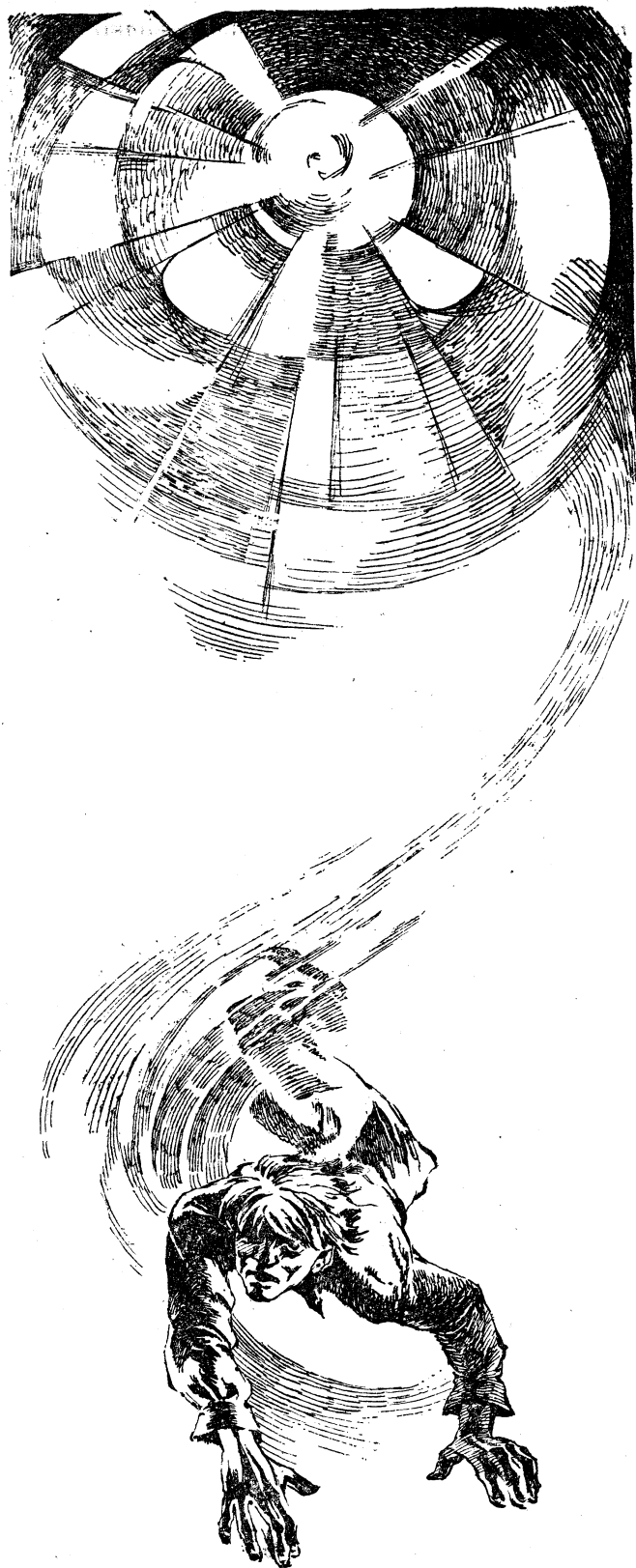
Вот так... может быть, губами?

И Давыдов присасывается ртом. Но и это не помогает. Он чувствует, как ползет под ним пол,— это его тело движется навстречу гибели... Сначала вентилятор размозжит его голову, как спелый арбуз, потом шею, грудь, и так все тело пройдет через вентилятор, как сквозь мясорубку.

Как это случилось? Как я попал?.. Не все ли равно!

Теперь конец... Половина трубы пройдена. В конце трубы ветер должен быть немного меньше, так как там труба расширяется... А что, если сразу подняться и побежать назад?.. Перехитрить ветер?.. Это было бы безумием. А вдруг? Почему не попробовать этого безумия?

Давыдов приподнимается, но ветер валит его, причем он больно ударяется лицом о трубу, и тело его быстро скользит вперед. Страшный вен-

тилятор приблизился еще на несколько метров. Нечеловеческими усилиями Давыдову удается задержаться.

Он не хочет умирать! Он еще так молод. Он почти совсем не жил. За что такая несправедливость?..

— Помогите! Помо-оги-ите-е-е!..— кричит Давыдов. Нет, никто не спасет его! Если бы сторож услышал шум мотора, то давно пришел бы посмотреть, почему мотор работает в неурочное время. Стены толсты. Ему ничто не помешает умереть. Как горят ладони! Он натер их до крови. И колени болят. Но что же делать? Это становится невыносимо! Или не бороться больше? Ускорить неизбежный конец? Подняться и бежать не назад, а вперед—навстречу смерти!.. Эти мысли сами приходят в голову, но это чужие мысли.

Давыдов еще крепче «присасывается» к железному полу трубы. Живой человек борется с бездушными силами. Кто победит? Кто победит?

Две трети трубы пройдены. Остается одна треть. Здесь ветер как будто чуть-чуть тише, но Давыдов не может ни на минуту отпустить ладони. Они—единственный его тормоз. Быть может, здесь удастся перевернуться?.. Что, если бы перекувырнуться? Окажешься лежащим на спине, а потом перевернуться на живот и ползти назад... Страшно!.. Но тогда, может быть, удастся вылезть из трубы?.. Раз, два, три...

Давыдов не сразу понял, что с ним случилось. Он перевернулся несколько раз в воздухе, упал, потом скользнул вперед, инстинктивно уперся ладонями в пол, остановился, открыл глаза и... что это?.. Мерцающий подвижной круг вентилятора находится совсем возле него!.. В одну секунду Давыдова пронесло метров двадцать пять... Смерть заглянула Давыдову в глаза. Он весь похолодел... На теле выступил холодный пот... Ему осталось жить всего несколько минут... Давыдов дышал тяжело и прерывисто, как будто не хватало воздуха, хотя воздуха было более чем достаточно. Он опустил голову и закрыл глаза... Он не хотел смотреть на вентилятор. От мелькания сверкающих лопастей у него кружилась голова. Он боялся, что потеряет сознание. Впрочем, может быть, это и лучше? Умереть не замечая...

Давыдов не знал, сколько прошло времени. Отрывочные мысли носились в его голове. Как странно! Труба. Ветер в трубе. Вентилятор. Мотор. В этом нет ничего страшного. Все это так привычно и обыденно.

Но вот в трубу попадает живой человек, и все изменяется: и труба, и ветер, и вентилятор, и мотор становятся смертельными врагами. Все грозит смертью... Акула—прекрасная идея... Акула провисит всю ночь. Завтра в лабораторию придут люди,—первым Семенов, и они найдут акулу, рассекающую ветер своим идеально обте-

каемым телом, а за вентилятором—куски костей и мяса... Впрочем, быть может, вентилятор остановится?.. Застрянут кости... Едва ли! Лопастей его крепки... Как-то попали в вентилятор сорвавшиеся части шасси, и их сломало, как соломинки. А все-таки?.. Если повернуться ногами, то, может быть, ноги, кости ног заставят вентилятор остановиться? Лучше остаться без ног, чем без головы.

«Это даже смешно! Как долго я жив».

Давыдов чуть-чуть приоткрывает глаза и немного приподнимает голову. Он все еще лежит у самого вентилятора. Да, здесь воздушное течение слабее. Оно растекается по всей окружности...

Ладони не держат... Кажется, тело опять начинает медленно двигаться. Сантиметр за сантиметром... Вот, вот, вот!..

— А-а-а-а!..— кричит Давыдов и теряет сознание...

Так наступает смерть.

Но не всегда потеря сознания оканчивается смертью. Давыдов открыл глаза и с удивлением смотрел на акулу, висящую над ним.

— Пришел в себя?—спрашивает Семенов. Но откуда он взялся? И почему Давыдов жив? Ведь он попал под вентилятор. Давыдов ясно помнит, как его ударила по голове лопасть вентилятора, а потом наступила тишина,—тишина смерти.

— Почему?..—только мог спросить Давыдов.

— Да, вот именно почему?—отозвался Семенов.—Выпороть тебя надо!

Давыдов удивился. Он еще лежал в трубе, но ближе к входному отверстию, и тут же стоял Семенов, наклонившись над Давыдовым так спокойно, как будто был у своего станка. И его не сносило ветром,—и ветер, и труба, и вентилятор—все было обычное, не страшное, не смертельное. Почему?.. Мотор не работает, ветер не свистит, вентилятор не жужжит. Но это тишина не смерти, а жизни.

— Как ты попал сюда?—спросил Давыдов, приходя в себя.

— Очевидно, так же, как и ты. Ты хотел ночью испытать свою модель тайком от меня, а я хотел свою—тайно от тебя. Я вошел тем же путем, что и ты, услышал шум мотора и догадался, что ты опередил меня. Но я долго не мог найти тебя.

— Я кричал... Быть может, раньше?

— Ну да, и я искал, пока не догадался заглянуть в трубу. Я тотчас остановил мотор... А по голове тебя все-таки маленько задело. Ничего, до свадьбы заживет! Пожалуй, ты теперь возненавидишь свою акулу?

— Напротив, акула... великолепна, а я—тело, очень плохо обтекаемое. Будь у меня тело акулы, я легко выбрался бы из трубы.

ЗАОЧНЫЙ ИНЖЕНЕР

Сбежала одна река в Казахстане. Надо вам сказать, что эти азиатские реки шальные. Прямо, можно сказать, сумасшедшие. Где вчера была мель, сегодня на том месте омут. Текла река вправо, глядишь — повернула влево. В один день метров двадцать берега отгрызет вместе с киш-лаками. Шалит, одним словом. Есть и такие реки: невесть откуда начинается и невесть где пропадает. Не то высыхает, не то в песок зарывается — от солнца прячется, — и течет себе под песком никому неведомая. А люди по пескам ходят и умирают от жажды. За этими реками никакие карты не угонятся. На карте — одно, а на деле совсем другое. Хоть каждый день карту пере-черчивай.

Бывают и совсем курьезные истории. Течет себе река, орошает край, поит людей да животных, да травы степные, а потом вдруг как с цепи сорвется: в сторону ее кинуло. Прорыла река новое русло и с другой рекой соединилась, а та в озеро впадает. Так и пропала река. Сбежала. И край гибнет от безводья. Вот такую сбежавшую реку нам надо было ловить, — вернуть ее в старое русло. Интересная это штука, но только сейчас разговор будет не про сбежавшую реку. О том, как мы ее ловили, я как-нибудь в другой раз расскажу.

А начал я про реку потому, что свела она меня со старым знакомым — Мишкой Синицыным. Надо вам сказать, что Синицын был изобретатель. Но человек неустойчивый. Метало его из стороны в сторону, как среднеазиатскую реку. Кончил семилетку в Москве, поступил на трикотажную фабрику подносчиком шерсти. Потом попал во Всесоюзный электротехнический институт и что-то такое там изобрел. Упростил прикрепление неоновых ламп к цоколю, так кажется. Потом метнуло его на глассеры. Получил я от него письмо из Нижнего — участвовал в глассерном пробеге. Уверял, что и в глассер какое-то усовершенствование внес. А потом и совсем я его на время потерял. И вот привелось встретиться в Казахстане, недалеко от Балхаша, на медных рудниках Коунрада. Надо сказать, что недалеко от Коунрада и случилось это происшествие с рекой. А воды этой реки как раз рудник снабжали. До Балхаша дальше. На верблюдах воды не навозишь. Ехала нас целая компания реку ловить — все молодые гидротехники, и я в том числе. Подъезжаем на автомобилях к Коунраду вечером. За нами солнце садится. Перед нами уже рудник виднеется. И видим, на пригорке что-то светит ослепительно, как маяк.

Что бы это могло быть? Начали гадать. Один говорит: аэромаяк. Но зачем ему светить, когда еще солнце не зашло? Да при солнце свет маяка и не будет такой яркий. Другой говорит: это солнце от чего-то отражается. Словно от зеркала. Может быть, солнечную станцию установили? Их несколько в Казахстане и Туркмении строилось. Может быть, и так.

Подъезжаем ближе, видим, что «зеркало» имеет форму ромба. На блестящем фоне какая-то черная точка. Словно движется. «Солнечное пятно!» — шутит кто-то из нашей компании. «Мираж в пустыне!» — подхватывает другой. Истинно, мираж в пустыне!

— Да это человек на крыше лазит! — сказал мой сосед Трофимов. — А крыша-то горит, как купол Исаакия на заходе солнца.

— О, смотрите. Полетел! Упал! С крыши упал...

И в самом деле, «солнечное пятно» соскользнуло вниз и грохнулось на землю. А дом-то двухэтажный. Внизу люди зашевелились, шум, смех, голоса, крики слышатся. Подъезжаем мы.

— Что у вас тут случилось? — спрашиваю. — Давно ли золотые крыши на домах делать начали?

— Заочный инженер с крыши упал!

— Крыша-то не золотая, а медная! — слышу в ответ.

Какой еще такой заочный инженер? Смотрю на человека, который сидит на земле и колено трет. Возле него ведро и кисть валяются. Молодой человек, курносый такой. Морщится и улыбается. Да это Мишка!

— Мишка! — кричу. — Эй, Синицын! Здравствуй!

А он отвечает:

— Надо бы мне привязаться веревкой. Здравствуй, Коля!

Поднялся, поздоровался. Обернулся к молодым товарищам, что стояли возле него, и говорит:

— Ну, ребята, на сегодня представление окончено. Надо гостя встречать.

И опять ко мне:

— Идем, Коля. У меня остановишься.

Прихрамывая, он побрел вперед, а я со своим чемоданчиком за ним. Жил он в том же доме «с золотой крышей», только вход был с другой стороны.

Вошли мы в его небольшую комнату. Вся она была завалена всякой всячиной: на столах мотки проволоки, арматура электропроводки, тисочки, отвертки, ключи, молотки — инструмент разный. Посуда химическая, бумаги с чертежами, на стене — полки с книгами. Сразу видно, что изобретатель. Над маленьким письменным столом — радиорупор. На столе — общая тетрадь и карандаш. Пока мы помылись и Мишка зажег примус, чтобы чаем с дороги меня угостить, уже солнце

зашло. Стемнело. Из-под стола появилась лампа без абажура.

— Вот, полюбуйся,— сказал Мишка, зажигая лампу.— Приходится керосиновым освещением пользоваться. Это позор в наш век электрификации!

— Разве при руднике нет электростанции?

— Собираются строить,— ответил Мишка,— да не легкое это дело. Откуда здесь взять энергии? Местного топлива нет, а реки? Была поблизости одна, да и та сбежала. А если бы и не сбежала, толку от нее мало. Какой уклон падения воды в ней, знаешь?

— Одна десяти тысячная,— ответил я.

— Ну вот видишь. На километр десять сантиметров. Гидростанции не построишь. Ставить же электростанцию на угле — больно дорого энергия обойдется. Попробуй доставлять сюда. Разве что нефть найдут.

— Где тут нефть? — с сомнением сказал я.

— Ну, не скажи. У пустыни, брат ты мой, еще не мало загадок, разгадать которые на наш век хватит. Вот недавно мне приходилось слышать. Отправили скотоводы караван в Хиву по большой караванной дороге Ашхабад — Хива. По этой дороге сотни лет двигались караваны. Каждый кусочек изучен. А уж колодцы — и говорить нечего. Ведь здесь за каплей воды десятки километров не крюк. А вот нашли же заброшенный и полузанесенный песком колодец в зарослях кустарника. Начали рыть — вода черная. Все халаты в темных масляных брызгах. Не нефть ли? Зажгли пук сухой травы, бросили в колодец — как ужнет. Едва песком забросали. Нефть! Почему колодец? Почему нефть? Просочилась, быть может. Мюррек Телькиев — брат председателя аулсовета — сам в караване был, «огненный колодец» видел и может путь к нему показать. Мало ли таких находок и поблизости оказаться может? Но только время-то не ждет...

— Подождите, детки, дайте только срок. Будет вам и кукла, будет и свисток,— продекламировал Мишка, подкачивая примус.— Вот хотя бы и примус взять. Опять дичь. Первобытный, можно сказать, инструмент. Шумит, гудит и воздух портит. То ли дело электрочайник... Ты говоришь, солнечные установки. Читал я, что за границей придумали совершенно новый принцип. Представь себе у подножия горы нечто вроде большого парника. Солнце нагревает в парнике воздух. А из парника на гору проложена труба. Горячий воздух идет вверх, где холоднее. Поставь вверху турбину, которая вращалась бы от этой струи горячего воздуха. Вот тебе и готовая солнечноветроэлектростанция. Для такой штуки я знаю подходящее местечко: северные и северо-западные границы Голодной степи. Ведь степь эта — плоскогорье. С севера оно скатывается шестидесятиметровой багровой от выхода гранитных пород стеной. Вот где устроить этукую

машину. Я уже был там, посмотрел местечко и думаю заняться этим делом, как только покончу тут со своей медной крышей.

— Что это за крыша?

Мишка потер ушибленное колено.

— Здорово расшибся,— сказал он,— только виду не подавал. Опухло. Надо будет компресс сделать. А ты чай пей. Я еще успею.

И, занявшись своей ногой, он продолжал:

— У меня тоже, если хочешь, солнечная установка. Только иного рода. Непосредственное превращение солнечной энергии в электрическую. Фотоэлемент. Слыхал?

— Собственное изобретение? — спросил я.

Мишка пожал плечами и скромно ответил:

— Идея не моя. Слыхал я по радио речь товарища Иоффе. Академика. О новом плане электрификации. Шестидесят миллионов киловатт. Это не жук комара поймал! Чтобы такую силу собрать, надо отовсюду, где только можно, энергию черпать. Говорил он и о фотоэлементах. И еще говорил о том, что молодежь, комсомольцы в первую очередь, должна поднажать, чтобы такую задачу выполнить. Вот я и решил: чем я не молодежь? Чем не комсомолец? Почему не взяться за это дело не откладывая? Фото так фото. Элемент так элемент. Начал с литературой знакомиться, опыты делать. Ты знаешь, ведь я сам маленько изобретатель.

— Как же, знаю. Прости, Мишка, а почему тебя, когда ты упал, назвали заочным инженером?

— Так, шутят. В анкете я как-то написал, что имею высшее самообразование. Меня на смех подняли. Я говорю, что тут ничего смешного нет, что и самому можно высшие науки преодолеть и технику изучить. Я, мол, по радио целый курс электрофизики прослушал. Заочное обучение. Ну, кто-то и пустил: «Заочный инженер!» Только это они так смеются, без жала. Ребята любят меня и сами мне помогали. Ты только послушай, что тут с медной крышей было.

Занимался я, значит, опытами над фотоэлементами... Да ты, может быть, не знаешь, что такое фотоэлементы? Видишь ли, электропроводность некоторых металлов в соединении с другими химическими веществами повышается от действия света. Возьми железный лист и покрой его селеном. Вынеси его на солнечный свет — вот тебе и готовый элемент. Появится ток. Ученые давно это знали, только ток получался очень слабенький — в какие-нибудь тысячные доли процента от энергии солнца, света. Ну, а теперь это дело быстро в гору пошло. И уж теперь фотоэлементы маленькие моторы вращают. Думал я устроить такой элемент. Только с селеном дело плохо. Добывается он в небольшом количестве на Гавайских, Липарских островах. Туда не поехать. Не советские они еще пока что. После я уж узнал, что селен можно добыть из осадка в

свинцовых камерах при получении серной кислоты. Но по радио об этом мне вовремя не сказали. И остановился я на другом — на медном фотоэлементе. Лист должен быть из меди и покрыт окисью меди. Это все под рукой.

— И какая сила такого элемента?

— Подожди, будет речь и об этом. Начал я делать небольшие фотоэлементы. Долго ничего у меня не выходило. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Несколько ребят моей затеей заинтересовались. Приходили ко мне, вместе работали. И что же ты думаешь? В конце концов загорелась от моего элемента маленькая лампочка карманного фонаря. Ты себе и представить не можешь, какая у нас радость была. Словно мы первые электрическое освещение выдумали. Жгли эту лампочку, пока не перегорела. А другой не было. И достать скоро нельзя. Так. Ну, все-таки дело сделано. На мази, можно сказать.

Иду я к нашему директору завода — только что приехал, человек новый — и говорю ему: «Товарищ директор, желаю я электрифицировать наш новый дом. Провести электрическое освещение». Смотрю, у директора брови на лоб полезли. Хотел скрыть улыбку, не удалось: усов нет, бритый. Делать нечего, улыбнулся во все лицо и говорит:

«Очень хорошо, товарищ Синицын. Но только мне кажется, что для электрического освещения нужен электрический ток. Нужна электростанция».

«Мне это хорошо известно, товарищ директор. Станция будет и ток будет. Я сам устрою все это». Вижу, директор на меня и совсем как на сумасшедшего смотрит.

«Как же это вы устроите?» — спрашивает.

«Фотоэлемент, товарищ директор. Крыша у нас вместо электростанции будет».

«Фотоэлемент-э-энт! — протянул директор и смотрит на меня уже только как на полусумасшедшего. — Какую же мощность будет развивать ваш фотоэлемент?»

А у меня готовый расчет. Говорю, как по книжке читаю:

«На один квадратный метр падает киловатт фотоэнергии. Мой фотоэлемент может использовать только один процент фотоэнергии. Это немного, но вполне для нас достаточно. Один киловатт мы, значит, будем иметь со ста квадратных метров. Это площадь нашей крыши. А один киловатт энергии может дать свет для двух тысяч свечей. Для освещения комнаты в двадцать квадратных метров достаточно одной лампочки в сто свечей. Для пяти комнат — пятьсот свечей. А мы имеем две тысячи. На двадцать комнат. По тысяче свечей на этаж. Весь двухэтажный дом будет освещен».

Задумался директор. Не знает, какой теперь ярлычок приклеить ко мне. Опять брови вверх вскинул и говорит:

«Ну, что ж, дело хорошее. Освещайте!»

«Товарищ директор. Вы знаете, что для фотоэлемента материал нужен. Медь. Окись меди. Вот я и пришел просить вас, не разрешите ли вы мне отпустить меди для изготовления медных листов на покрытие ими крыши. Затем только я вас и побеспокоил».

«Ах, вот оно что? — Директор побарабанил пальцами по столу. — Товарищ Синицын. Мы должны поощрять рабочее изобретательство...»

«Да ведь это не мое изобретение, тут дело ясное», — перебиваю я его, видя, куда он клонит.

«Ну, не изобретательство, так овладение техникой. Мы должны всемерно поощрять. И я не имел бы ничего против того, чтобы отпустить на ваши опыты медь, если бы вопрос шел ну... о каком-нибудь килограмме. Но делать медные крыши, когда у нас два процента невыполнения плана, когда каждый грамм меди на счету, когда в ней так нуждаются наши фабрики и заводы...» — и пошел, и пошел. А резолюция, само собой: «отказать». — «Я и сам, — говорит, — человек подотчетный. Что обо мне подумают?»

Пробовал я с ним спорить, вижу — ни к чему. Уперся человек, боится.

«Теперь, — говорит, — обезличка уничтожена. Персональная ответственность на мне. Я один отвечаю. Не могу. Рад бы, да не могу!..»

Вышел я от директора, а у крыльца меня уже товарищи ждут.

«Ну что?..»

Махнул рукой: «Отказ!»

«Как так отказ? На такое-то дело!..»

Крик, шум. Среди моих товарищей несколько туркменов, узбеков было. Горячие ребята. Хотели прямо к директору всей компанией валить.

«Мы лучше к предзавкомой пойдем, к товарищу Окизову, свой парень, с ним скорее сговоримся!» — предложил кто-то.

«И к предзавкомой пойдем, и к секретарю ячейки. Всех на ноги поднимем, а от своего не отступимся».

Пошли к Окизову. Тот в фотоэлементах ничего не понимает, но выслушал нас внимательно. И не улыбается, хотя и есть куда улыбку прятать: усы густые, только бороду бреет. «Краса», как говорят туркмены, — «лысая борода», безбородый.

«Что-то мудреное затеяли вы, товарищи, — говорит, — выйдет ли толк?»

«Выйдет! Выйдет! — кричим. — Мы уже делали. У нас уже маленькая лампочка горела».

«А вы не зажжете ее передо мною?» — спрашивает.

«Зажгли бы, да перегорела».

«А отчего перегорела? Может быть, и все лампочки перегорать будут?»

Объяснили ему. Крутит головой.

«Если бы я сам видал».

«Да пойми же, лампочки другой нет!»

«А вы достаньте, выпишите. Своими глазами увижу — помогу вашему делу».

Опять двадцать пять! Хорошо еще, если в Ашхабаде или Ташкенте достанешь. А если из Москвы выписывать, когда-то получишь? Не терпелось нам. А делать нечего. Разослали письма знакомым, заказ в Москву. И ждать-то нам долго пришлось бы, если бы не случай.

Приехала изыскательская партия Геолкома. Я познакомился с одним ленинградцем и в свой выходной день отправился с ним в пески. Заночевали в палатке. А он, приятель-то мой новый, скорпионов, тарантулов боится. Ворчит, ворочается на кошме, да вдруг как крикнет. Укусил его кто-то. Вскочил, пошарил в темноте, и вдруг, вижу, свет вспыхнул. Фонарик карманный! Я набросился на фонарик, как басмач на овец, бедняга и фонарь выронил, больше скорпиона меня испугался. Я ему кое-как объяснил, успокоил его. Прошу лампочку подарить или продать, — ни за какие деньги! Боится впотьмах со скорпионами остаться. «Последняя лампочка!» — говорит. Ну что ты поделаешь? Не удушить же человека из-за лампочки, не украсть ее. Начал я его и так и сяк уламывать. И чем же убедил в конце концов? Тем, что свет зажигать еще опасней, что на свет вся пустынная нечисть еще больше лезет. На опыте, на факте ему доказал: зажгли фонарик, и действительно поползли, закишели, забегали — все к свету. Подарил-таки!

Уж не помню, успел ли я ему и спасибо сказать. Прямо так ночью и помчался обратно в Коунрад, ребят своих разбудил, а те к Окизову. Его с кровати подняли. И ничего я с ними не мог поделать.

«Ребята, — говорю, — да ведь ни к чему ночью-то! Для моего фотоэлемента свет нужен, элемент-то еще не заряжен».

Окизов сердит на то, что его среди ночи разбудили. Услышал он мой разговор с ребятами да и говорит мне:

«Так, значит, сейчас ты не можешь лампочку зажечь? Надо солнца ждать? А на что мне твоя лампочка при солнце, когда и так светло? Плохое твое изобретение, заочный инженер! Не дам меди!» — И снова на кровать завалился.

Ну уж тут и я из себя вышел. Трясу его за плечи: «Подожди, Окизов, засыпать! Дай хоть объясню тебе!»

А он то ли взаправду, то ли нарочно — захрапел на всю комнату, и ничего с ним не поделаешь.

Утром я его встречаю и говорю:

«Выспался, Окизов?»

«Выспался».

«И сил сном набрался?»

«И сил набрался».

«Так пойми же ты, что и мой фотоэлемент вот так же действует. Только он днем, при солн-

це, сил набирается, а ночью работает. Солнце мои лампочки днем силой заряжать будет, а ночью они гореть будут».

Ну как ему иначе объяснишь? Главное понял, однако.

Среди моих товарищей — молодых туркмен — уже многие электротехнику знали и физику, а этому не пришлось еще в советской школе учиться. Ну да ничего, думаю, мы его тоже скоро подкуем насчет электрификации.

Зарядил я в тот день светом свои фотоэлементы, а вечером Окизов хлопал в ладоши от удовольствия, глядя на маленькую горящую лампочку, и, несмотря на то, что уже поздно-то было, сам побежал к директору. А мы остались дожидаться.

Вернулся Окизов совсем в другом настроении. Видно было, что директор хорошим ушатом воды его окатил.

«А ты меня не обманул, заочный инженер?» — спрашивает Окизов.

«Как это обманул? В чем?»

«А в том, что, может быть, ты этот самый... элементик от карманного фонаря где-нибудь спрятал, от него и ток брал. Такие случаи, говорят, были. Какой-то изобретатель уверял, что из земли тоже можно электричество добывать. И добывал, а потом оказалось, что у него в земле элементы закопаны были».

Вот оно что! Не утерпел я. «Ребята, — говорю, — директор нас в обмане подозревает! Айда к нему!»

«Бас! — кричит один туркмен-комсомолец. «Бас» значит «дави». От этого слова и «басмачи» называются. Ну, и надавили мы на директора. Заставили его пойти с нами и самому посмотреть».

Он все внимательно осмотрел, видит — никакой фальши нет.

Сел у меня за стол, вот тут, где ты сейчас сидишь, — в этой комнате все и происходило, — закурил папироску и говорит:

«Вы меня простите, товарищи, давайте поговорим мирно. Каждый себя бережет. Не подумайте, что я какой-нибудь вредитель и против вашей затеи. Затея хорошая. Отличная затея. Если удастся, большое дело делаете. Но станьте вы на мое место. А если не удастся? Как вы думаете, поглядят меня по головке за медь-то? Да и не в одной меди дело. Ведь вам нужны будут тонкие медные листы. У нас их не сделать. Надо на заводе заказывать. Как оформить такой заказ? На чьи средства?»

«Вы нам только медь отпустите, а уж мы все остальное устроим!» — отвечаю я.

«А с медью так дело обстоит. Сам я, на свой страх, не дам, и не просите. Но давайте попытаемся получить разрешение треста. Я с своей стороны обещаю поддержать ваше ходатайство и подтвердить, что в лабораторных условиях вы

добились успеха, хотя... гм... конечно, многое, что удавалось в лаборатории, не вытанцовывалось на практике... Но об этом мы сейчас говорить не будем. Так по рукам?»

Молчим мы все.

«Ведь вы, товарищ Окизов, на себя личную ответственность не возьмете?»

Вижу: и Окизов жмется. Ему это простительно. Откуда ему знать, что из нашей затеи получится?

«Так на этом и покончим,— говорит директор.— Завтра мы пишем в трест!»

Ушел он, ушел Окизов, а мы сидим кто на столе, кто на табуретке, а кто и прямо на полу, на корточках. Время за полночь, а никому в голову сон не идет. Думаем: как быть? И вот один говорит:

«Директор не против нас. Директор не хочет быть только против себя. Он боится отпустить медь потому, что меди не хватит для фабрик и заводов. А мы еще, наш рудник, не выполнили промфинплана. Задолжали стране. Что надо сделать, чтобы директор дал медь? Мы пойдем завтра к нему и скажем: мы все записываемся в ударники. Мы обязуемся ликвидировать прорыв. Мы перевыполним план. А медь, которая нам нужна для крыши, мы будем добывать в сверхурочное время, бесплатно. Если из нашего фотоэлемента ничего не получится, мы возвращаем руднику всю медь».

И как это нам раньше в голову не пришло!

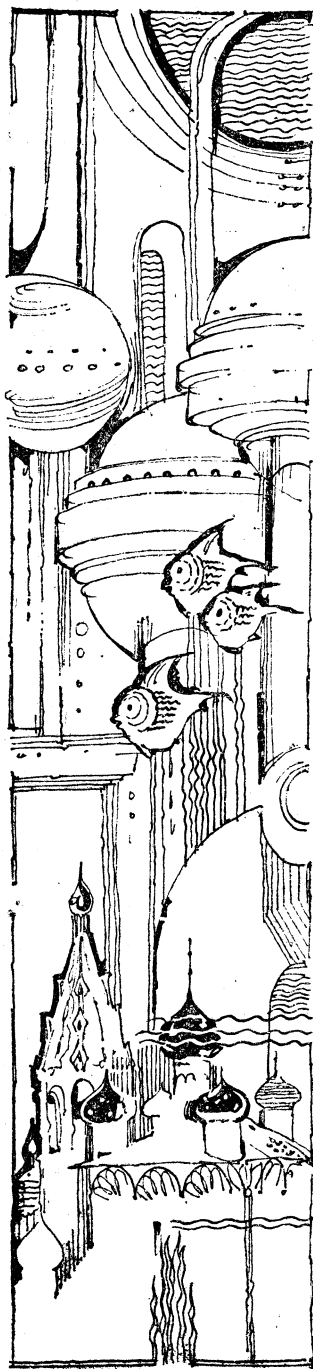
Наутро мы изложили наш план директору. Расцвел человек. Еще бы! Теперь не он нам, а мы ему такой подарок преподнесли.

Промфинплан мы перевыполнили. Медь получили. Остальное все устроилось. И, как видишь, дом уже покрыт медными листами. Сегодня я начал окрашивать их окисью меди. Через несколько дней надеюсь окончить.

На другой день мне пришлось уехать на работу — ловить реку.

Случилось так, что на обратном пути мне не удалось заехать к Сеницыну, хотя наши автомобили проезжали поздно вечером совсем недалеко от медного рудника. Окна стоявшего на пригорке двухэтажного дома были ярко освещены электричеством. Заочный инженер и его товарищи добились своей цели. Солнце Туркестана начало светить не только днем, но и ночью.

СЛОВАРЬ НФ ТЕРМИНОВ АЛЕКСАНДРА БЕЛЯЕВА

Разговорившись однажды с председателем только-только возникшего в Омске КЛФ «Алькор» Д. Войциком, мы предложили новорожденному клубу испытать себя на достаточно серьезном деле — попробовать составить словарь НФ терминов, употребленных в книгах Александра Романовича Беляева.

«Неужели так мало?!» — вздохнули мы, обнаружив в изысканиях омичей лишь дюжину безусловно полновесных терминов. Заметим, что мысль о возможности чего-то подобного уже возникала у нас: надеясь на «Алькор», которому мы искренне признательны за проделанную контрольную работу, мы ведь тем не менее по давней своей привычке вели потихоньку и собственный встречный поиск... Однако мириться с грустной этой мыслью не хотелось. И вот, более тщательно проштудировав все имевшиеся под рукой произведения основоположника и классика советской фантастики, мы сумели в конце концов довести хотя бы до сорока список терминов — не всегда лично им придуманных, но в предвоенные годы употреблявшихся преимущественно именно в НФ литературе. (Список этот, естественно, остается открытым для дополнений.)

Основной же вывод, навеянный кропотливой этой работой, заключается в следующем.

Даже, возможно, и не заботясь специально об интересности и общедоступности своих книг, Александр Романович, однако же, крайне осторожно вводил в них какого-либо рода неологизмы! Более того, откровенно иронизировал над стремлением иных авторов к чрезмерному насыщению текста специфическими научными речениями. Найдите в публикуемом нами словаре термин «ретардин»: в примере, его сопровождающем, вы неизбежно споткнетесь о 16-сложный «диокси...—драт». А в рассказе «Человек, который не спит» за этой цитатой следует насквозь ироничный абзац:

«У Горева дух захватило от этого длинного слова. Он попросил профессора повторить по слогам диковинное название и записал в блокнот. «Такие слова придают статье научный вес», — подумал он...»

В отличие от выведенного в рассказе газетчика, Беляев никогда не пытался поднимать «научный вес» своих произведений подобными сугубо внешними, достаточно поверхностными способами: явное предпочтение отдавал он глубокой проработке идей и сюжетов.

В этом плане его творчество поучительно и для современных авторов. Ведь не секрет: в ином 10-страничном НФ рассказе наших дней терминов (притом — не всегда понятных по причине иноязычного их происхождения) обнаруживаешь больше, чем не то что в повести или романе — в целом восьмитомнике всемирно известного фантаста!

Впрочем, воздержимся от дальнейших комментариев к этой, похоже, первой попытке систематизации НФ терминов, использованных отечественным дисциплетом-фантастом. Добавим лишь к сказанному, что поскольку источником примеров (помимо оговоренных особо) послужило восьмитомное собрание сочинений А. Р. Беляева, вышедшее в издательстве «Молодая гвардия» в 1963—1964 годах, — в ссылках мы обозначаем его для краткости буквами «С/с», вслед за которыми указываем номер тома и нужную страницу.

Автономный гидростат — самодвижущийся аппарат для длительных глубоководных исследований.

«Мой друг академик Шипольский сконструировал изумительный аппарат для глубоководных экспедиций, так называемый автономный гидростат...» (Небесный гость. Газ. «Ленинские искры», 1938, № 13, с. 6).

Антигипнотоксин — препарат, уничтожающий потребность во сне.

«Я больше не сплю и работаю почти круглые сутки. Антигипнотоксин я принимаю вместе с пищей...» (Человек, который не спит. С/с, 8, 259).

Аэробиль, аэробус — разновидности воздушного транспорта.

а) «В Радиополис же я летаю на своем аэробиле». (Борьба в эфире. М.—Л., 1928, с. 56).

б) «Аэробус опустился по вертикали и плавно, без толчка, сел на плоскую крышу большого здания». (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 200).

Вечный хлеб — искусственная биомасса, бесконтрольно растущая за счет химических элементов, извлекаемых ею из воздуха.

«Это «вечный хлеб», который я получил от профессора Бройера». (Вечный хлеб. С/с, 4, 249).

Гелиосварка, гелиогенная сварка — сварка с непосредственным использованием энергии Солнца.

«Впоследствии мы научились даже припаивать метеоры к оболочке ракеты, благо солнечной энергии у нас достаточно, а аппараты гелиогенной сварки мы всегда брали с собой». (Звезда КЭЦ. С/с, 6, 89).

Гелиосварщик — специалист по гелиосварке (см.).

«У нас в небе есть склады пойманных астероидов... Чтобы отдельные куски не разлетались от случайных толчков, наши гелиосварщики расплавили и сварили поверхность этих планеток». (Звезда КЭЦ. С/с, 6, 79).

Гелиоэлектромобиль — автомобиль, работающий на солнечных батареях.

«Подъехал небольшой гелиоэлектромобиль». (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 254).

Гидронавт — исследователь морских глубин.

«Аппарат... мог погружаться на глубину почти десяти километров, вмещал в себя до десяти гидронавтов и мог находиться под водой продолжительное время». (Небесный гость. Газ. «Ленинские искры», 1938, № 27, с. 6).

Грибок Бройера — микроорга-

низм, уничтожающий «вечный хлеб» (см.).

«Грибок профессора Бройера работал великолепно». (Вечный хлеб. С/с, 4, 317).

«Доуэль-217» — антикоагулянт.

«Артур Доуэль не знал, что его отец незадолго до смерти изобрел препарат, названный им «Доуэль-217»... Введенный в кровь, этот препарат совершенно устраняет свертывание крови...» (Голова профессора Доуэля. С/с, 1, 263—264).

Звездолет — космический корабль.

«Военизация звездолета сузила бы те чисто научные задачи, которые ставил себе Цандер». (Прыжок в ничто. С/с, 5, 113).

Идеофон — аппарат для записи и расшифровки мыслей.

«И изобретатель идеофона уселся в кресло с телефонными наушниками на голове и с карандашом и блокнотом в руках». (Идеофон. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 6, с. 31).

Иль — радиоактивный элемент,

выделяющий значительную энергию. «А марсиане таким же образом транспортируют мне взамен свой продукт иль». (Продавец воздуха. С/с, 2, 201).

Ихтиандр — «человек-рыба», способный длительное время обитать в водной среде.

«Нет, я не мог Ихтиандра и ихтиандров» сделать общим достоинством в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания». (Человек-амфибия. С/с, 3, 184).

Консерваториум — подземное хранилище для массово замораживаемых людей.

«Пустовавший «Консерваториум» на северо-западном берегу Гренландии быстро заполнился телами замороженных рабочих». (Ни жизнь, ни смерть. С/с, 8, 107).

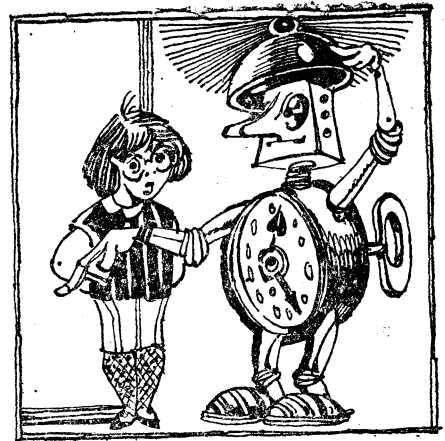
Левитацион — неизлечимое заболевание аборигенов Марса, вызываемое пребыванием в невесомости.

«Они назвали эту болезнь «левитацион» — так можно перевести на наш язык их слово». (Продавец воздуха. С/с, 2, 201).

Межпланетный костюм — космический скафандр.

«С помощью бортмеханика и капитана мы быстро нарядились в межпланетные костюмы и с волнением ждали выхода из ракеты». (Звезда КЭЦ. С/с, 6, 33).

Омега-лучи — новый вид электроэнергии.

«Здесь собраны омега-лучи... Эти лучи облекут ваше тело невидимым флюидом, который охранит вас от пуль...» (Борьба в эфире. М.—Л., 1928, с. 102).

Потенцирование, потенцирование — укрепление организма путем введения в него искусственных радиоэлементов.

а) «Но мне необходимо уточнить метод, установить дозировку, сделать потенцирование организма совершенно безопасной процедурой». (Анатомический жених. Журн. «Искатель», 1961, № 1, с. 144).

б) «Подумайте только! Потенцирование уничтожает усталость, укрепляет одряхлевший организм». (Когда погаснет свет. С/с, 2, 303).

Радиограмм — прибор для записи мыслеизлучений.

«Великий Ум сидел в звукопроницаемой комнате в широком халате, склонившись над большим письменным столом, и думал на валик радиограмма». (Держи на запад! Журн. «Уральский следопыт», 1978, № 4, с. 71).

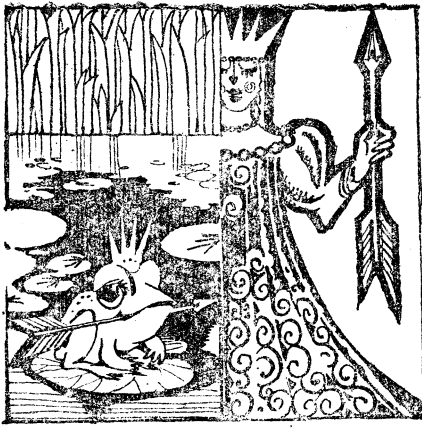
Радиогвернер — бытовой прибор.

«Радиогвернер, заведенный самой же Ниной, уже несколько раз напоминал ей о позднем времени, с каждым разом все громче, все настойчивее». (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 203).

Радиоторпеда — управляемый воздушный снаряд.

«Знакомьтесь, — сказал Лавров... — Мой сын Максимушка, авиаторпедист. Его радиоторпеды летают, и, кажется, довольно удачно». (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 217—218).

Раствор Рингена-Локка-Доуэля — физиологический раствор, позволяющий длительное время сохранять жизнеспособность изолированных органов.

«...шея собаки погружалась в особый раствор Ринген-Локк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества». (Голова профессора Доуэля. С/с, 1, 189).

Ретардин — «противоядие» от усталости.

«Мой ретардин так же прерывает течение болезни, именуемой усталостью, как прерывают теперь возвратный тиф, введя в организм диоксидаминоарсенобензолдихлоридрат...» (Человек, который не спит. С/с, 8, 260).

Светозвуковой трансформатор — аппарат, превращающий световые волны в звуковые, цвет — в музыку. «Это было соединение радиоприемника, хорошо скрытого внутри, и светозвукового трансформатора». (Человек, который не спит. С/с, 8, 283).

Стабилизатор — амортизационный ящик с водой, предохраняющий космонавтов от перегрузок при ускорениях.

«Мало помогала и вода стабилизатора — сердце билось замедленно, помрачало сознание...» (Прыжок в ничто. С/с, 5, 176).

Стратоплан — сверхскоростной реактивно-винтовой самолет для полетов за пределами тропосферы.

«Стратоплан побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся в воздух». (Звезда КЭЦ. С/с, 6, 14).

Субстратоплан — стратоплан (см.) для полетов в верхних слоях тропосферы.

«Иван Александрович! Летим вместе в моем субстратоплане. Он очень вместителен...» (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 269).

Телеглаз — 1) прибор для дальновидения.

«В поле зрения «телеглаза» вошел летающий городок — научный

институт. (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 248).

2) телевизионная камера, передающая изображение на экран.

«Траулер обходит подводную вершину. Телеглаз осматривает каждый большой пароход». (Чудесное око. С/с, 6, 363).

Телемикроскоп — прибор для наблюдения за искусственно созданной микровселенной.

«Я предполагаю устроить особый телемикроскоп и снимать при помощи особого кинематографа, делающего тысячи снимков в секунду...» (Гость из книжного шкафа. С/с, 8, 305).

Человек-амфибия — двоякодышащий человек, могущий жить и на суше, и в воде.

«Каким образом пришла Сальватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?» (Человек-амфибия. С/с, 3, 181).

Человек-термо — человек, самопроизвольно регулирующий температуру тела.

«Такой человек-термо будет в состоянии отправиться в спортивных трусиках на Северный полюс, не ощущая никакого холода, а на экваторе он будет прохладиться в знойных песках пустыни». (Человек-термо. С/с, 8, 186).

Электризация — интенсификация работы мозга при помощи электромагнитных колебаний.

«Здесь, в ящике, переносный аппарат для электризации... Мне надо осветить свой мозг». (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 245).

Электромобиль, электроаэробус, электроплан — наземный и воздушный транспорт, работающий на микроаккумуляторах.

«На широких проспектах городов Советского Союза появились первые бесшумные электромобили... Вслед за электромобилями родились бесшумные электроаэробусы и электропланы». (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 228).

Электронскоп — прибор, позволяющий видеть электроток.

«Теперь каждый человек может с помощью моего электронскопа видеть электроток». (Невидимый свет. С/с, 8, 162).

Электроролики — индивидуальное средство передвижения.

«На паркетном полу, в углу возле зеркала, стояло несколько пар электророликов разных размеров...» (Лаборатория Дубльвэ. С/с, 6, 215).

Электроорган, электророяль — новые музыкальные инструменты.

а) «Новый музыкальный инстру-

мент — электроорган — исполняет гимн победы...» (Борьба в эфире. М.— Л., 1928, с. 127).

б) «Ты не очень занята?.. Поиграй нам на электророяле». (Воздушный корабль. С/с, 5, 379).

Электрофонист — мастер игры на «электрическом симфоническом рояле».

«В зале Консерватории — концерт электрофониста Гардина, который должен был исполнить на новом инструменте оркестровую симфонию молодого талантливого композитора Дулина...» (Город победителя. Журн. «Всемирный следопыт», 1930, № 4, с. 278).

Эфиrolаз — космонавт, работающий в открытом космосе.

«Цандер настоял на том, чтобы эфиrolазы прикрепили себя этой проволокой к обшивке звездолета». (Прыжок в ничто. С/с, 5, 156).

Эфиrolазный костюм — космический скафандр.

«Наденем эфиrolазные костюмы, возьмем часть зеркал — и в путь!» (Прыжок в ничто. С/с, 5, 156).

ДВА ИЗВЕСТНЫХ РОМАНА: ПРОВЕРКА ВРЕМЕНЕМ

Голова профессора Доуэля

1925 год. Александр Беляев, автор: «Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнений: голова жила, отделенная от тела...»

1939 год. Я. Рыкачев, критик: «По своему типу «Голова профессора Доуэля», если можно так выразиться, роман переводный: именно для западной развлекательной фантастики характерно привлечение псевдонаучного материала...»

1968 год. Николай Амосов, член-корреспондент АМН СССР: «Еще не улеглись страсти с пересадкой сердца, а уже говорят об изолированном мозге... Конечно, хорошо, когда мозг живет вместе с телом и получает от него радости, но если это невозможно, то лучше один мозг, чем смерть... Когда я говорю о мозге, то я имею в виду голову. Это проще и целесообразнее, так как глаза и уши позволяют подвести к мозгу информацию, а речь — передать собственную. Нет, не следует думать, что проблема изолированной головы может быть решена в течение нескольких месяцев. Нужна очень большая работа, но мне не представляется это более трудным, чем анабиоз или преодоление индивидуальной несовместимости тканей...»

Человек-амфибия

1928 год. Александр Беляев, автор: «Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек...»

1940 год. А. Ивич, критик: «В этой научно-беспредметной повести нет вместе с тем ни социального, ни философского содержания... «Человек-амфибия» оказался развлекательным романом, книгой легкого чтения... Автор оторвался от реальных законов природы, и его фантазия не имеет никаких оснований на осуществление даже в отдаленном будущем.»

1963 год. Жак Ив Кусто, французский океанограф: «Рано или поздно человечество поселится на дне моря; наш опыт — начало большого вторжения. В океане появятся города, больницы, театры... Я вижу новую расу «Гомо Акватикус» — грядущее поколение, рожденное в подводных деревьях и окончательно приспособившееся к новой окружающей среде...»

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ о научной фантастике

Научную фантастику нельзя превращать в скучную научно-популярную книжку, в научно-литературный недоносок.

Научно-фантастическое произведение должно удовлетворять всем требованиям, которые предъявляются к художественной литературе.

Научно-фантастический роман, рассказ должны быть полноправными художественными произведениями. Они должны ставить своей задачей не максимальную нагрузку произведения научными данными, — это можно проще и лучше сделать посредством книги типа «занимательных наук», — а привлечение максимального внимания и интереса читателей к важным научным и техническим проблемам. Это не значит, что научная фантастика должна совершенно отказаться от попутного сообщения читателю современных знаний, но здесь следует соблюдать меру, подавать эти знания лишь там, где они логически связаны с судьбой и поступками героев.

К сожалению, не все критики научно-фантастических произведений, по-видимому, усвоили простые истины о том, что если бы научно-фантастические идеи были научны на все сто процентов, то тем самым они перестали бы быть фантастическими, что без научных «погрешностей», «допущений», которые автор делает вполне сознательно, научной фантастики вообще не существовало бы, что эти «ошибки» и «допущения» вполне законное, правомерное явление в научной фантастике.

Воспитывать у читателя смелость мысли научной и технической, облегчать пути научного новаторства, отражать и описывать борьбу представителей передовой науки с консерватизмом, вести борьбу с научной косностью — одна из почетных и ответственных задач советской научной фантастики.

Другой круг вопросов, которые необходимо разрешить советской научной фантастике, проходит по линии социальной.

Советская социальная научная фантастика, или точнее — социальная часть советских научно-фантастических произведений, должна иметь такое же надежное научное основание, как и часть научно-техническая. Это очень сложно и трудно. Но кто боится трудностей, не должен браться за создание научно-фантастических произведений.

А над этой трудностью — изображения социального будущего — стоит еще большая — показ человека будущего.

Человек советского общества — это человек, не знающий гнета эксплуатации, имеющий полную возможность раскрыть все свои творческие способности и дарования! Какие должны быть мощные, яркие характеры, какая полнота и разнообразие запросов, потребностей, какова красота жизни!

Показать этого человека нашего будущего во весь рост, заставить его говорить «во весь голос» — задача почетнейшая, интереснейшая, но и необычайно трудная...

Из статей писателя, опубликованных в 1938 году.

Когда мы на своем участке коллективного сада вскопали первую грядку и посадили на ней морковь и редиску, а рядом высадили первые яблоньки, отец завел журнал сада, приспособив для него старую амбарную книгу.

Бежали дни, шли годы, отец добросовестно заполнял книгу за книгой, составляя свою, вроде бы, кроме него, никому и не нужную летопись сада.

Но вот более четверти века спустя эта летопись понадобилась. Ныне, в восьмидесятые годы, в зоне Урала выращивается в колхозах, совхозах и на индивидуальных огородах более семидесяти овощных культур. И число их продолжает расти. По журналу нашего сада я составил список овощей, которые выращивали мы на своем участке. Их оказалось чуть менее двадцати. Может быть, еще около десятка других овощей росло в соседних садах и на совхозных огородах. Значит, тридцать-тридцать пять овощных культур выращивалось в пятидесятилетние годы в Предуралье. В два раза меньше, чем сегодня.

Число овощей, которые росли на огородах прикамских жителей, когда паркачевские новоселы устраивали рокоуту, вырубая лес под пашни на той самой земле, где ныне стоит наш сад, было еще меньше.

А какие овощи пришли в Предуралье и на Урал самыми первыми, когда?

В каменном веке, десятки тысячелетий назад, первобытный человек собирал и употреблял в пищу, как добавок к мясу животных, плоды, корни и листья диких растений, таких, например, как лук, чеснок, морковь, щавель, бобы. А однажды, может быть, случайно, а возможно, и преднамеренно посеял он семена этих растений возле своего жилища. Появились всходы. И теперь ему не надо было уходить куда-то далеко в горы или в долины за луковицей или стручком. Они были рядом. Так постепенно дикие съедобные растения переселялись на огороды и становились культурными. Их и назвали потом овощами.

Участки посевов возле жилища огораживались для сохранения от потравы скотом жердями, частоколом или плетнем. И вошло в оборот слово огород. Позже, с развитием пашенного земледелия, на огородах стали выращивать только овощи.

По своему смысловому значению слово овощ восходит к слову расти, растение. И ныне овощами

И ЗЕЛЕН И ГУСТ НА ГРЯДКЕ КУСТ

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Рисунок
С. Малышева

называем мы сочные, мясистые клубни, корни, корневища, стебли, побеги, листья, цветки, плоды, незрелые семена растений. Они употребляются в пищу в сыром или вареном виде.

Горох — одна из самых древних овощных культур. Человек начал возделывать его на территории Передней Азии еще в каменном веке, 5—7 тысячелетий назад, вместе с пшеницей и ячменем. Примерно в то же время в горах Средней Азии и Кавказа появился культурный лук. За ним пришли на огороды чеснок, укроп, редис и редька, репа, морковь, свекла, огурцы. На рубеже нашей эры в Средиземноморье из листовой капусты древние овощеводы вывели кочанную капусту, быстро распространившуюся в Западной и Восточной Европе и ставшей основным овощным растением. В Киевскую Русь кочанную капусту завезли из Закавказья около XI века. Тогда же пришла к нам из Древней Греции репа, а за нею свекла.

В X—XIII веках в Киевской Руси, на Смоленщине и новгородской земле овощеводством занимались повсеместно. На огородах, которые составляли часть усадьбы, двора, дворища, выращивали репу и редьку, морковь и свеклу, горох и бобы, лук и чеснок, сельдерей, укроп, мак, мяту, чабер, анис, перец, хмель, позже — огурцы и тыкву. Отдельно в поле садили капусту и называли те места капустниками.

Умение выращивать овощи ценилось высоко. Князья и бояре содержали у себя на службе огородников, опытных мастеров по выращиванию овощей. Очень много возделывалось капусты и хмеля. Этими культурами крестьяне расчитывались по натуральному оброку. Хмель, кроме того, продавали за рубеж, в другие страны, наравне с пушшиной и медом.

Существует два типа овощеводства, отличающихся и своеобразием овощных культур и агротехникой их возделывания: европейский, к которому относится и древнеславянское овощеводство, и азиатский, в том числе, китайский тип. Уральскому овощеводству были присущи черты европейского, древнеславянского, типа. Это говорит о том, что пришло оно сюда не с востока, не из Китая, а с запада, из Древней Руси. Аборигены Урала овощных культур не знали и огородничеством не занимались. История уральского овощеводства тесно связана с историей уральского хлебопашества.

Первые овощные культуры пришли в Предуралье в XII—XIII веках с новгородцами-хлыновцами, основавшими Вятскую республику, а на Урал и в Зауралье в XV—XVIII веках с русскими переселенцами.

Продолжаем публикацию очерков, посвященных истории сельскохозяйственных и садовых культур на Урале. (см. № 8 и № 10 за 1983 год).

Надел в 4,5 десятины, который получал крестьянин или служилый человек у Строгановых в XVI веке, состоял из двора, огорода и поля. Под огород отводилось от четырех до 20 соток, по-старому — от 100 до 500 квадратных саженей. На нем сеяли горох, хмель и другие овощи, а на капустном огороде — капусту.

В переписи Дворцовой Осинской слободы с ее деревнями за 1596 год говорится о том, что от пригородка Осы вниз Камою рекою до Белой и вверх до Лысьвы хмель берут из оброков, то есть выращивают его для расчетов по оброку и податям. В рукописном лечебнике XVII века, составленном в Прикамье, также упоминается хмель и еще дыня, горчица, репа, капуста, мак. Значит, население Предуралья уже хорошо знало эти культуры, выращивало и употребляло их для питания и для лечения еще до XVII века. В Тагильской слободе, в Верхотурье и других больших селениях горнозаводского Урала огороды имелись позади каждого двора. Появились большие огороды и при монастырях.

Восемнадцатый век стал веком расцвета уральского овощеводства. Для личного потребления овощи выращивали и крестьяне, и горнозаводские рабочие. Крестьянские огороды были еще и главным источником обеспечения овощами сельского люда заводских поселков и городов. Возникло товарное овощеводство, то есть выращивание овощей не только для себя, но и для сбыта, для продажи на рынке.

В больших селах Прикамья главной товарной культурой была капуста. На плодородных пойменных почвах она давала высокие урожаи. Но капустные вилки выращивали тогда небольшими, до двух килограммов весом. Возможно, это было и удобнее. В Перми, в Кунгуре и окрестных селениях возделывали очень много огурцов. Продавали их свежими и в засоле. И не дорого. За бочку соленых огурчиков — тысячу штук — просили полтора рубля.

И в рабочих, и в крестьянских семьях овощи на огороде были заботой женщин.

На грядках горожан росли и редкие для Урала овощные культуры: петрушка, пастернак, сельдерей, цикорий, кресс-салат, горчица, хрен, редис. Рано весной выгоняли рассаду огурцов, тыквы и капусты. В июне огуречную и тыквенную рассаду переносили на открытые навозные грядки, которые делали очень высокими. Много сеяли моркови. Ее употребляли в качестве заменителя китайского чая. Выращивали лук. Популярными были редька, горох и репа.

Академик И. И. Лепехин, путешествовавший по Уралу в XVIII

веке, видел огороды и в селениях татар, удмуртов, марийцев, коми-пермяков, где высаживали те же, что и у русских, овощные растения. У башкир огородов не было. В ту пору они еще кочевали по южно-уральским степям.

В XVII веке овощеводство пришло в Зауралье, в Курганский и Тюменский округа. Особенно широко развилось оно в селениях по реке Исети. Помимо традиционных общеизвестных овощей росли здесь на огородах еще и подсолнухи, маки, брюква, а в Шадринске вырезали у любителей дыни и арбузы.

И все же перечень уральских овощей был невелик. Даже в конце XIX века в отдаленных от городов и крупных сел деревеньках жители не имели понятия о многих огородных овощах. Да и за теми, что сеяли, не знали, как правильно ухаживать. Овощи гибли от возвратных холодов и снега, страдали от избытка влаги весной и в начале лета, а в конце лета портились от ранних заморозков. Ни о какой научной агротехнике здесь и слыхом не слыхивали.

Близ самого Екатеринбурга, центра горнозаводского Урала, в селах Шарташ, Горный Щит и Уктус огородничество велось самым примитивным образом. Капустный рассадник устраивали древним способом, на высоких столбах или подставках на ветру. Щели в тесовых стенках не проконопачивали. На дно клали слой холодного навоза толщиной всего до трех вершков, поверх него — слой мерзлой земли до двух вершков и в этот непрогретый грунт бросали семена. Их не высевали в бороздки, не заглубляли в почву, а просто выплевывали изо рта на землю. Такой «агротехнический» прием попал сюда с первыми поселенцами и нисколько не изменился за полтысячи лет. Рассадку поливали утром и вечером, и выходила она малорослой и хилой. В июне, не полив почву, рассаду выдергивали пучками, обрывая корневые мочки, и уносили в поле. При посадке лунок не делали, а руками прикапывали землю вокруг ростка бугорком, отчего корни подсыхали и растение развивалось плохо или вовсе гило.

Десятки лет подряд капусту высаживали на одном и том же поле. И, вполне понятно, хорошего урожая на истощенной земле получить не могли. Говорили так: «Уродится — хорошо, а не уродится — ничего не поделаешь». В XIX и в начале XX века уральский рынок стал заполняться привозными овощами, и местное овощеводство приходило в упадок, не развивалось.

Возродилось оно лишь в советское время уже на совершенно иной экономической базе — в колхозах и совхозах.

...Из Свердловска улица Сель-

ковская выводит машины на Полевское шоссе, к Горному Щиту. Сразу же за поселком Керамик, вправо от дороги, разворачивается бело-голубым полем созревшая капуста. За нею до самого дальнего леса у горизонта разливаются темной зеленью ботвы свекла и моркови. Все поля пестреют многоцветьем одежды работающих на бороздах людей. Идет уборка урожая. Навстречу один за другим бегут по шоссе грузовики, заполненные полупудовыми вилками капусты или островерхими холмами оранжевой моркови и черно-лиловой свеклы. На сотнях гектаров земли выращивает теперь совхоз «Горнощитский» овощи для Свердловска.

А по соседству в теплицах совхоза «Свердловский» вызревают аж с самого января огурцы, зеленый лук, салат, петрушка и прочая столовая овощь. На противоположной окраине Свердловска, за Шарташом тоже есть обширное тепличное хозяйство совхоза «Орджоникидзевский».

Возделывание овощей на закрытом, или, как еще говорят, защищенном грунте, совершенно новое для Урала направление овощеводства. Правда, известный екатеринбургский садовод, член Уральского общества любителей естествознания Д. И. Лобанов и в давние времена изумлял своих гостей в рождество свежими огурчиками, снятыми с грядки в его собственной оранжерее. Но то была только одна-единственная крохотная тепличка на весь Урал. И как сравнить ее с полусотней гектаров овощных оранжерей одной лишь уральской области — Свердловской! По мощности тепличного хозяйства Свердловская область занимает первое место в стране. Тридцать и более килограммов огурцов с одного квадратного метра закрытого грунта собирают здесь за сезон. Выращивают здесь и такие диковинные, не виданные ранее на Урале овощи, как полуметровый вьетнамский кабачок лагенарию, болгарский сладкий перец, кубинский водяной кресс-салат, закавказский кориандр...

ФОНД ИЛЬИЧА

Геннадий
РОМАНОВ

Было это в 1921 году — первом мирном году после семи лет непрерывных изнурительных войн. Из здания Народного комиссариата просвещения медленно вышел немолодой человек с портфелем. В лице его без труда угадывались усталость, раздражение и... упрямство. Товарищи из Наркомпроса в его идею не поверили! Что ж, он будет бороться.

Как они говорили?

— Чучин предлагает передать в руки государства всю торговлю гашеными почтовыми марками, старыми монетами и прочими предметами коллекционирования. А вы подсчитали, Федор Григорьевич, сколько средств придется вложить в создание особых магазинов для коллекционеров, в подготовку честных, знающих коллекционное дело товароведов, продавцов? Прибыль от гашеной марки — дело сомнительное, выручим гроши, хорошо, если не проторгуемся.

И вывод (его особенно возмутил вывод) — дело несвоевременное...

Несвоевременное? Он тяжело опустился на запорошенную снегом скамейку у Чистых Прудов, закрыл глаза, выпрямил спину, так легче: все чаще и чаще давали о себе знать тюрьмы, этапы, ссылки...

Вспомнился 1919 год, один из тяжелейших периодов в становлении молодого Советского государства. Внутренняя и внешняя контрреволюция делает ставку на самое губительное для народа бедствие — голод.

Партия, Ленин выдвигают задачу — изыскать средства для спасения в первую очередь детей.

В феврале в «Известиях» за подписью В. И. Ленина и А. В. Луначарского был напечатан «Декрет об учреждении Совета защиты детей», в пункте первом которого говорилось: «Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность сберечь в опасное переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом утверждает особый Совет защиты детей».

Одной из важнейших государственных задач декрет считал снабжение детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью.

В небывало трудном положении находились жители Москвы и Петрограда. Чучина восхищал пример саратовцев, творчески претворивших декрет в жизнь. О тех тревожных днях напоминало присланное из Саратова объявление:

«От комиссии по сбору и доставке хлеба голодающим детям Петрограда и Москвы. Комиссия доводит до сведения граждан Саратова, что в воскресенье устраивается «День голодающих детей».

Во всех театрах и кинематографах за право входа не надо будет покупать билет. Вместо билета — несите хлеб, кто сколько может... Помните: дети Москвы и Петрограда умирают от голода».

Более 60 вагонов с хлебом отправила тогда Саратовская комиссия по сбору и доставке хлеба голодающим детям Петрограда и Москвы.

Несвоевременно? Да разве может быть несвоевременною любая помощь детям?! Федор Григорьевич остановился перед плакатом на стене. «Помоги!» — зывал оттуда изможденный крестьянин...

Засуха, какой не помнили и деда, сожгла весь урожай на полях Поволжья, Северного Кавказа, Украины. Неурожай охватил полностью или частично 34 губернии. В 12 губерниях не удалось собрать даже семян. Голодная смерть грозила 30 миллионам людей.

На борьбу с голодом Ильич мобилизует все население страны. Он призывает людей труда проявить классовую солидарность, помочь голодающим, поддержать «7 000 000 детей, которые прежде всего могут погибнуть».

К зиме 1921—1922 годов немало было сделано. Был создан фонд детского питания, проводились недели голодных детей.

Великий Шаляпин вместе с композитором С. С. Прокофьевым совершил концертное турне по Америке и Европе, где дал много благотворительных концертов в пользу голодающих. Знаменитый лирический тенор Леонид Собинов передал в фонд детских учреждений сборы со многих своих концертов. Активно помогал голодающим Поволжья М. Горький.

Каждый день Чучин читал в газетах о чрезвычайных мерах помощи голодающим. Вот появилось сообщение о сокращении армии втрое — сэкономленные средства пошли голодающим. Вышли сначала постановления об отчислении нескольких процентов от заработка трудящихся в пользу голодающим, потом — постановление об отправке коммунистов на помощь голодающим губерниям.

Газеты писали в те дни: «Когда садишься обедать — помни о тех, кому не хватает лебеде для утоления голода».

Где можно купить хлеб для голодающих детей? За границей. Но для закупки требовалось золото, ценности, иностранная валюта. Правительство постановило конфисковать золотую и серебряную утварь из церквей и монастырей. С февраля по май 1922 года было собрано, как потом узнал Чучин, 6800 пудов серебра, 12 пудов золота и других ценностей для усиления детского питания, для открытия бесплатных столовых.

Но всего этого потока пожертвований не хватало...

Ведь надо было кормить целые области, кормить долгие месяцы — до нового урожая. Все коммунисты и сознательные граждане республики жертвовали свои золотые и серебряные вещи, кольца, портсигары, брошки в фонд Помгола — Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК, во главе которой стоял сам всероссийский староста Михаил Иванович Калинин. После IX съезда Советов (декабрь 1921) Владимир Ильич передал в этот фонд свою золотую медаль, полученную за успехи в гимназии. Весь свой литературный гонорар Ленин направлял на помощь детям Самарской губернии, наиболее пострадавшей от голода.

По всей стране все мощнее и мощнее разворачивался сбор средств для закупки продовольствия за границей. Жертвователи нередко получали скромный памятный значок из бумаги или жести, а поскольку такие пожертвования назывались в ряде случаев «кружечными сборами», сами значки получили наименование ЗКС — «значки кружечных сборов». По сути своей ЗКС — плакаты в миниатюре. «Набат смерти гудит с Поволжья. Жертвуйте, товарищи, голодным», — звучит надпись на одном из значков, выпущенном в Алтайском крае, «Спасайте детей» — второй надпись на крымском ЗКС 1921 года.

6 августа 1921 года Ленин обратился с призывом к международному пролетариату о помощи голодающим России:

«Те, кто испытал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, — поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма. За это

мстят Советской республике капиталисты всех стран. За это готовят они на нее новые планы похода, интервенции, контрреволюционных заговоров.

С тем большей энергией, мы уверены, с тем большим самопожертвованием придут нам на помощь рабочие и мелкие, живущие своим трудом, земледельцы всех стран».

При Коминтерне была создана специальная комиссия Межрабпомгол и 12 августа 1921 года в Берлине сформирован Заграничный комитет рабочей помощи голодающим России.

Согласно сводным данным, собранным историками, уже к середине ноября 1921 года было направлено в Россию два американских судна с пшеницей, из Норвегии — пароход с рыбой, молоком и рыбьим жиром, из Болгарии — 30 вагонов пшеницы, трудящиеся Чехословакии послали два парохода с сахаром. А к августу 1922 года Международная рабочая помощь и другие организации солидарности передали пострадавшим 33 миллиона пудов хлеба. Общая сумма помощи к лету 1923 года превысила 6 миллиардов долларов.

В период образования Межрабпомга на Дальнем Востоке разворачивались драматические события, которые, как, например, контрреволюционный меркуловский переворот 26 мая 1921 года, осложняли сбор пожертвований в пользу голодающих центральных областей Советской России. Примгубпомгол действовал в условиях полужагоальности, так как неоднократно собрания разгонялись, а уже пожертвованные средства конфисковывались белогвардейцами. Большевики выработали возможные в условиях белой реакции формы сбора пожертвований: активисты распространяли среди населения бумажные значки стоимостью в 20 копеек с рисунком снопа пшеницы и надписью «Подарок голодному. Примгубпомгол». Проводились воскресные работы и средства, полученные за них, направлялись на покупку продуктов для голодных. В сентябре — декабре 1921 года Приморский губернский комитет помощи голодающим отправил в РСФСР про-

дуктовых посылок на 7523 рубля, а в начале следующего года еще на 2084 рубля, кроме того было послано 2269 пудов муки и 800 пудов хлеба.

Успешно шел сбор средств в той части ДВР, где действовала Народная армия. Ее главнокомандующий В. К. Блюхер заявил, обращаясь к бойцам:

«Дружным выходом на воскресник вы нанесете еще один удар злейшему врагу Советской России — голоду».

Слова Блюхера как бы иллюстрирует рисунок значка кружечных сборов, что был выпущен в то же время в Чите: груженные продуктами поезда подминают под себя костлявую смерть. Выпустивший этот и другие ЗКС Центральный Дальневосточный комитет общественных организаций помощи голодающим России организовал 15 апреля 1922 года массовую лотерею, в которой разыгрывались суммы от 100 до 10 тысяч рублей золотом, причем выигрыши немедленно выплачивались в банках Читы или Харбина, так как действие комитета распространялось и на полосу КВЖД.

В. И. Ленин высоко оценил действия Межрабпомгола.

На борьбу с голодом партия направляет выдающихся организаторов. Так, в эпицентр голода, Самарскую губернию, командировал Антонов-Овсеенко. 27 января 1921 года Президиум ВЦИК создал комиссию по улучшению жизни детей под председательством Феликса Эдмундовича Дзержинского. Вскоре в целях сбора средств комиссия выпускает значки кружечных сборов с весьма знаменательной надписью: «Дети — опора будущего» и символическим рисунком — на плечах малышек покоится земной шар.

Благодаря энергии Дзержинского сотни тысяч детей были вывезены в благополучные губернии, 200 тысяч взяты на воспитание РККА и общественными организациями.

...Чучин радовался, что сделано много, очень много, но он знал также, что все-таки средств не хватало. Федор Григорьевич отвернулся от плаката и пошел дальше. Оста-

новился он в переулке возле невысокого старинного московского особняка, открыл массивную дверь с медной ручкой и прошел к своему кабинету, украшенному табличкой: «Уполномоченный ВЦИК по филателии и бонам Ф. Г. Чучин». Ему, большевику-подпольщику с 1904 года, партия поручила руководить всеми делами в республике, связанными с коллекционированием.

Вся страна думала, как помочь голодному Поволжью. Думал об этом и Чучин. На сегодняшнюю беседу в Наркомпросе он возлагал такие надежды, но... видимо, сам виноват в том, что не сумел убедить товарищей. Следовало бы рассказать случай с царским ювелиром Фаберже. Когда в 1918 году к Фаберже пришли матросы конфисковать золото и бриллианты, ювелир легко отдал все, до последнего камешка. С собой же просил разрешения взять только альбомы любимых марок. Ему, не раздумывая, позволили. И лишь когда Фаберже оказался за границей, выяснилось, что стоят эти марки не меньше золота и бриллиантов придворного ювелира.

Вот такие же ценности, пока еще не учтенные, за которые заграничные коллекционеры заплатят республике золотом, валютой, а значит, хлебом для голодающих Поволжья, наверняка находились во многих местах Советской России.

...Федор Григорьевич решительно придвинул лист со штампом, аккуратно вытер перо и, старательно обмакнув его в чернильницу, вывел: «Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину...»

Через несколько лет, уже после смерти Владимира Ильича, Чучин рассказал в журнале «Советский коллекционер» об ответе Ленина на его докладную записку.

«Владимир Ильич,— писал Чучин,— равно великий и в большом, и в малом, сразу понял, какую большую выгоду сулит проект правительственного уполномоченного по филателии и бонам. Он вернул этот проект со своей запиской: «В Малый Совнарком, т. Киселеву, провести декретом, распространить на боны и поручить тов. Чучину приурочить к помощи детям».

Под новый, 1922 год Совет Народных Комиссаров принял постановление «О монополии по филателии».

Вскоре фонд филателистической организации превысил 300 миллионов почтовых марок, поступали целыми мешками боны различных местных выпусков. К ноябрю 1922 года организация внесла в финансовый отдел ВЦИК около трех миллионов рублей.

Интересно, что сам Федор Григорьевич не был коллекционером, не собирал ни марок, ни денежных знаков, ни монет или медалей. Но раз партия поручила ему не совсем обычный для революционера участок, он в короткое время стал крупнейшим знатоком всех тонкостей коллекционирования, написал немало монографических изданий по этим вопросам.

Как же происходил обмен марок и старинных монет, собранных организациями советских коллекционеров, на хлеб и продовольствие? Кто этим занимался?

Советской России очень помогла в то страшное время Международная организация помощи голодающим. Ее возглавил знаменитый полярный исследователь Фритц фон Нансен. Из текста приказа Антонова-Овсеенко можно узнать, что «организация помощи голодающим доктора Нансена предложила Наркомвнешторгу обменять 300 000 таблеток шоколада на такое же количество штемпелеванных русских почтовых марок нового образца разных достоинств с обязательством повторить обмен на тех же условиях».

В связи с этим предложением комиссия Помгол Наркомвнешторга обратилась ко всем гражданам РСФСР с призывом пожертвовать все имеющиеся на руках штемпелеванные марки и марочные коллекции для обмена на шоколад голодающим детям...»

Надо сказать, что после того, как в 1921 году государственные деятели стран Лиги наций объявили о своем отказе в помощи голодающим России, Нансен открывает в Женеве Центральное бюро помощи и отдает туда все свои личные свободные средства. Он объехал много стран

с сообщениями о положении голодающих Поволжья и других районов.

Деятельность Ф. Нансена была высоко оценена советскими людьми. Ему был вручен серебряный жетон и специальная Грамота ВЦИК за подписью М. И. Калинина.

Внутри страны организация Чучина опиралась на абсолютно бескорыстную помощь тысяч местных активистов. Вот один из примеров такой поддержки. Долгое время автору не удавалось разыскать для демонстрации на лекциях камчатские боны выпуска 1920 года. Да и увидеть их на Камчатке не представлялось возможным. Камчатские деньги, ходившие в Петропавловске в 1920 году, словно исчезли на Камчатке. Куда все они подевались? Оказывается, 15 июля 1923 года местная газета поместила такое объявление:

«Камчатская губернская комиссия Последгол просит всех граждан, у кого имеются денежные боны, выпущенные Камчатским областным комитетом в 1920 году, пожертвовать таковые в комиссию, которая направит их уполномоченному ЦК Последгол ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей для использования в помощь детям Последгол районов.

Председатель Н. Миронов
Секретарь Черепанов.»

Выпуски камчатских купюр, как достаточно редкий материал, были разыграны в специальной лотерее «Розыгрыш камчатских бон» и дали определенную сумму в фонд Последгола (так с 1922 года стал именоваться Помгол). Организации Последгола прекратили свое существование в 1923 году, а средства все передавались деткомиссиям на местах, которые организовывались в Сибири и на Дальнем Востоке с осени 1923 года.

После ликвидации последствий голода по-прежнему остро стояла проблема детской беспризорности.

В деле борьбы с беспризорностью, строительстве новой школы, коммунистическом воспитании подрастающего поколения особенно значителен вклад общества «Друг Детей» — ДОДД. Возникло оно в 1923 году, а 5 декабря того же года Владимиру Ильичу был выписан билет номер один этого общества с указанием, что Ленин «...имеет право на звание «Друг Детей».

Ячейки этого общества, иногда называемые «рабочий патронат Друг Детей», на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке стали создаваться в первой половине 1924 года.

ДОДД проводило сборы и вечера, аукционы и лотереи: всю недюжинную свою выдумку друзья детей направляли на поиски дополнительных средств. Мало кого мог оставить равнодушным рисунок на значке кружечных сборов общества старых политкаторжан «Пятачок беспризорному». Так откликнулись участники революционного движения на решение Второго съезда Советов СССР (январь — февраль 1924 года) в целях увековечения памяти В. И. Ленина создать специальный фонд имени В. И. Ленина для оказания помощи беспризорным детям, жертвам гражданской войны и голода.

Вскоре после смерти Владимира Ильича Чучин выступил со статьей «Ленин и филателия», в которой писал: «И если наша деятельность принесла Советской Республике хоть небольшую пользу, нам приятно сознавать, что своим существованием мы всецело обязаны покойному Владимиру Ильичу Ленину...»

Вот почему теперь, когда его не стало среди нас, помня слова самого близкого его друга Н. К. Крупской — не тратьте на венки, а помогайте детям, так как это будет лучшим выражением нашего внимания к его памяти, мы обращаемся с ходатайством к Президиуму ЦИК СССР переименовать нашу организацию во Всесоюзную Филателистическую Ассоциацию помощи беспризорным детям имени товарища Ленина, дав этим нам новый стимул к усиленной деятельности на пользу и осуществление его заветов...»

ШКОЛА АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

**Алексей
КАЗАКОВ**

...В тот далекий летний день газета «Челябинский рабочий» извещала читателей:

«Сегодня, 29 июля, последняя прощальная гастроль Московской студии имени Айседоры Дункан...»

Представление проходило в Зимнем городском театре имени С. Цвиллинга (в прошлом — Народный дом, а ныне здание Челябинского ТЮЗа). Зрителей собралось много, люди стояли в проходах. Дребезжал старый, выдавший виды рояль, то и дело гас свет в зале — с электричеством в городе было плохо, но ничто не испортило праздник встречи с искусством. Зрители кричали «бис», бросали на сцену охапки цветов, каждый номер встречали овациями. «Танцы Революции» и цикл танцев на музыку Шуберта, Шопена, Шумана и Брамса — такова была программа хореографической студии имени А. Дункан, показанная в Челябинске в последние июльские дни 1930 года.

В том же номере газеты «Челябинский рабочий» была напечатана и рецензия под заголовком «Революция в танце». В ней говорилось: «Айседора Дункан порвала с классическим танцем. Она пыталась осуществить свою замечательную идею о крепком, стройном ребенке, о чистоте жеста, пластики, движения, о предельной строгости и простоте танца. Мы знаем много примеров, когда люди, по сути дела ничего общего не имеющие с диктатурой пролетариата, проникались глубокой симпатией к нашей стране, борющейся за социализм. И Дункан была одной из первых, понявших, что именно в этой стране, безжалостно и бесповоротно покончившей со старым, можно осуществлять большие творческие идеи.

Сегодня, сейчас мы требуем, чтобы студии Дункан были представлены все условия, необходимые для нормальной работы».

...На обложке одного из номеров дореволюционного журнала «Рампа и жизнь» — фотография: Айседора Дункан с детьми. Дети прильнули к ней с обеих сторон, а она руками, словно крыльями, охватила их, прижимая к себе. Снимок этот очень символичен для великой актрисы прошлого и нынешнего веков. На лучших сценах мира вместе со своими юными друзьями Айседора Дункан утверждала, как она выражалась, «пластическую философию жизни», воплощала через танцевальный жест музыку Чайковского, Шопена, Листа, Глюка, Бетховена, произведения революционных масс — «Марсельезу», «Варшавянку», «Интернационал».

В начале нашего века художественный мир Европы приветствовал появление на сценических подмостках молодой танцовщицы Айседоры Дункан. В выступлениях 25-летней актрисы впервые был выдвинут принцип свободного пластического танца, не ограниченного канонами классического балета. Айседору приветствовали Михаил Фокин, Вацлав Нижинский, Анна Павлова, Огюст Роден, Антуан Бурдель, Константин Станиславский и многие другие мастера мировой культуры. Но когда в 1921 году

<p>ЧЕЛЯБТРАКТОРСТРОЮ : СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ БОЛЬШЕ ЛОМОВЫЕ ТЕЛЕГИ :: с площадкой, грузоподъемностью в 1,5 тон., вообще годные для эксплуатации. С предл. обратиться отдел снабжения на 3-м строитель- ном участке. 3-3</p> <p>На основании постановления Уралколхозсоюза (2 июля 1930 г.) и расширенного заседания правления Челябинского Окраинхозсоюза совместно с членами совета и председателем Райколхозсоюза</p> <p>ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОКРУЖНОЙ КОЛХОЗСОЮЗ :: ЛИКВИДИРУЕТСЯ :: Все претензии как расчетного, так и правового по- рядка принимаются до 13 августа 1930 г. По истечении указанного срока никакие претензии приниматься не будут. Ликвидком.</p>	<p>Зимний театр им. Цвиллинга Сегодня, 29 июля, последняя прощальная гастроль МОСКОВСКОЙ СТУДИИ ИМЕНИ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН под рук. возвратившейся из гастрольной по- ездки по Северу, АМЕРИКЕ и КАНАДАМ, члена ныне-порочной группы МАРИИ БОРИСОВОЙ :: по обновленной программе Билеты в кассе театра от 11—2 и с 5—8 ч. веч. По заявкам заверен. мест. и фаб. скидка 25%.</p> <p>ЧЕЛЯБТРАКТОРСТРОЮ НУЖНЫ :: МАШИНИСТЫ НА ВЕЧЕРНЮЮ СДЕЛАННУЮ РАБОТУ Об условиях справиться в контора Челяб тракторотроя (у зав. канцелярией). 2—1</p>
---	---

Страница газеты «Челябинский рабочий» [№ 184, 29 июля 1930 г.] с извещением о гастрольх студии имени Айседоры Дункан.

Учащиеся студии имени Айседоры Дункан во время гастрольной поездки по городам Урала и Сибири [осень 1927 г.]

Группа учащихся школы Дункан на Красном стадионе в Москве на физкультурном параде (лето 1924 г.).

Айседора Дункан в танце [редкий снимок, 1907 г.]

Дункан приехала в молодую Советскую Республику, прервав заключенные ранее ею контракты и уплатив за них громадные неустойки, то сенсационно был удивлен не только художественный, но и социальный мир старой буржуазной Европы.

Нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский писал об этом событии в статье «Наша гостья», опубликованной 24 августа 1921 года в «Известиях ВЦИК»:

«Народный комиссариат по просвещению приветствует гостью России и уверен, что во время ее первого выступления пролетариат Москвы сумеет подтвердить этот привет. Дункан назвали царицей жеста, но из всех ее жестов этот последний — поездка в революционную Россию, вопреки наваянным на нее страхам — самый красивый и заслуживает наиболее громких аплодисментов».

В Москве Айседора Дункан на свои средства основала хореографическую школу-студию для детей рабочих столицы, заявив при этом журналистам: «Я хочу, чтобы революционный класс за все свои лишения, которые он нес годами, получил бы высшую награду, видя своих детей бодрыми и прекрасными». Частыми гостями в хореографической студии Дункан на Пречистенке были Н. И. Подвойский, А. В. Луначарский, Л. Б. Красин. Они высоко

ценили искусство выдающейся актрисы и всячески помогали школе.

7 ноября 1921 года, в четвертую годовщину Октябрьской революции, ученики школы-студии выступили на сцене Большого театра, показав хореографическую сюиту «Интернационал». Среди сотен людей, заполнивших зал Большого театра, присутствовали В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Подвойский, А. В. Луначарский...

«Давно уже подмостки академического Большого театра не видали такого доподлинного праздника искусства... Айседора Дункан — танцовщица, но здесь не было танца в его обычном техническом смысле. Это было полное красоты пластическое и мимическое толкование музыкальных шедевров, притом толкование революционное», — говорилось в одном из откликов печати о вечере.

«Под музыку оркестра, под пение всего зала Дункан вместе с детьми рабочих символизировала «последний и решительный бой», торжественное шествие революции. Айседора Дункан захватила, победила заполнивших зал московских рабочих», — сообщалось в выпуске «Известий ВЦИК» от 9 ноября 1921 года.

Еще задолго до приезда в Москву Дункан, «эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Ев-

ропы» (выражение М. Горького), пыталась создать свои танцевальные школы в Париже, в Грюневальде, в Афинах, в Мюнхене, в Нью-Йорке... Но идеи Айседоры о массовом художественном воспитании молодежи в этих школах были, конечно, нереальны, о чем она сама и говорила: «Я оставила Европу, потому что искусство там раздавлено коммерцией. Я убеждена в том, что в России совершается величайшее в истории человечества чудо, какое только имело место на протяжении последних двух тысячелетий. Мы находимся слишком близко к этому явлению, чтобы увидеть больше, чем только материальные последствия, но те, которые будут жить в течение следующего столетия, поймут, что человечество через коммунизм решило сделать огромный шаг вперед. Только братство рабочих всего мира может спасти человечество».

В свою школу Айседора Дункан набрала несколько десятков детей в возрасте от 4 до 12 лет. Дети здесь проводили все свое свободное время и учебные часы. В программу входило общее образование, изучение иностранных языков, занятия танцами, музыкой, пением, живописью, лепкой. Подвижные игры сочетались с гимнастическими упражнениями. Труд был необходимой составной частью учебного процесса, включавшего в себя и уроки по домоводству и кулинарии. Детский клуб по интересам и экскурсии дополняли программу.

Воспитанники школы выступали на крейсере «Аврора», в цехах Путиловского завода, в селах, на площадях в дни массовых революционных празднеств.

С весны 1922 года до лета 1923 года Айседора Дункан и Сергей Есенин выступали с концертными и поэтическими вечерами в крупнейших городах Западной Европы и Америки. Многие свои выступления Дункан завершала исполнением хореографической сюиты «Интернационал». Концерты ее были запрещены в США, а сама танцовщица лишена американского гражданства (до конца своих дней Айседора Дункан оставалась советской подданной).

В августе 1923 года, вернувшись в Москву, Дункан заявила журналистам с присущей ей категоричностью: «До русской революции я думала, что мировая идея свободы творится в Соединенных Штатах. Нет, она творится в России!»

И вновь начались выступления Айседоры вместе с юными студийцами в Москве, в Петрограде, в Твери, на Кавказе... Она и Ирма Дункан создают новые танцы, созвучные революционной эпохе.

О занятиях в хореографической студии Айседоры Дункан газета «Правда» 26 сентября 1924 года писала: «Занятия эти дали блестящие результаты: дети, поступившие болезненными, хилыми и робкими, быстро начинали крепнуть, смелеть, буквально перерождаться».

Той же осенью 1924 года в «Известиях ВЦИК» была помещена заметка о студии Дункан, в которой, в частности, говорилось: «По инициативе председателя ВЦИК тов. М. И. Калинина, в Большом театре было устроено для 5000 юных пионеров выступление Айседоры и Ирмы Дункан с их студией в «Танцах Революции». Вступительное слово к вечеру сказал тов. А. В. Луначарский, обрисовавший значение студии Дункан в деле развития подрастающего поколения. Спектакль имел большой успех у юной аудитории».

Через два года студия Дункан приехала с гастрольной поездкой на Урал, в Свердловск. Газета «Уральский рабочий» 24 июля 1926 года писала о выступлении московских гостей: «Вечера студии Айседоры Дункан — это самое яркое зрелище, которое когда-либо видел наш зритель».

Спустя четыре года студия имени Айседоры Дункан во главе с ведущей солисткой Марией Борисовой вновь приехала на Урал. В это время студия совершала большую гастрольную поездку от Москвы до Дальнего Вос-

тока, учащиеся выступали в Уфе, Миассе, Челябинске, Свердловске.

В статье «Революция в танце» газета «Челябинский рабочий» отмечала:

«Дункан начала работу в то время, когда страна голодала, задыхалась от хозяйственной разрухи, когда страна, закованная в кольцо блокады, вступала в восстановительный период. Сейчас в Челябинске демонстрируются результаты ее работы, результаты, безусловно, значительные. Руководитель студии, дочь рабочего Трехгорной мануфактуры, талантливая ученица Айседоры Дункан Мария Борисова дает прекрасный образец именно того танца движения, мимики, который является отличительной особенностью школы Дункан. Особенно удался ей марш Шуберта «Милитер» — замечательный динамический танец, с четкими, оформленными жестами, выразительный и даже, мы бы сказали, агитационный танец. Но несомненно лучше всего революционные танцы: «Замучен тяжелой неволей», «Варшавянка», «Кузнецы», «Красная Армия», «Интернационал» — танцы, насыщенные глубоким и подлинным пафосом революционной борьбы».

Четверть века просуществовала студия-коммуна имени Айседоры Дункан, дав свои добрые плоды. Ее вклад в нашу отечественную культуру значителен: гастроль по многим городам страны «от Москвы до самых до окраин», включая и зарубежные выступления; более пяти тысяч концертов просветительского характера, спектаклей «агитез», как назвал их Сергей Есенин, на которых побывало около четырех миллионов зрителей! А в годы Великой Отечественной войны воспитанники школы-студии имени Дункан выступали перед бойцами Советской Армии, давая концерты в прифронтовой полосе и в освобожденных от гитлеровской оккупации городах и селах.

Годы, проведенные Айседорой Дункан в Стране Советов, она сама считала лучшим временем своей жизни. В незавершенных мемуарах, написанных актрисой, остались строки:

«Моя душа наполняется радостью и гордостью, что мне выпало счастье помочь первым шагам России в обучении детей. Это будет великая школа новых существ, которые будут достойны идеального мира. Это будет коммуна мальчиков и девочек, которые образуют новую школу и станут в будущем носителями и защитниками коммунизма. Все последние годы мои мысли были в России, и душа моя была здесь. Мы создадим детский интернационал — залог будущего братства народов! Я хорошо понимаю, что здесь, в России, заложено начало тому чуду, которое обновит мир».

ПРОЕКТЫ ПРОФЕССОРА МАТВЕЕВА

**Игорь
ШАКИНКО**

В тридцатые годы нашего века на Свердловском заводе «Русские самоцветы» камнерезы и гранильщики создали уникальные произведения. Среди них — звезды из уральских самоцветов для башен Московского Кремля, памятник французскому писателю коммунисту Анри Барбюсу, Карта индустриализации... Но поиски новых путей в камнерезном искусстве вдруг притормозились. Их не всегда находили, а нередко и просто не искали. И тогда потоком шли невыразительные, а порой и безвкусные поделки из камня.

Такое положение встревожило областные советские и партийные организации. В 1939 году появилось постановление, в котором отмечалось:

«Президиум облисполкома и бюро обкома ВКП(б) особо отмечает пренебрежительное отношение и совершенно неудовлетворительное руководство Свердловским гранильным заводом № 5 со стороны ленинградского треста «Русские самоцветы», в результате чего производство изделий из уральских камней, по существу, ликвидировано».

Чтобы разобраться в причинах такого положения и наметить пути нового возрождения уральского камнерезного искусства, Свердловский обком партии и облисполком создают в конце 1939 года комиссию во главе с профессором горного института К. К. Матвеевым.

Константин Константинович Матвеев (1875 — 1954) — коренной уралец, дед его был екатеринбургским мастером. Профессиональные интересы К. К. Матвеева определили Урал и его горные богатства. Но поиски своей профессии были для него долгими и трудными. После окончания Оренбургского училища он работал учителем начальной школы, а затем конторщиком на Пермской железной дороге. В 27 лет он сдает экстерном экзамен на аттестат зрелости в Пермской гимназии и поступает в Петербургский университет, где слушает лекции по геологии и минералогии. После окончания курса оставлен при университете, а в 1915 году приглашен академиком В. И. Вернадским на работу в Минералогический музей.

Затем — снова Урал. В 1918 году Матвеев был избран профессором только что созданного Уральского горного института, где создает кафедру минералогии, минералогический музей и

первые на Урале научные лаборатории для исследования минералов.

В первые годы Советской власти вместе с А. Е. Ферсманом и другими членами Отдела драгоценного и поделочного камня при УОЛЕ он участвует в дискуссиях, посвященных преобразованию Петергофской и Екатеринбургской гранильных фабрик и проблемам развития камнерезного искусства. Затем вместе с Эрзеей и Афанасьевым занимается реорганизацией гранильного дела на Урале. В 1924 году консультирует разработку проекта траурного «Знамени» в склеп В. И. Ленина. В 1928 году Академия художеств командует Матвеева в Германию, где он изучает камнерезную промышленность Идар-Оберштейна. После возвращения из-за границы Константин Константинович помогает созданию камнерезных мастерских Свердловского художественно-промышленного техникума, читает в нем лекции по минералогии и камнеобработке...

И вот профессор Матвеев во главе комиссии, которая должна дать рекомендации о дальнейших путях Свердловского гранильного завода № 5 и всего уральского камнедельного искусства. Начал он анализ с выявления состояния сырьевой базы цветного камня на Урале. Оказалось, что Уральское геологическое управление не располагает достаточной информацией о месторождениях камня и не может дать даже предварительных рекомендаций.

Комиссия предложила геологическому управлению включить в план 1940 года обследование некоторых месторождений Среднего и Южного Урала. Матвеев советовал также организовать добычу самоцветов и цветников при разработке рудных и других месторождений. «Комплексный подход к разработке месторождения, — писал он, — может позволить гранильному заводу получить без капитальных затрат хорошее поделочное и ограниченное сырье».

И далее: «надлежит, по примеру прошлых лет, наладить контакт с добывающими партиями и экспедициями страны; оживить контакт со старателями; расширить технологические приемы и формы обработки камня с учетом уже ведущихся в Ильменском заповеднике опытов по огранке амазонита, элеолита, солнечного камня, уралортита, цирконов, топазов; исследовать книги с записью месторождений цветного

камня в архиве бывшей императорской гранильной фабрики...»

Комиссия Матвеева разработала также проект структуры гранильного завода, который «мог бы сделать честь всему Уралу и всей отечественной камнеобрабатывающей промышленности». Составили и конкретное техническое задание на проектирование новых корпусов для завода.

В ходе работы комиссии К. К. Матвеев читает камнерезам и гранильщикам курс лекций по истории камня и способам его обработки, по минералогии и кристаллографии...

Но наступил весенний 1941 год...

В Свердловском государственном архиве хранится личный фонд профессора К. К. Матвеева. И среди прочих дел — неопубликованная рукопись «Уральские камни», датированная 1948—1949 гг. Это скорее не научно-популярное повествование об уральских камнях, а деловой анализ тогдашнего положения камнедобывающей и камнеобрабатывающей промышленности Урала, а также размышления, предложения, расчеты. И все это пронизано страстной, искренней заботой о судьбах уральского камня.

Приведем из этой рукописи некоторые выдержки.

«Из ученых исследователей драгоценных и поделочных камней Урала на первом месте стоит академик А. Е. Ферсман, написавший по этим вопросам две капитальные монографии* и уделивший Уралу в них весьма значительное внимание. Труды Ферсмана на долгое время сохранят свое руководящее значение для всех работников Урала...

По разведке и разработке месторождений типа мурзинских работали инженеры М. В. Инжеветов, Морозов (месторождения кварца), по разведке и добыче мрамора и других мягких пород — доцент Б. М. Смирнов, инженер Сугатов, яшмами занимался профессор Горного института А. Е. Малахов. По геологии и минералогии и частью разведки жильных месторождений, главным образом пегматитовых типа Мурзинки и других, работали сотрудники Уральского государственного геологического управления: инженеры-геологи В. В. Белов и В. И. Матвеев, из Уральского филиала Академии наук СССР — старший научный сотрудник А. Н. Игумнов и кандидат Л. К. Богомолов (самоцветы), из Горного института им. В. В. Вахрушева — доцент Г. Н. Вертушков, доцент Д. С. Штейнберг, доцент А. К. Подногин, кандидат наук Е. З. Бурьянова, профессор К. К. Матвеев и другие...

Однако все исследователи занимались главным образом изучением месторождений и почти

никто из них не касался ближе изучения природы и свойств самих самоцветов. А разве не интересно было бы узнать причину появления при вечернем освещении кровавых отблесков в несравненных уральских аметистах? Или выявить причины потери блеска и красоты нашими превосходными турмалинами при вечернем освещении?»

Матвеев не только призывал к исследованию уральского камня, но и делал практические шаги. При Уральском отделении Всесоюзного минералогического общества (жстати, созданного по его инициативе) он организовал комиссию по драгоценным и поделочным камням. Но он понимал, что этого недостаточно, а потому предлагал следующее:

«Так как гранильная, камнерезная и ювелирная промышленность является сложным и иногда трудным делом, то во всех центрах должны быть лаборатории по исследованию качеств обрабатываемых камней, а также свойств применяемых металлических сплавов, которые могут быть и новыми всякий раз, когда ювелир отходит от производственного шаблона и пытается создать что-либо новое».

Такие лаборатории были созданы только в шестидесятых годах, и то не в Свердловске, а в Ленинграде. И только в 1981 году начали организовывать свою лабораторию при производственном объединении «Уральские самоцветы», хотя потребность в ней испытывали уже давно.

И еще важная и интересная мысль:

«В этой отрасли художественной промышленности, как и во многих других, самым главным является вопрос о преемственности в воспитании кадров. Это лучше всего удастся тогда, когда почва и семена для посева подготовлены».

Мысль не новая. Но дело в том, что когда она высказывалась Матвеевым, в Свердловске еще работали многие старые мастера, которые могли передать свой опыт обработки камня. Но передача такого опыта не была организована (за редким исключением), а потому многие секреты камнедельного мастерства оказались забыты и позднее пришлось начинать все сначала.

Престарелый профессор (Матвееву было тогда уже за семьдесят) обстоятельно познакомился со всеми предприятиями Свердловска и его окрестностей, которые занимались обработкой камня — ювелирно-гранильная фабрика, завод № 10, бывшая Екатеринбургская фабрика, артель «Уральские камни», березовские артели кустарей «Гранильщик» и «Уралец» и другие и приходит к выводу:

«...Собственно оградочная и камнерезная промышленность Урала, являющаяся не только механической, но и художественной... не получила за это время дальнейшего развития... пришла в наше время к значительному упадку. Даже еще перед войной гранильная фабрика и

* Речь идет о двухтомнике «Драгоценные и цветные камни России», изданном в двадцатых годах. Двухтомные очерки по истории камня тогда еще не были опубликованы.

артель кустарей гранили уже главным образом цветные шлаки и стекла... камнерезы изготавливали главным образом только брошки из орской яшмы, оправляемые затем в латунь; из мягкого камня готовились совершенно неудовлетворительные, шаблонные по форме антихудожественные изделия — экзотические животные, например, слоники, которых уральские работники в натуре и не видели, но которые тем не менее, по-видимому, удовлетворяли невзыскательные вкусы...»

Матвеев дотошно ищет причины такого положения:

«Действительный недостаток в настоящее время необходимого сырья создал у многих руководящих работников впечатление действительного истощения уральских месторождений, а по существу имели место только лишь прекращение кустарной и хищнической их разработки, недостаточная забота треста «Русские самоцветы» о поднятии на высоту уральского производства по обработке камня и одновременно отсутствие здесь на месте, в Свердловске, своего местного крепкого и сильного руководящего центра; уход из жизни за последние десятилетия многих уральских мастеров и несомненное обеднение камнеобрабатывающей промышленности техническими кадрами, отсутствие внимания со стороны вышестоящих хозяйственных организаций и в связи с этим отсутствие крупных заказов на монументальные и новые типы изделий, отсутствие определенных рынков сбыта для уже готовых мелких изделий, недоучет новых потребностей... и поэтому преимущественная ориентировка незадачливого руководства на мелких, частных потребителей с пониженными и невзыскательными запросами и, вследствие этого, сужение кругозора при выборе сырья и изготавливаемого из него ограниченного ассортимента изделий, отсутствие постоянного научно-технического и художественного инструктажа при изготовлении изделий, тяжелое экономическое положение рабочих, занятых добычей и обработкой камня на Урале при всеобщей несомненной большой выгоде самого производства и для населения, и для государства, известный отрыв уральской камнеобрабатывающей промышленности от успеха и опыта мировой промышленности и техники по обработке и применению камня. Вот те многочисленные главнейшие причины, которые привели к упадку и застою уральское ограночное и камнерезное дело. Вопрос о сырье ввиду его особой важности требует особого рассмотрения».

Кажется, нет проблемы, относящейся к культуре уральского камня, на которую он не обратил бы внимания. Матвеев прозорливо предвидел тот необычайный, для многих даже неожиданный интерес к камню, «каменный» ажиотаж, который мы переживаем последние

годы. Уже тогда, в 1948 году, когда «каменные» страсти еще не разгорелись и не накалились, он предсказал:

«Мы стоим перед новым явлением — предстоящим громадным распространением уральского камня в личной и общественной жизни советских людей».

И, наконец, последняя цитата:

«...В Свердловске необходимо организовать универсальный комбинат по обработке камня с большим количеством цехов. На нашу эпоху, на людей нашего времени выпадает сейчас почетная и ответственная задача правильно разрешить задачу возрождения и перестройки на рациональных основаниях уральской камнедобывающей и камнеобрабатывающей промышленности применительно к нуждам нового коммунистического общества и превращения Свердловска в первоклассный всесоюзный, а затем и в мировой центр по обработке самоцветного и цветного камня. Этот путь нам указывается историей развития ограночной и камнерезной промышленности в нашем государстве».

Свои предложения профессор Матвеев настойчиво предлагал рассмотреть разным инстанциям. Однако его обвинили в преклонении перед культурой Запада и вскоре... он оказался не у дел.

ССЫЛЬНЫЙ КНЯЗЬ

**Виктор
БЕРДИНСКИХ**

...жил я подобно всем русским дворянам в звании привилегированного холопа в стране холопства всеобщего, это положение мне опротивело, стало мне тошно.

П. В. ДОЛГОРУКОВ.
Петербургские очерки

Личность Петра Владимировича Долгорукова (1816—1868) — во многом загадочная. Представитель древнейшего княжеского рода, владелец большого состояния, человек, гордившийся тем, что он гораздо родовитее царя, был другом и соратником... А. И. Герцена.

По своим общественно-политическим взглядам П. В. Долгоруков был дворянским либералом. Оппозиция его существующему строю

носила во многом характер личный: его не устраивает данный император, данные министры, а не самодержавие вообще. Отрицательная же оценка деятельности Петра I, идеализация царей Алексея Михайловича и Михаила Федоровича, земских соборов XVIII века сближают П. В. Долгорукова со славянофилами. Ему очень хотелось самому быть среди тех, кто определяет внутреннюю и внешнюю политику России, стать министром или хотя бы губернатором. Но его притязания были отвергнуты Николаем I и Александром II.

Всю свою энергию, талант публициста, все свои деньги Долгоруков расходует на то, чтобы отомстить правящей верхушке России. В 1859 году он окончательно эмигрирует из России и всецело посвящает себя публицистике.

П. В. Долгоруков издает за границей журналы «Будущность», «Правдивый», «Листок», активно сотрудничает в изданиях А. И. Герцена. Вся деятельность князя направлена на разоблачение царской придворной камарильи. Он хочет выставить ее перед всей Европой в настоящем виде — подлом и презренном.

А. И. Герцен не только принимал у себя Долгорукова как почетного эмигранта, но и сам с Огаревым бывал у него, переписывался с ним. Между Герценом и Долгоруковым, людьми столь разного склада, убеждений, характера, существовало взаимное понимание и сочувствие. По завещанию князя после смерти его огромным политическим архивом распоряжались Герцен и Огарев.

Яркая фигура видного деятеля русского освободительного движения привлекала внимание многих историков. Но совершенно неосвещенным в биографии Долгорукова остался период вятской ссылки (1843—1844 годы).

В 1841 году П. В. Долгоруков впервые выезжает за границу и поселяется в Париже. Там он издает на французском языке книгу «Заметка о главных фамилиях России» под псевдонимом граф Альмагро. Другое издание книги с прямым указанием на авторство Петра Долгорукова появилось тогда же в Брюсселе и Лейпциге.

В целом эта книга вполне справедливо изображала русское правящее дворянство как гнездо разбойников и убийц. Немедленно через русское посольство в Париже автору было предложено вернуться в Россию. Долгоруков, видимо, не ожидал такого поворота и поспешил подчиниться. Его делом занялись Николай I и начальник III отделения А. X. Бенкендорф. 21 марта князь выехал из Парижа. По прибытии в Кронштадт он был арестован. Следствие не показало ничего более существенного, и 20 мая состоялось распоряжение царя отправить опального в Вятку на службу.

В государственном архиве Кировской области хранится дело, заведенное на князя П. В.

Долгорукова. Дело было начато 19 июня 1843 года и закончено 6 июня 1844 года. Оно открывается отношением со зловещим грифом III отделения собственной его императорского величества канцелярии. В нем сказано:

«Государь император высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря князя Петра Долгорукова отправить на жительство в Вятку, с тем, чтобы он был определен там на службу и состоял под особенным наблюдением начальника губернии».

Когда Долгорукову было объявлено о ссылке в Вятку, он в ярости написал очень дерзкое письмо Бенкендорфу. Вот оно:

«Ваше сиятельство, Милостивый Государь, граф Александр Христофорович. Прошу у Вашего сиятельства дозволения представить Вам (и весьма бы мне желательно было видеть доведенным это до Высочайшего сведения), что на счет определения моего на службу в Вятку, определение это нарушает закон о дворянстве, коим представлено право каждому дворянину служить или не служить. Закон сей помещен в Своде законов, изданном по повелению Государя Императора. Насчет ссылки моей за издание книги, наимолезнейшей для русского дворянства, покоряюсь без ропота воле бога и государя, и куда бы меня не заточили, в Вятку ли, в Нерчинск ли, в крепость ли, хотя на всю жизнь, я всякое несчастье приму с покорностью, как тяжкое испытание, ниспосланное мне Богом, а судить меня с Государем будут Бог и потомство!»

Доктору Рихтеру было дано приказание освидетельствовать, в здравом ли уме князь Долгоруков. Николай I, видимо, посчитал, что человек в здравом уме такого опасного для себя письма не напишет. Доктор признал П. В. Долгорукова в здравом уме. 25 мая 1843 года в сопровождении жандарма князь отправляется к месту ссылки. Дерзость не прошла ему даром, хотя от службы его освободили. Вот текст второго предписания:

«Государь Император в отмену распоряжения, о коем я сообщал вам, м. г. от 21 мая сего года § 827 Высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря князя Петра Долгорукова не считать в службе, а жить в Вятке под самым строгим полицейским надзором, с тем, что если он дозволит себе хотя наималейшее зловредное выражение или действие, то вы обязываетесь немедленно арестовать его, не допуская никаких сношений с другими, и в то же время донести мне о том, для всеподданнейшего доклада Государю Императору и ожидать новых по сему предмету повелений».

Для местных властей родовитый ссыльный был постоянным источником беспокойства. Они не знали, как себя с ним вести. С одной стороны, князь сослан по личному царскому приказу в сопровождении очень грозного предписания.

С другой стороны, он человек высшего общества, его родственники очень сильны при дворе.

Князь заводит широкие знакомства в среде высших местных чиновников. Вятский полицмейстер обращается, в связи с этим, в сентябре 1843 года с рапортом к губернатору: «...князь Долгоруков, заведя знакомство в некоторых домах, в прошедшее воскресенье угощал знакомых у себя званым обедом и как я стороною извещился, намеревается завести наряду с прочими званые вечера; а как сбор у него разных лиц, да и самое посещение его их может быть принято правительством за предосудительное и в последствии времени пасть нашу ответственность, то я вынужденным нахожусь довести о сем до сведения вашего высокородия и покорнейше просить (...) должно ли наперед позволять князю Долгорукову продолжать заведенные им в городе знакомства с чиновниками и жителями, так равно и приглашать их к себе на угощения».

Ответственности боится не только полицмейстер, но и губернатор. Он боится своей властью разрешить это, боится и запретить. Поэтому он шлет 6 октября министру внутренних дел запрос — должно ли разрешить князю знакомства или запретить?

В столице между тем гнев на Долгорукова, видимо, утих, и 4 декабря от министра внутренних дел приходит ответ:

«Я, по сношению с генерал-адъютантом графом Бенкендорфом, уведомляю вас, что высланному в Вятку под надзор полиции князю Долгорукову не следует запрещать иметь знакомства с тамошним обществом, тем более что нигде и сам князь Долгоруков не может столько удерживаться от дурных поступков и нигде не может быть лучшего надзора за ним и лучших примеров ему, как в кругу высшего общества».

Весть об освобождении от ссылки П. В. Долгоруков узнал вначале из частного письма А. Х. Бенкендорфа к нему. В скором освобождении князю помогло, вероятно, то, что вызванный подобно Долгорукову в Россию другой публицист, И. Г. Головин, предпочел остаться за границей. Бенкендорф писал Долгорукову:

«Милостивый Государь, Петр Владимирович. По случаю неприбытия по сие время Головина из-за границы, он предан суду и при сем случае Государь Император изволил отозваться, что его величество не упускал и не упустит из своей памяти, с какой готовностью и поспешностью ваше сиятельство исполнили по тому же предмету волю его величества. В уважение сих верноподданнических чувств, как равно и в уважение вашего отличного поведения и скромной жизни в Вятке, Государь Император всемилоостивейше дозволяет вашему сиятельству житьельствовать как в Москве, так и во всех губерниях, исключая Петербурга, и сверх того раз-

решить соизволили вступить вам в службу, ежели на это изъявите желание».

Долгоруков, ссылаясь на расстроенное здоровье, отказался поступить на службу.

Но Вятку он запомнил надолго. Можно предположить, что в беседах с другим вятским ссыльным, А. И. Герценом, они часто вспоминали этот край.

ФУТУРИСТЫ В КАЗАНИ

Евгений
БИРЮКОВ

В Свердловске В. Маяковский был в январе 1928 года. Во время выступления в горном институте Владимир Владимирович встретился со старым своим знакомым заведующим лабораторией научной фотографии Павлом Петровичем Хожателевым.

Еще в 1914 году привелось Хожателеву фотографировать Маяковского в будничной обстановке. Как снимки, так и история их создания необычны.

Павел Хожателев учился тогда в Казанском художественном училище, был старостой архитектурно-строительного отделения. Однажды город запестрел афишами:

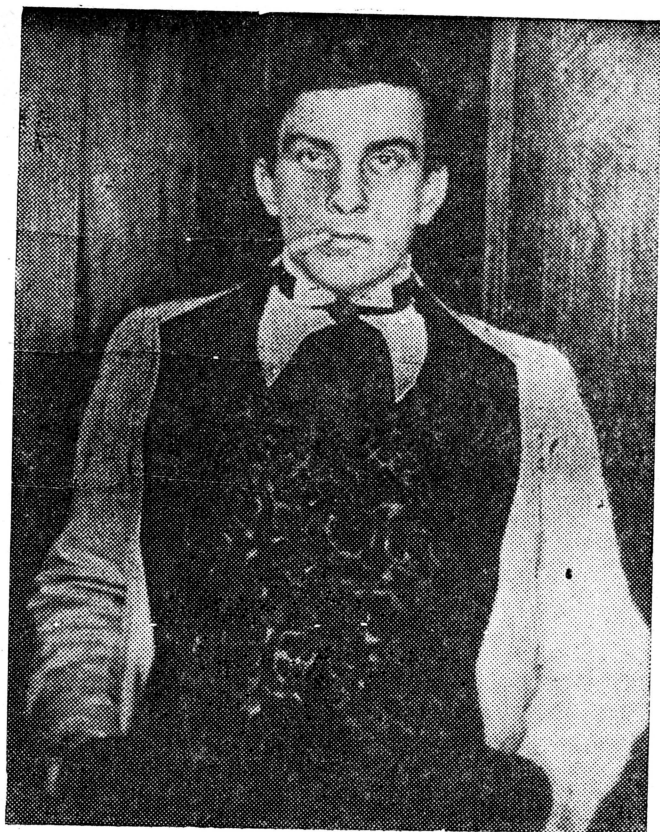
«В четверг, 20 февраля, знаменитые московские футуристы устраивают лекцию о живописи и литературе. Владимир Маяковский прочтет доклад «Достижения футуризма».

Один из героев дня Василий Каменский, известный авиатор и поэт, писал позднее:

«В огромной зале Дворянского собрания казанские студенты, запрудившие проходы и окна, так нас горячо приветствовали, что полицмейстер шесть раз прерывал наше выступление. Желтая кофта Маяковского не внушала никакого доверия полиции».

А вот что вспоминает Хожателев:

— Тогда, в студенческие годы, я увлекался фотографией и рискнул попросить поэтов позировать. Они жили вместе в одном номере большой гостиницы на Проломной. У них не смолкали смех и остроты. Видимо, этим веселым настроением и объясняется их согласие сфотографироваться. У меня был «Эрнеман» с растяжной, как гармошка, камерой. Пока ее насаживал на штатив, Бурлюк и Каменский бросились

к зеркалу и стали что-то рисовать на своих физиономиях. Фоном я выбрал широкую ширму. Они подходили к ней по очереди. Маяковский снялся в бархатном малинового цвета жилете и с папиросой во рту. Других «украшений» ему не требовалось: он знал свою фотогеничность. Правда, не обошлось без нюанса. Выдержка была продолжительная, Маяковский перекусил папиросу, и она зафиксировалась на снимке в двух положениях. На лбу Каменского красовалась фигурка скачущей лошадки, а на щеке Бурлюка — контур собачки с поднятым хвостом. В таком виде оба предстали перед моим объективом... Провожая отъезжающих, я подарил каждому по портрету, что, кажется, вызвало общее удовольствие.

Жизнь быстро похоронила «искусство будущего» — футуризм. Уже в 1915 году Маяковский писал: «Я и сам не очень-то жалею покойника». Но снимки все же увековечили этот эпизод из его ранней деятельности. Этим и интересны.

Павел Петрович Хожателев и сейчас живет в Свердловске. Ему 88 лет, но он до сих пор преподает в вечерней художественной школе.

На снимках: В. Маяковский, Д. Бурлюк, В. Каменский. 1914 г.

Фото П. Хожателева

«ПРОШЛОЕ МЫ ЛЮБИМ ПОТОМУ...»

**Александр
АБРАМОВ**

*Рисунок
Н. Мооса*

Однажды в доме отдыха «Архангельское», что неподалеку от столицы, я познакомился с пенсионером-москвичом, бывшим театральным работником Леонидом Львовичем Коганом. Неожиданно узнаю, что мой сосед по палате коллекционирует фарфор.

Пока мы отдыхали, москвич с удовольствием познакомил меня с многовековой историей фарфора. И так занимательно рассказывал увлеченный человек, превосходно владеющий тонкостями коллекционирования!..

...Гостиная в квартире Леонида Львовича Когана уставлена застекленными шкафами, где красовались изящные статуэтки и скульптурные группы, изображающие пастушеские сценки, какие-то бюсты и головки диковинных божков. Повсюду в комнате вазы, украшенные цветами, фаянсовые кувшины с рельефными орнаментами из спиральных сплетений, старинные живописные кубки, разрисованные затейливыми кружевными узорами, декоративная керамика, покрытая разноцветной глазурью. А одна из стен гостиной увешана тарелками различной конфигурации, блюдами с росписями на революционную тематику. Большинство их, как оказалось, изготовлены на Ленинградском заводе в 1917—1922 годах.

Переполненный впечатлениями, я, конечно, не мог сразу осмыслить все, что довелось увидеть в домашнем музее. Со временем у меня появилось много вопросов, которые я и изложил в письме собирателю. А вскоре получил от него обстоятельный ответ. Через несколько лет Леонида Львовича не стало. Мне кажется, что рассказ опытного коллекционера представляет широкий интерес...

«...В нашей семье всегда интересовались искусством. Общение с театром, собрание художественных полотен отца и брата, частые посещения музеев, знакомство со специальной литературой, круг друзей, работающих в искусстве, все это вместе и привлекло меня к собирательской деятельности. Начиная я, примерно, четверть века назад, в пятидесятых годах.

Фарфор я полюбил необратимо. Пока не было четкой направленности коллекционирования, делал много ошибок. И, наконец, тема коллекции определилась:

фарфор первых пяти лет существования Советской власти.

Отдельные предметы из моей коллекции требовали серьезного восстановления. Это я делаю сам. Реставрирую изделие только по фотографии аналогичного предмета.

Каждый коллекционер может рассказать много забавных случаев из своей собирательской деятельности. Однажды в антикварном магазине № 43 Комиссионторга на Невском проспекте Ленинграда я обратил внимание на две бутылки: одна из них была фарфоровая, а другая — отливная глиняная, из-под современного рижского бальзама. Каждая из них стоила по семь рублей. На мой вопрос: почему эти два разных сосуда имеют одинаковую цену, продавщица ответила, что «пустую тару мы принимаем по семь рублей». Вероятно, приемщик антиквариата оказался человеком непьющим и не знал, что бутылка вместе с бальзамом стоит 4 руб. 80 коп., однако, как специалист, он обязан был знать цену фарфорового предмета для рисового напитка, изготовленного в двадцатых годах XVIII века и принадлежащего коллекции короля Саксонии Августа Сильного (товарный ярлык № 849309 от 4 ноября 1970 г.). Изготовлен этот сосуд в 1725—1730 годах. На обратной стороне имеется два скрещенных меча и резцом сделан знак ИОГАННЕУМА № 91, указывающий принадлежность сосуда к королевской коллекции. Возможно, эта бутылка прибыла в Россию и находилась среди других предметов, подаренных императорскому дому. Давно запах хмельного покинул сосуд, но и сегодня, спустя 250 лет, он снова пьянит, уже своею красотой, изяществом...

В моей коллекции имеется несколько изделий из старинного русского фарфора. Наиболее интересны — четыре настенные тарелки: две из них — из Гурьевского сервиза, расписанные знаменитым французским художником Свебахом (прибывшим в Россию по приглашению императора после войны с Наполеоном для росписи лучших образцов фарфора), и две тарелки, датированные 1829 годом, со сценами из летних русских праздников с танцами и играми (рисунок художника Кальмана). Борт тарелки расписан под малахит. В Москве есть еще только одна такая тарелка...

На одной из первых двух тарелок написан казак Земланутин — с ружьем, копьём, саблём, пистолетом.

А история этого казака такова: он отличился в боях с войсками Наполеона. По указу Александра I его, как русского героя, послали на некоторое время в Англию. Пусть, мол, англичане поглядят на русского богатыря. В Лондоне англичане предложили ему большие деньги, чтобы он согласился остаться в Англии на постоянное жительство. Но он отказался, заявив, что деньги ему не нужны, а умирать будет на своем родном Дону. На тарелке воспроизведен казак Земланутин во время высадки его в Лондонском порту в 1813 году. Тарелка уникальна.

Среди старых фарфоровых фигурок у меня хранится фигурка монаха, который несет спрятанную в снопе девушку. Фигура выполнена в начале прошлого века в Московской губернии Богородского уезда в деревне Кузьевой на фарфоровом заводе купца Никиты Храпунова. Фигурка эта редка, ее выпуск по указу царя был уничтожен и уцелели лишь те изделия, которые успели продать до запрета. А причина уничтожения их такова. В 1822 году архимандрит местного монастыря Савва приобрел эту фигурку на ярмарке в Саратове и направил в губернское правление прошение «...об истреблении подобных кукол, служащих к бесчестию монашеского сана, а прочим христианам — соблазном». Переписка по этому делу прошла все инстанции, включая синод, сенат, и, наконец, дошла до царя. Последовала резолюция: «Куклу прислать сюда, узнав, где она была сделана. О поступке архимандрита суждение составить до свидетельства здесь сей куклы». 3 февраля 1823 года объявлена воля государя: «...поступок архимандрита Саввы об изъятии этих кукол считать правильным, воспретить выдачу на продажу фигур, изображающих духовных особ в видах соблазнительных и неприличных». Поговаривали, будто бы хозяину завода Никите Храпунову крепко досталось за эти фигурки. Вот вам еще один рассказ из любопытной истории фарфора.

Вы спрашиваете: как отличить подделку от подлинника? Подлинность вещи и принадлежность ее к той или иной стране, заводу, скульптору определяется по признакам: каждое время любого завода имеет свой черепок (массу), особенности глазури, цвета красителей и многое другое. Знание эпохи — обязательное условие при определении памятника старины. Оно приобретает при изучении литературы.

Копийное изделие фарфоровой фигурки изготавливается другим лицом, из другой глины и других материалов, делается оно человеком современным с соответствующей методикой исполнения и отличить его от старины при наличии знаний не представляет трудности. Идеально подделать изделие невозможно.

Можете ли Вы оценить деньгами подарок, который сделал своими руками близкий Вам человек, особенно тогда, когда этого человека уже нет в жизни? Хватит ли у Вас воли продать эту вещь даже тогда, когда Вам трудно материально? Ответить на эти вопросы нелегко, а оценить этот предмет еще труднее.

Говорить о цене истинного предмета искусства очень сложно. В каждой стране на этот счет свои соображения и свои цены.

Теперь о фигурке пагоды. Это — сидящий китаец с гусиным пером в руке. Эту фигурку можно было бы назвать китайским философом. Говорить о его цене сложно. Пагода — одна из первых скульптурных работ, выполненных в фарфоре в Европе. При значительной простой форме она очень выразительна и привлекает внимание. Эти качества следует отнести за счет умелой росписи изделий. Приобретена она мною в 1958 году... Мне известны еще три такие фигуры: одна — в Дрезденском музее и две в частных собраниях — коллекция Чаппей в Париже и собрание К. В. Хиерсемана в ФРГ.

...Король Саксонии Август Сильный (1670—1733 гг) — союзник Петра Первого против шведского короля Карла XII — был страстным собирателем китайского и японского фарфора, тратил на это огромные суммы. Сложилось мнение, что Август Сильный был одним из самых расточительных монархов того времени. Известно, что он выменял у короля Пруссии гарнитур китайских ваз (состоящий из пяти предметов) на целую роту отборных драгун.

Таким же страстным собирателем фарфора, как и Август Сильный, был граф Брюль — директор знаменитого фарфорового завода в Саксонии. По приказу короля с 1740 года граф Брюль имел право бесплатно пользоваться заводскими изделиями. Только для него за короткий срок было изготовлено 486 различных сортов посуды и 5421 фигурка, которые хранились у него в фамильном имении в Пфортене, где и до сих пор (несмотря на войны) сохранилось 1400 предметов.

Вот, к примеру, забавный случай, связанный с увлечением Брюля фарфоровыми изделиями. Как-то его личный портной заметил, что завидует ему в том, что он будет присутствовать на очередном приеме у короля. Тогда Брюль пообещал портному сделать так, что и портной тоже будет присутствовать на королевском обеде. Эту идею граф осуществил следующим образом: скульптор И. Кендлер изготовил в фарфоре карикатурную группу большого размера, которая изображала козла и сидящего на нем верхом графского портного в пестром парадном костюме со всеми положенными ему атрибутами: ножницами, утюгом, подушкой для булавок, сумкой с образцами материи, пуговицами и т. п. Эта скульптурная группа была выставлена на обеденном столе у короля и имела большой успех. Таким путем, не нарушая этикета, портной получил доступ к королевскому столу. Это изделие сохранилось до наших дней и находится в фондах Государственного Эрмитажа.

Небольшую часть своей коллекции старинного русского фарфора (10—12 предметов) за незначительную сумму я уже передал Московскому областному краеведческому музею. Эти предметы были когда-то изготовлены в Московской области и являлись памятниками нашего края. В числе переданных фарфоровых вещей есть прекрасная большая чашка с

крышкой, расписанная цветами и изготовленная на заводе братьев Попихиных. Эта чашка когда-то принадлежала семье Гончаровых (жене А. С. Пушкина) и описана в дореволюционной литературе. Скажите, ну как такую вещь не передать музею! И можно ли определить, сколько она стоит, если она неоднократно была в руках поэта? Нельзя, чтобы эта чашка снова шла из рук в руки частных собирателей и обрела бы участь вечного скитальца.

Много предметов из моей коллекции в течение нескольких месяцев экспонировалось в Третьяковской галерее на выставке, также посвященной годовщине Советской власти. Об этой выставке издана специальная книга, именуемая «Агитационно-массовое искусство первых лет Октябрьской революции» (Издательство «Советский художник»).

В выставке фарфора принимали участие в основном три собирателя: Л. Утесов, бывший секретарь Моссовета П. Данилов и я. Кстати, несколько лет назад я отдыхал с Леонидом Утесовым в одном санатории. На мой вопрос: любит ли он живопись и прикладное искусство, он ответил: «Я всегда любил и люблю песню. А фарфором меня заразила жена. А сейчас ее нет... Весь фарфор, что она покупала; лежит теперь в коробках и хранится мною и дочерью, как память о нашей маме...»

...Мои ответы на Ваши вопросы подходят к концу. Остался один вопрос, в который я хотел бы Вас посвятить — это вопрос личности собирателя. Люди коллекционируют все: всякие и внутренние замки, колокольчики, ступки, хирургический инструмент, марки, значки, маленькие модели ранее выпускаемых автомобилей (последние два вида собирает наш сын), грампластинки, изделия из бронзы, живопись разных времен и еще десятки, а может быть, и сотни наименований. Все это прекрасно.

Академик И. П. Павлов сказал, что «из всех форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности самой чистой, типичной и потому особенно удобной для анализа и вместе с тем самой распространенной является коллекционерская страсть — стремление собрать части или единицы большого целого или огромного собрания, обыкновенно остающимися недосягаемыми».

С моей точки зрения самая интересная часть коллекционирования — это поиск. Когда ты ищешь, тебя охватывает непреодолимая сила и воля. Забываешь даже о своем здоровье и о старости.

Иногда к нашему брату присасываются дельцы, стяжатели и прочие, так сказать, коллекционеры. Их нужно сторониться и дружбы с ними не искать.

Недавно одному коллекционеру Ф. Е. Вишневскому наше правительство присвоило звание «Заслуженный деятель искусств».

Закончу свое письмо, письмо коллекционера, словами академика А. Е. Ферсмана: «Прошлое мы любим потому, что в нем есть ростки будущего».

После смерти Л. Л. Когана отдельные экспонаты его коллекции переданы в музеи Москвы и Ленинграда.

В ОДИНОЧКУ К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

**Александр
ШАСКОЛЬСКИЙ**

*Рисунок
Е. Пинаева*

Южный полюс расположен в Антарктиде. Площадь этого закованного в ледовый панцирь материка почти вдвое больше площади австралийского. Северный же полюс расположен над Северным Ледовитым океаном — даже малюсенького островка там нет, лишь дрейфующие, то есть плывущие по течению или гонимые ветрами льды. А подо льдом — четырехкилометровая глубина.

Казалось бы, что ж там, на Северном полюсе, интересного? Ну, скажем, неприступную вершину покорить — это интересно, но какой же смысл добираться, каждую минуту рискуя жизнью, до ледового поля, которое ничем не отличается от тысяч других ледовых полей вокруг него и которое может в тот же день тронуться дальше — на юг, а его место займет другое поле, третье, сотое, миллионное...

Но человека манит неизведанное.

Японский путешественник Наоми Уэмура первым в одиночку достиг 29 апреля 1978 года полюса. Целью его беспрецедентного двухмесячного похода было не только покорение Северного полюса, а, по его словам, «бросить вызов границам человеческой выносливости».

Уэмура не впервой бросать вызов стихии: он совершил самый длинный одиночный поход на собачьей упряжке — 12 тысяч километров от Гренландии до Аляски, он сплавлялся шесть тысяч километров вниз по коварной Амазонке, он взбирался на самые высокие вершины в Северной и Южной Америке, в Африке, он восходил на самую высокую гору на земле — Эверест с первой японской альпинистской группой. Неугомонному 37-летнему Уэмура этого было мало: он решил покорить еще и Северный полюс.

6 марта 1978 года, когда термометр показывал —45° по Цельсию, Наоми Уэмура взмахнул своим бичом из тюленьей кожи, и упряжка из 17 ездовых эскимосских собак стронула дубовые сани-нарты длиной 4,5 метра, специально построенные эскимосом из Гренландии. Эти нарты, кстати, вскоре пришлось сменить на более легкие и меньшие по размеру, сосновые. Уэмура был одет по-эскимосски — куртка из меха северного оленя карибу, штаны из шкуры белого медведя, сапоги из тюленьей шкуры. Впереди лежали 800 километров заснеженных льдов, торосы высотой до 9 метров, полыньи, злые вет-

ры, трескучие морозы, встречи с белыми медведями... В борьбе с Арктикой Уэмура мог полагаться только на себя.

Лед был коварен: присыпанный снегом, он мог окатиться и многометровой толщины, и тонким, как оконное стекло. Иногда Уэмура решал ждать, пока преграждавшая путь полынья затянется льдом. Приходилось и проваливаться в ледяную воду. Мороз моментально сковывал ледяным панцирем вымокших собак, и могло показаться, что они обречены, но через десять минут бешеной гонки псам опять становилось жарко...

После снегопадов идти было особенно трудно. Встречалась и другая опасность — движение ледовых полей. В один прекрасный день Уэмура оказывается на ледовом острове 200 на 300 метров в поперечнике. Решил ждать, пока трещина не затянется льдом. Только поставил палатку — лед раскатисто треснул в 20 метрах от лагеря, и остров уменьшился втрое. Вскоре — новая трещина, и остров превратился в островок, под которым жуткая бездна океана. Уэмуре удалось перескочить на крепкую льдину. Несколько дней после этого пришлось ждать смерзания льдин.

Несколько слов о мохнатых эскимосских ездовых собаках, которых Уэмура закупил в Гренландии, недалеко от города Туле. У каждой собаки был свой характер. Некоторые поднимали отчаянный визг и тогда, когда бич их даже не касался, другие, наоборот, даже не поскуливали, сколько бы их не приходилось хлестать. Некоторые псы-трудяги честно тянули постромки, лентяев же нужно было подгонять.

Одна из собак в пути оценилась. Пришлось ее с попомством уложить в сани, закутав в теплую шкуру карibu. Через четыре дня их, еще слепых, забрал привезший запас продуктов и снаряжение самолет. Кстати, самолет за два месяца пять раз пополнял запасы экспедиции.

Собаки получали почти полкило пеммикана — сушеного мяса и другой собачьей еды в день. Этой нормы было достаточно, но собаки вечно были голодны и, как только Уэмура забывал о мерах предосторожности, норовили грызть то сыромятные постромки упряжки, то хлыст из тюленьей кожи, то рукавицы...

Сам Уэмура питался мороженым мясом северного оленя — карibu, сухарями. В меню были сахар, китовый жир, кофе и джем. Как и его собаки, Уэмура питался раз в день — в конце дневного перехода, и всегда ел сырые продукты. Уэмура запивал еду подогретым на примусе кофе и забирался в спальный мешок, в палатку.

...Это случилось на четвертый день пути. Перед заходом солнца, когда путешественник уже забрался в свой спальный мешок, внезапно забеспокоились собаки. Уэмура знал, что ездовые собаки в Арктике инстинктивно боятся только двух существ — человека и белого медведя. Не успел Уэмура начать расстегивать молнию спального мешка, как собаки, визжа, сорвались с привязи, и не успел отдалиться их лай, как... закрипел снег под тяжелыми шагами: рядом с палаткой послышалось сильное дыхание белого медведя...

«Все кончено, подумал я, — рассказывает Уэмура о том страшном дне. — Он меня задерет. Если у меня и есть хоть один шанс, он заключается в том, чтобы лежать, не шевелясь, в спальном мешке и дышать как можно меньше. Я подумал о моей винтовке, которая лежала совсем рядом, но была незаряженной и поэтому бесполезной. Я слышал, как снаружи медведь расправлялся с продовольственными припасами — пеммиканом, мороженым тюленьим мясом, китовым жиром. Хоть бы ему было достаточно этого!»

Повернувшись к палатке, медведь, рыча, начал рвать когтями ее тонкий нейлон.

«Новая волна ужаса окатила меня, когда стенка палатки прогнулась внутрь, и я почувствовал, как нос медведя уткнулся мне в спину. Теперь-то уж точно все кончено.

Свежее человеческое мясо вкуснее пеммикана или мороженого тюленьего. Он унюхал меня. Со мной кончено...»

И вдруг, неизвестно почему, медведь ушел. Рыкнув в последний раз, он побрел прочь. Уэмура передал по радиации в свой базовый лагерь на берегу — в самом северном канадском городке Алерт о происшедшем и стал готовиться к отпору. Через сутки медведь вернулся. Подпустив зверя на 50 метров, Уэмура застрелил его из своей винтовки с оптическим прицелом. Вскоре самолет сбросил новую палатку и припасы.

Бывали дни, когда идти вперед было невозможно, и Уэмура занимался разными хозяйственными делами, чинил нарты и снаряжение, а собаки чутко спали в снегу у его красной палатки. Бывали дни, когда приходилось прорубаться сквозь ледовые завалы, торосы высотой несколько метров, и тогда за целый день тяжелого труда удавалось пройти всего несколько метров. Но бывали и такие редкие дни, когда Арктика, словно сжалившись, позволяла преодолеть 40—60 километров за дневной переход.

Последние 75 километров до полюса давались трудно. Постоянно ломаются износившиеся нарты, и их все время приходится чинить. Температура воздуха поднялась до минус 18 градусов, и когда приходилось прорубать путь собакам сквозь торосы, пот лил ручьем, — «как будто я нахожусь не у Северного полюса, а в японской бане фуру».

И вот последний день — 29 апреля 1978 года. Очень важно было не ошибиться в расчетах — Уэмура не хотел, чтобы после стольких его усилий кто-нибудь усомнился: а действительно ли отважный японец достиг полюса? Не прошел ли мимо? Или, может, не дошел каких-нибудь километров пять? Поэтому Уэмура целый день посвятил уточнению своего положения. Приборы показывали — да, он на полюсе. Подсчеты Уэмуры подтвердились и приборами прилетевшего за ним самолета, и с помощью искусственного метеорологического спутника «Нимбус-6», который пролетал над полюсом каждые 108 минут — в нартах был установлен передатчик, сигналы которого принимал спутник в течение всех 55 дней пути.

Смертельно усталый после тяжелейшего пути, Наоми Уэмура стоял на самой верхней точке планеты и радостно улыбался обмороженными губами: да, день 29 апреля 1978 года стал самым счастливым днем в его жизни, ибо в этот день отважный путешественник стал первым в истории человеком, в одиночку достигшим Северного полюса!

**Алексей
КЛИМЕНКО**

*Рисунки
Н. Павлова*

Всему миру известен нынче мамонтенок Дима. Велик интерес к редчайшей колымской находке. Зоологи и мастера завода «Монумент — скульптура» сразу же после его обнаружения в целях, так сказать, увековечения изготовили четыре гипсовые копии мамонтенка, которые теперь экспонируются в Московском палеонтологическом музее АН СССР, в Ленинградском зоомузее, в Гаврском музее естественной истории во Франции и в Магадане. Надо ли говорить, что этот экспонат — гордость ученых. Магаданская копия уже совершила демонстрационное путешествие по Японии, которое, как сообщала пресса, прошло с триумфом.

Словом, посланец древнего мамонтового мира продолжает «жить» в науке. Все интереснее становятся выводы ученых. Около десяти лет ведутся исследования ледяных земель, сохранив-

шихся только на севере Якутии, где природа создала подлинный музей под открытым небом; в грунте меж ледяных жил захоронено множество костей, а иногда встречаются части туш и даже мерзлые трупы зверей мамонтового мира.

Кстати, Дима обнаружен именно в ледовой «колыбели». 23 июня 1977 года на одном из полигонов работали колымские золотодобытчики. Вряд ли члены старательской артели «Знамя» предполагали, что именно на их долю выпадет столь редкий «самородок». Во всяком случае, увидев «выползающее» из ледяной толщи вертикального разреза чудовище с хоботом, бульдозерист А. Логачев едва не лишился дара речи и тут же понесся звонить директору прииска И. Д. Русалеву:

— Приезжай скорее, Дмитрич, — почти стонал в телефонную трубку Логачев. — Чудо-юдо

откопали!.. Оттаивали в карьере ледяные линзы,— продолжал, задыхаясь от волнения и нетерпения Логачев,— глядь, туловище какого-то несуразного зверя объявилось. Длиннющая шерсть, хобот, как у слона, бивни. Приезжай, увидишь. Мамонт вроде...

Русалев тут же информировал о находке академика Н. А. Шило. По заданию Николая Алексеевича группа научных сотрудников института выехала к золотодобытчикам. Среди исследователей был и кандидат географических наук Эдуард Энверович Титов. Я попросил ученого подробно описать «портрет» Димы, рассказать, как сложилась его судьба в дальнейшем.

Итак, слово очевидцу.

— Когда мы приехали, находка, увы, была уже далеко не «стерильной». Любопытствующие оставили на туловище животного немало досадных «автографов». Одному духу святому известно, куда исчезли ногтевые пластинки с ног мамонтенка. И нам предстояло восстановить первоначальную картину лишь путем опроса людей. Обстоятельней всего, понятно, мы побеседовали с главным счастливчиком — бульдозеристом А. Логачевым. Потом долго рассматривали снимки. На них, к счастью, фотографам удалось запечатлеть мамонтенка в первоначальном положении: тот, словно только что заснув, лежал на боку, головой против течения ручья. Его рост оказался в холке сто сантиметров, вес около 70 килограммов. Обильный волосяной покров малыша при извлечении его из породы, к сожалению, уцелел лишь частично.

Естественно, возникал вопрос: как же погиб и почему сохранился в течение столь длительного времени мамонтенок? Считаем, что малыш погиб поздней осенью или ранней зимой, попав в озеро-мочажину, какие и ныне встречаются на Колыме, и в течение нескольких суток оказался замороженным. Гибель зверя наступила, на наш взгляд, лишь потому, что он остался без матери и, следовательно, без пищи. И хотя он питался, вырывая пучки травы вместе с комочками почвы, которая обнаружена у него в желудке, однако, будучи на первом году жизни неприспособленным к растительной пище, очень скоро истощился. Случилось все, кстати, в эпоху расцвета этого вида, когда на протяжении 50 тысячелетий последней ледниковой эпохи на крайнем Северо-Востоке Сибири, по подсчетам профессора Н. К. Верещагина, жило около 200 миллионов мамонтов. Это еще раз доказывает, что наш мамонтенок не «вымер», его гибель была случайной.

Анализ обстановки позволяет уверенно заключить: абсолютный возраст находки — 38—43 тысячи лет. После обнаружения мамонтенка (журналисты окрестили его по названию ручья Дима, в устье которого он обнаружен) решением Президиума Академии наук СССР была создана ко-

миссия под руководством академика Н. А. Шило по изучению и сохранению мамонтенка. В состав комиссии вошли известные ученые Н. Верещагин, А. Розанов, И. Дуброво, замечательный художник-таксидермист М. Заславский. Было решено передать Диму на постоянное хранение в Зоологический музей АН СССР в Ленинграде.

Мамонтенка упаковали в поролон и самолетом доставили в Ленинград. «40 тысяч лет,— шутили авиаторы,— в Аэрофлоте не было такого пассажира». В Зоологическом институте АН СССР исследования продолжили. Вопрос о степени родства мамонтов с другими хоботными решить не удалось. Не были найдены и хорошо сохранившиеся клетки мышечной ткани. Так что легенда о том, что была предпринята попытка «оживить» Диму, реальной почвы под собой не имеет. Вымысел чистой воды и то, что кто-то «жарил и ел» мясо мамонтенка...

Большую работу с ископаемым провел художник-таксидермист Зоологического института АН СССР М. Заславский. Мумия мамонтенка великолепна: имеет первоначальный цвет, передает все особенности кожного и волосяного покрова, скелета, мускулатуры. Ныне она заняла достойное место в Зоологическом музее, рядом с Березовским мамонтом, найденном в 1901 году.

Здесь читателям, очевидно, любопытно будет узнать, что было намерение сделать так называемую «оживленную» копию животного, воспользовавшись материалом остатков. Предполагали для пущей достоверности реконструировать места с изъянами — восстановить поврежденный хобот, недостающую шерсть, поломанные бульдозером задние ноги. Однако эта идея по научным соображениям была отвергнута, и мамонтенок был законсервирован в посмертной позе.

Впрочем, на этом удивительная история колымской находки не завершилась. Интерес к ней перешагнул рубежи нашей страны. О выставке в Японии мы уже упоминали. Все больше привлекает Дима иностранных ученых. Известный американский биохимик Алан Вильсон из Калифорнийского университета, к примеру, обратился с просьбой прислать кусочек мышечной ткани мамонтенка. Просьба его была удовлетворена. Советник посольства США в СССР А. Гринберг выразил благодарность советским ученым за их бесценный дар и высказал уверенность, что всестороннее изучение детеныша мамонта обогатит науку.

Вот о чем может рассказать всего лишь один экспонат. А ведь работа по изучению мира мамонтов ведется в различных направлениях. В позапрошлом году на Международном аукционе в Ленинграде было продано около 100 бивней якутских мамонтов. «Но все-таки, как они здесь жили в разгар якутских холодных ледниковых эпох? В глубине Арктики!» — спрашивают нередко читатели.

Достаточно детально мир мамонта описан в специальной монографии заведующего лабораторией мерзлотоведения Северо-Восточного комплексного НИИ, члена Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны АН СССР, доктора наук С. Томирдиаро, вышедшей в 1980 году в московском издательстве «Наука».

— Тогда, до конца последней ледниковой эпохи, десять тысяч лет назад,— рассказывает Савелий Владимирович,— вы, попав в Арктику на нынешние берега Ледовитого океана, никакого океана не увидели бы. Только бескрайние мамонтовые степи.

При резком понижении температуры в ледниковой эпохе не мог Ледовитый океан не реагировать на холод, как не может не среагировать на него, скажем, бочка воды, вынесенная на мороз. Плавающие льды спаивались в единый и мощный панцирь, создавая «плавающую сушу». Ее так и называют «климатическая суша», ибо она формировала уже отнюдь не морской, а резко континентальный климат в Арктике.

Получалось, что нынешние северные материки, наша Евразия и Северная Америка, спаивались в ледниковое время в плавающий материк Арктику. Еще 12—11 тысяч лет назад, попади на нынешние берега моря Лаптевых, мы оказались бы не у моря, а почти у центра необычного сверхконтинента. И климат здесь был тоже сверхконтинентальным. Здесь создавался мощнейший антициклон с безоблачным небом. Зимой это приводило к чудовищным морозам. Вот когда мамонтам, овцебыкам, арктическим якам и бизонам требовалось мощное «юбочное одеяние» из длинных густых волос, спускавшихся с боков почти до земли.

Бескрайние сухие степи покрывали тогда всю северную Евразию. Тучи пыли клубились над сухими мерзлотными степями Европы, Сибири и Северной Америки. Эта наносившаяся ветром пыль, копившаяся год за годом, образовала всем известный со школьной скамьи лёсс. И вот оказалось, что толщи такой же лёссовой пыли покрывают не только равнины Западной Европы, Украины, Западной Сибири и Аляски. Теперь слои ветровой пыли того же возраста открыты в Якутии и на Чукотке. Есть в греческой мифологии бог ветра Эол. В честь него геологи называют отложения, созданные ветрами, эоловыми.

И вот на недавно вышедшей в Ленинграде и поступившей в продажу новой государственной геологической карте северо-востока СССР все увидели нанесенные якутскими и магаданскими геологами на арктических и субарктических равнинах Якутии и Чукотки огромные поля впервые выделенных здесь эоловых лёссовых осадков. С выходом карты произошла настоящая революция в геологии северо-востока страны. Ведь до этого на всех геологических картах Якутии и Чукотки вообще не выделялись эоловые лёссовые поро-

ды. Считалось, что их здесь вообще нет. А огромные толщи вечномёрзлой, насыщенной подземными льдами пыли, занимающие большие территории здешних равнин, считались иловатыми осадками древних рек и озер. Таким образом, представлялось, что во времена мамонтов Якутия была страной, сплошь покрытой бесчисленными озерами и затопляемой какими-то сверхмогучими реками. А ведь по новейшим данным радиоуглеродного определения возраста этих отложений, это была как раз та эпоха, когда на всех северных материках отмечалось глобальное иссушение климата, иссыхание рек и озер из-за оледенения северных акваторий Мирового океана.

Таким образом, поиск продолжается, и наука вносит все новые и новые, значительные нередко, коррективы в знания о мамонтовом мире.

— Однако, Савелий Владимирович, читателям, думаю, интересно будет узнать, что же произошло 10 тысяч лет назад? Какая катастрофа случилась в Арктике?

— В результате прорыва теплых атлантических вод Гольфстрима в Арктику прогрелся арктический океан и разрушился ледяной панцирь Арктики. Есть данные, что океан стал после этого даже на некоторое время малоледовитым. На нынешние пустынные арктические острова Новосибирского архипелага проникли в то время высокие кустарники ивы и ольхи. Массы водяного пара насытили тогда атмосферу Арктики, в результате чудовищные снегопады и мокрые метели обрушились на не приспособленных к снегу, адаптированных к сухому холоду обитателей мамонтового мира. И вот тогда будто сраженные космической катастрофой и вымерли арктические слоны — мамонты, а вместе с ними арктические бизоны, лошади, сайгаки, яки и так далее.

В дальнейшем на месте богатейших мамонтовых степей развились бескрайние нынешние холмные тундры и лесотундры, а еще южнее — непролазная тайга.

Эта ландшафтная катастрофа целиком погубила мир мамонта. А человек, лишившись богатейших охотничьих угодий, вынужден был, чтобы не разделить ту же участь, создавать культуру так называемого неолита, переходить к одомашниванию животных и растений...

— Выходит, крушение мамонтового мира, гибель Арктиды дали могучий толчок созданию нашей цивилизации... А что дает мамонтовый мир нам сегодня — кроме великолепной кости?

— Вместе с костями, бивнями и целыми замороженными тушами мохнатых исполинов вечная мерзлота сохранила и необычайное плодородие ископаемых почв арктической прерии. В толще эоловой лёссовой пыли из обрывов в нижнем течении Колымы, по исследованиям магаданских ученых-мерзлотоведов, сохранилось большое содержание подвижных форм фосфо-

ра — до 70—80 миллиграммов на 100 граммов породы. И гумуса в них — как в лучших черноземах. Сейчас магаданские мерзлотоведы из Северо-Восточного комплексного НИИ и работники сельского хозяйства изучают возможности добычи и вывоза по реке Колыме высокоплодородного лёсса в центральные районы для бурно развивающегося здесь тепличного хозяйства. Но, конечно, главный эффект от использования остатков мамонтового мира мы ждем на огромных, пока еще таких пустынных просторах нашего Севера...

На Чукотке, к примеру, по предложению С. В. Томирдиаро и под научным руководством Героя Социалистического Труда академика Н. А. Шило группой ученых и практиков разворачивается крупный промышленный эксперимент по распространению и поддержанию сохранившихся в тундре реликтовых лугов — остатков мамонтовой лугостепи. Дожившие до наших дней арктические высокоурожайные травы, встречающиеся в желудках ископаемых мамонтов — арктаргостис, лисохвост, вейники, — теперь бурно осваивают места осушаемых термокарстовых озер. К работе по «окультуриванию» озер подключились работники агрономических служб, мелиораторы...

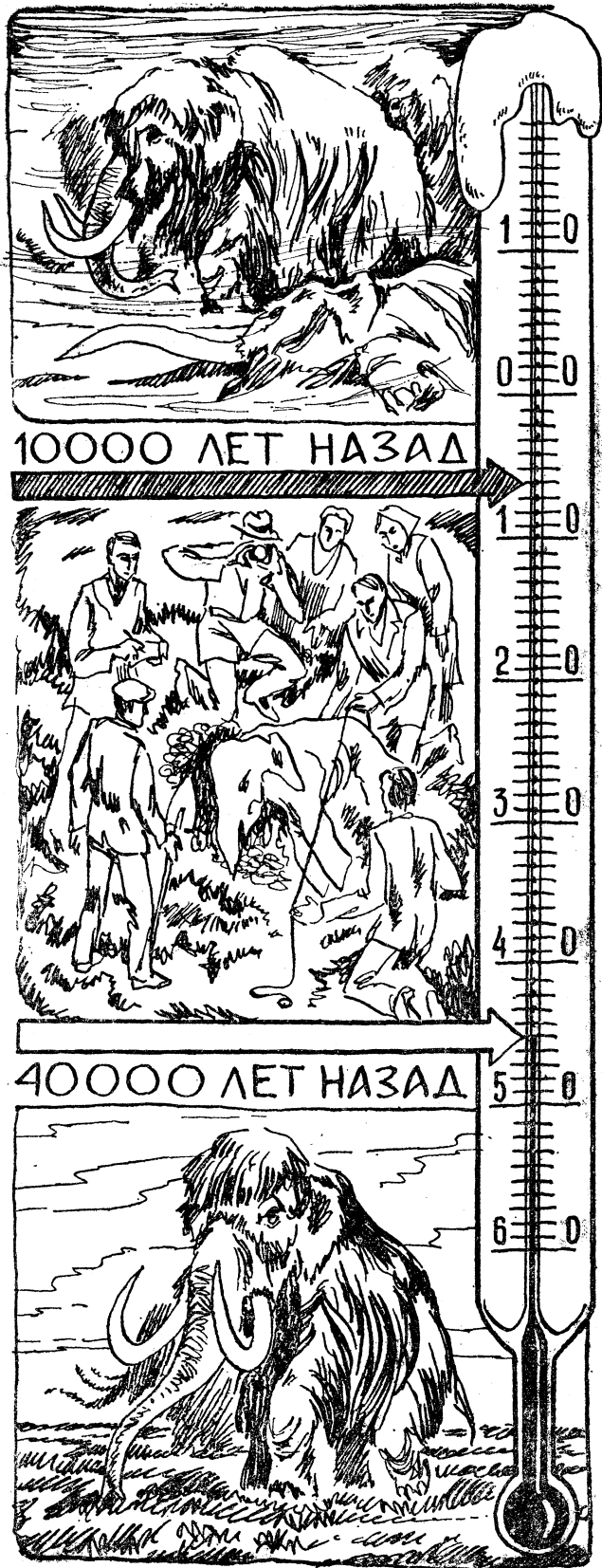
Город Анадырь, например, уже полностью обеспечивается молоком. Его дает совхоз «Северный», который в течение многих лет получает сочные корма с местных лугов. Экономический эффект — миллионы рублей.

Впереди, как уверенно заметил С. В. Томирдиаро, широкое внедрение этого способа и создание в тундровой зоне от Урала до Чукотки зеленого кормового пояса.

— Между прочим, — говорит в заключение Савелий Владимирович, — помимо кормовой базы для животноводства, это и перспективные пастбища для традиционного северного оленеводства. Ведь предки современных оленей еще сравнительно недавно жили не в тундре, а вместе с мамонтами и бизонами — в арктической высокотравной степи. На тундровый ягель они перешли, что называется, не от хорошей жизни, а лишь после катастрофы мамонтового мира — чтобы не разделить судьбу остальных травоядных этого удивительного сообщества. Что же странного в том, что их нынешние потомки — олени с удовольствием будут лакомиться сочной зеленью созданных, скажем, под тем же Анадырем лугов.

Ученый уверен: со временем и оленеводы Севера получат великолепные, не скудеющие в отличие от ягельников, а, наоборот, тучнеющие год от года высокотравные пастбища...

Мир мамонтов... Его древний голос сегодня, как видим, откликается многозвучным, удивительным эхом...

ТАЙНА МОНТЕ-КРИСТО

Кто не зачитывался «Тремя мушкетерами» и «Графом Монте-Кристо», увлекательными романами Александра Дюма-отца!

Монте-Кристо — реально существующий остров. Он невелик — всего 10 квадратных километров, принадлежит Италии и находится в Тирренском море между Корсикой и Апеннинским полуостровом.

Как следует из старинных хроник, в V веке здесь поселились монахи-пустынники. Они и дали название острову: Монте-Кристо — «Гора Христа». В последующие века никаких особых событий там не происходило, сменялись лишь поколения монахов. В XVI столетии Монте-Кристо захватил итальянский пират Драгут. Он сделал остров своей резиденцией. Монахи были жестоко умерщвлены, лишь немногим удалось бежать на материк. После Драгута островок долгое время оставался необитаемым; позже он был объявлен владением итальянских королей.

В мире долго никто бы не ведал об острове Монте-Кристо, если бы Александр Дюма в 1845 году не написал свой роман «Граф Монте-Кристо». С той поры многие задавали себе вопрос: что правда и что вымысел в романе знаменитого французского писателя? В частности, действительно ли скалистый островок был сокровищницей пиратов? Когда с этим во-

просом обращались к автору романа, он лукаво отмахивался, а иногда туманно намекал, будто бы слышал полулегенду-полубыль о пиратских кладах.

Так это или иначе, но с середины нашего столетия каждый сезон остров Монте-Кристо стали навещать туристы. И почти каждый второй из них тайно или явно мечтал напасть на пиратский клад. Одни надеялись на волю всемогущего случая, другие, не скрывая своих намерений, рыскали среди скал, по гротам, рыли землю, долбили гранит. Теперь об этом можно говорить лишь в прошедшем времени, так как кладоискатели больше не появляются на берегах Монте-Кристо — с прошлого года сюда запрещен въезд туристов и охотников за сокровищами. Итальянские власти объявили остров и 500-метровую зону вокруг него заповедной территорией. Эта мера объясняется просто — эксперты заявили, что если не будет прекращено кладоискательство и хищнический лов в прибрежных водах, флора и фауна Монте-Кристо погибнет безвозвратно, а сам остров превратится в свалку и пустырь, изрытый траншеями и ямами.

А что думают о тайне Монте-Кристо специалисты? Их мнение однозначно: никакого клада на острове нет. Если он там и был когда-то, то давным-давно его обнаружили и тайком вывезли.

В. РОЩАХОВСКИЙ

О ДВУХ ГОЛОВАХ

В заливе Торреса между Австралией и Новой Гвинеей обитает оригинальная рыба, которая плавает вперед... хвостом. На голове у нее темная полоса, на фоне которой глаза заметны, а на хвосте такие же пятна, имитирующие глаза. Издалека хвост ее похож на голову, а голова — на хвост рыб других видов. Такая маскировка служит для защиты от хищников. Но в минуты опасности рыба молниеносно меняет курс и устремляется в бегство головой вперед.

Д. ЯКОВЛЕВ

МИР ЕЩЕ НЕ ВЕСЬ ОТКРЫТ

В сети орнитологов попала ласточка, кольцо на лапке которой свидетельствовало: птице 29 лет. До сих пор считалось, что ласточки живут в среднем не более 13 лет.

Блоки египетских пирамид не вырублены из монолитного камня, а изготовлены из бетона. Такое предположение сделал французский химик Д. Девидович. Химический и микроскопический анализ блоков показал ему, что они состоят из прочно соединившихся известковых раковин. При этом в одном из образцов древнего окаменевшего бетона обнаружена даже прядь человеческих волос.

Процессор американской электронно-вычислительной машины «ХМР» способен производить двести миллионов действий в секунду. Однако и при такой высочайшей скорости машине потребовалось 3900 секунд, чтобы найти самое большое, как полагают специалисты, простое число (делится только на единицу и на само себя). Оно состоит из 39 751 цифры. Вот это число: $2^{132049}-1$.

То, что австралийские кенгуру отлично прыгают, известно очень давно. Но то, что они также отлично плавают, выяснилось лишь теперь. Группа ученых проводила исследования у побережья Австралии, когда заметила в нескольких километрах от берега странного пловца. Он быстро передвигался в воде... прыжками, подобно лошади, берущей препятствия. Оказалось, это — кенгуру. Впоследствии ученые увидели и других необычных пловцов-скакунов, направляющихся к далекому острову.

Мировой рекорд скорости установил в пустыне Блэк-Рок английский гощик Ричард Нобл. Его веретенообразный автомобиль длиной 8,2 метра, который весит почти 4 тонны, с помощью реактивного двигателя развил на контрольном участке 1 019,662 км/час.

Вокруг Солнца существует огромное пылевое кольцо, — высказывают предположение японские ученые. Его ширина — более миллиона километров.

В подводных гидротермальных источниках на дне Тихого океана, где температура превышает 300 градусов, обнаружены бактерии. Выяснилось, что они не просто могут жить в таких экстремальных условиях, но предпочитают их. Это открытие значительно расширяет наши представления о тех условиях, при которых во Вселенной возможна жизнь, пусть и примитивная.

В результате многочисленных экспериментов над голубями, дельфинами, другими животными учеными высказывается предположение, что их механизм ориентации в пространстве связан с микроскопическими частичками магнетита, имеющимися в клетках живой ткани. Эти своеобразные компасы, реагируя на силовые линии магнитного поля Земли, указывают нужное направление движения.

Дальнейшие исследования привели к тому, что магнетитовые частички обнаружены и в тканях носа у человека. Английские исследователи считают, что первобытные люди успешно использовали «носовой компас» в своих передвижениях.

ДОБЫТЫ В ГОРАХ УРАЛА

Когда власти штата Джамму и Кашмир (Индия) пригласили специалистов — геологов, ювелиров, археологов и других, чтобы определить ценность случайно найденного клада, и показали им, в частности, изумрудное ожерелье, многоопытные гости смогли сказать лишь одно:

— Эти камни добыты, конечно, в горах Урала... Сокровища сундуков — бесценны...

...Уже много лет в ветхом здании казначейства штата время от времени появлялся седобородый Акбал Нас, как оказалось — бывший слуга последнего махараджи из династии правителей Догра. Старец спускался в заброшенные и не охраняемые подземелья, словно что-то инспектируя там, а потом уходил. На него смотрели как на выжившего из ума, пока один из чиновников не решил проследить за действиями Наса в подвалах.

Оказалось, Акбал каждый раз лишь хотел убедиться, что один из участков стены цел и невредим.

В тайной нише, вскрытой затем рабочими, и были обнаружены шесть сундуков, доверху наполненных драгоценностями.

Никаких сведений о происхождении сокровищ не оказалось, хотя, как считают специалисты, многие вещи из сундуков имеют огромную историческую ценность. 84-летний Акбал Нас упорно отмалчивался. Единственное, что он сказал: «Я — последний хранитель клада и унесу его тайну в могилу».

Конские сбруи, украшенные изумрудами, великолепные бриллианты, усыпанные драгоценными камнями игрушки, одна из самых красивых в мире коллекций жемчуга, парадные одежды, — чего только нет в сундуках из подземного тайника! Среди изумрудов, когда-то добытых в горах Урала, по крайней мере, двести штук весят каждый по 50 каратов...

Ювелиры и археологи считают, что им понадобится не меньше года только для того, чтобы описать клад.

В. ДАН

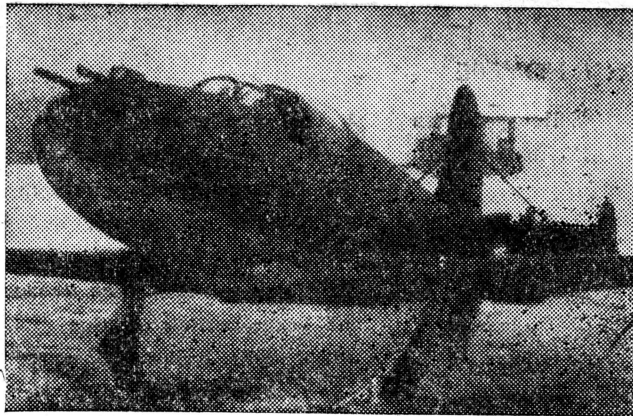
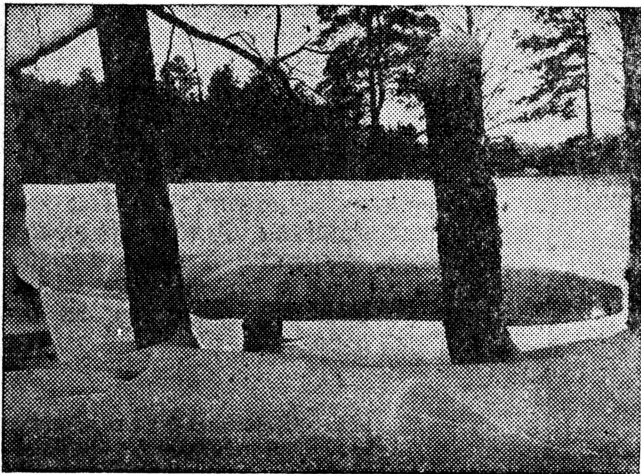
ЛЕДЯНЫЕ СТОЛЫ

На реке Баранче, около Нижнего Тагила, осенние дожди так иногда поднимают уровень воды, что она затопляет прибрежный лес.

Наступают первые морозы, и река входит в берега, а между деревьями остаются висеть льдины, похожие на ледяные столы.

О. БЛАГИНИН

Фото автора

ОН СНИМАЛ БАХЧИВАНДЖИ

15 мая 1942 года навсегда вошло в историю советской авиации. Летчик Г. Я. Бахчиванджи поднял в воздух первый советский самолет с жидкостным реактивным двигателем. Была открыта эра реактивной авиации. Полет стал преддверием космических рейсов. На седьмом испытательном полете 27 марта 1943 года Георгий Яковлевич Бахчиванджи погиб.

О самом герое, о его полетах написано и рассказано много. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О киносъемках двух последних полетов Г. Я. Бахчиванджи стало известно недавно.

...В один из мартовских дней 1943 года к директору Свердловской кинохроники Г. Г. Цигелю пришли и сказали:

— Завтра съемка, о которой распространяться не нужно. Предлагаем, чтобы ее провел оператор Иван Мефодиевич Косицын.

Утром машина с кинооператором была в свердловском аэропорту Кольцово. То, что увидел Косицын на взлетной полосе, очень удивило его. Там стоял, как он выразился, «маленький самолетик» с короткими крылышками, похожий на сигару, у которой в передней и хвостовой части были отверстия. Вокруг самолета ходили, смотрели, что-то делали четыре человека. Иван Мефодиевич и не пытался запомнить имена, даже и того, кто сказал ему:

— Снимайте взлет и посадку и чтобы самолет был хорошо виден на экране. Что бы ни случилось при взлете и посадке — съемку не прекращать.

У кинооператора была старенькая камера «Дебри» без мотора.

К Ивану Мефодиевичу подошел летчик в комбинезоне и представился:

— Гриша. Я летчик-испытатель.

Разговорились. Косицын все же спросил его:

— Как же самолет полетит без пропеллера?

— Хе, еще как взлетит!

И вот самолет взлетел, оператор снимал. Через четыре или пять минут (по рассказу И. М. Косицына) самолет пошел на посадку.

Были приняты все меры, чтобы при проявке и печати кадров ничего не случилось. Тот, кто руководил съемками, забрал коробку с пленкой, крепко пожав руку оператору.

Прошло несколько дней, и снова Иван Мефодиевич Косицын был в Кольцово. И снова взлет. «Взлет-то был, — вспоминал Иван Мефодиевич, — а посадки не было... Набрав высоту, самолет почти вертикально пошел вниз...»

Съемка, о которой идет речь, в то время была не только секретной, она была архисекретной.

Фамилию летчика кинооператор узнал недели через две. А свои кадры он увидел только в шестидесятых годах, в кинофильме «Им покоряется небо».

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

В НОМЕРЕ

О. Поскребышев	2	Рябина. Поэма
И. Иванов	7	На серебряном меридиане
	10	Строки в летописи подвига
Л. Фомин	12	Солнце красно поутру... Северная повесть
Д. Лившиц	32	Когда деревья были маленькими
С. Беляева	33	Воспоминания об отце
А. Беляев	41	В трубе. Заочный инженер
	50	Мой друг фантастика. Калейдоскоп
Л. Богоявленский	54	И зелен и густ на грядке куст
Г. Романов	56	Фонд Ильича
А. Казаков	59	Школа Айседоры Дункан
И. Шакинко	63	Проекты профессора Матвеева
В. Бердизских	65	Ссылный князь
Е. Бирюков	67	Футуристы в Казани
А. Абрамов	69	«Прошлое мы любим потому...»
А. Шаскольский	72	В одиночку к Северному полюсу
А. Клищенко	74	Как жил мамонтенок Дима
	78	Мир на ладони

Рисунок на 1-й стр. обложки З. БАЖЕНОВОЙ

Редакция:

Ю. БОРИСИХИН,
заведующий отделом публицистики
В. БУГРОВ,
редактор отдела научной фантастики
Л. БУДРИНА,
технический редактор
М. БУРАНГУЛОВА,
корректор
Л. ГОНЧАРОВА,
секретарь-машинистка
А. КОНОНОВА,
заведующая редакцией и отделом писем
Ю. ЛИПАТНИКОВ,
заведующий отделом науки и техники
Е. ПИНАЕВ,
художественный редактор
Н. ШИРОКОВА,
редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8

Телефоны:

51-22-40 (секретариат),
51-55-56 (отделы писем, публицистики, науки и техники),
51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики),
51-53-20 (отделы краеведения, следопытской жизни)

«Уральский следопыт», 1984 г.

Рукописи не возвращаются. Сдано в набор 02.12.83. НС 11018.

Подписано к печати 20.01.84. Формат бумаги 84×108^{1/16}.

Бумага типографская № 3.

Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.

Усл. кр.-отт. 10,50. Учетно-издательских листов 11,1.

Тираж 307 000. Заказ 531. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий»

Свердловск, пр. Ленина, 49.

Ягой башкиры издавна называют не сказочную старуху, символ злого духа, а женское украшение, нагрудник... Историки декоративно-прикладного искусства считают, что самые красивые яги творили женские руки на Южном Урале. Поэтому и музеи страны стремятся включить в свои этнографические коллекции прежде всего старинные нагрудники, обнаруженные в районе Челябинска.

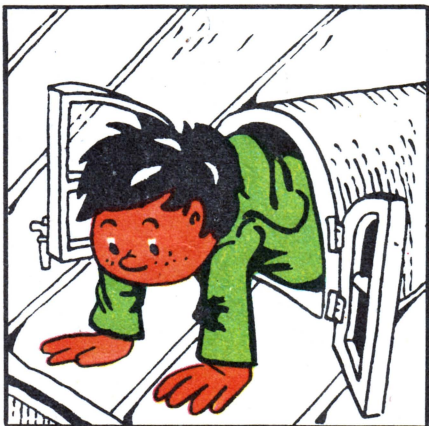
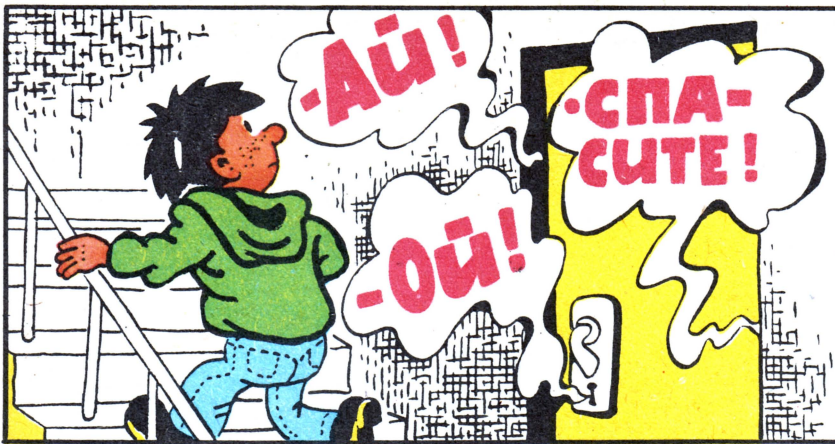
С красе-яге рассказывает старший научный сотрудник Челябинского краеведческого музея В. С. Боже:

— Известный исследователь Сибири академик А. П. Окладников описал нагрудник, состоящий из медных бляшек. Это — уже прообраз яги. И пользовались древним нагрудником люди второго тысячелетия до нашей эры, чтобы звоном бляшек отпугивать злых духов, защищаться от дурного глаза.

Яга — семейное сокровище, реликвия. Сграбить женщину, отнять у нее украшения — монеты разбойники прошлого не решались, боялись совершить святотатство. Как же создавались замечательные яги? На сетке из мелких кораллов и бисера крепились звонкие монеты, бляхи и даже ордена и медали — так, как продиктует чувство красоты. Не встретишь на Южном Урале двух одинаковых яг. Заметим, их делали не только женщины из богатых родов. Самые роскошные яги были тяжелы, весили до двух килограммов.

В праздничном национальном наряде башкирок с давних пор была также шлемообразная шапочка с длинным хвостом, унизанным серебряными монетами. В буквальном смысле нелегким было сверкающее женское украшение. Зато и веры было больше в то, что звон такой яги не даст злу посягнуть на семейный очаг...

Снимки на 4-й стр. обложки
Александра Лысякова

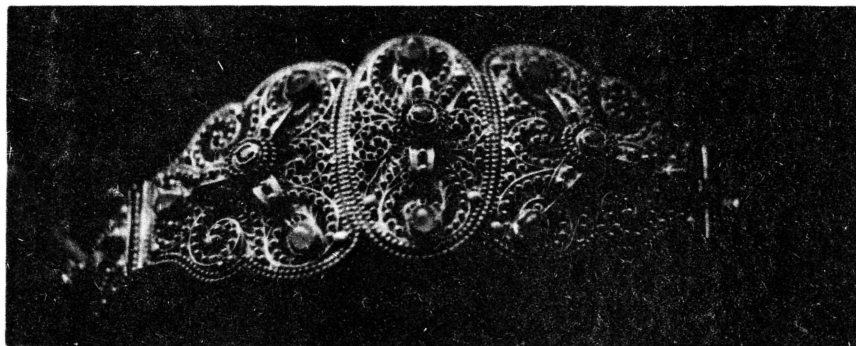
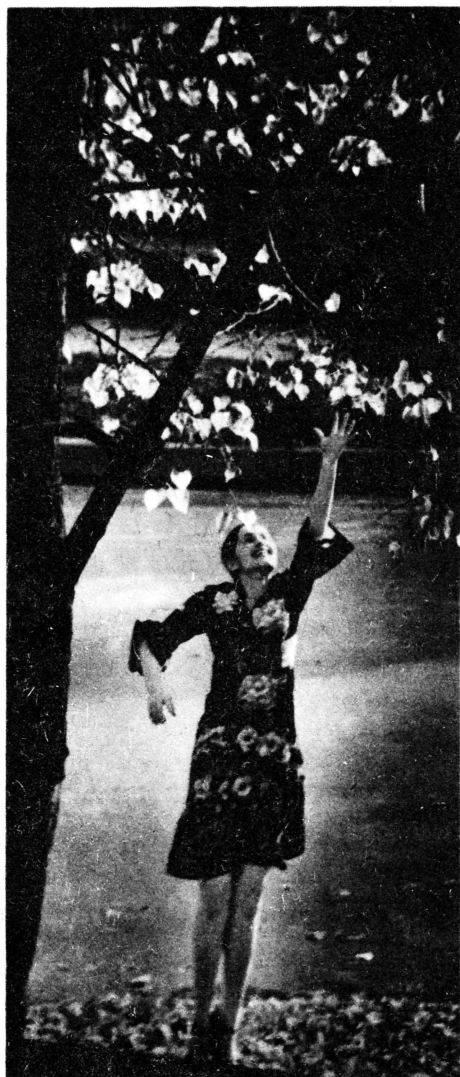
**ЗАКЛЮЧАЙТЕ
ДОГОВОРЫ
СТРАХОВАНИЯ
ОТ НЕСЧАСТНЫХ
СЛУЧАЕВ!**

УПРАВЛЕНИЕ
ГОССТРАХА
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

ЗВОН И БЛЕСК ЯГИ...

Фото А. Лысякова

Читайте стр. 80.